

К. Бэу, Е. Белозерова, Р. Реѹ

Я НЕ
АРИСТОКРАТ

Я попал в компьютерную игру против воли. Что мне досталось от всемогущего рандома? Рабский ошейник, кот и ящерица. С таким вот стартовым набором я должен стать воином, вернуться в реальность и отомстить. Вот только с игрой происходит что-то странное: убитые mobs оживают, а неписи превращаются в игроков.

Кристиан Бэд, Екатерина Белозерова, Риона Рей
Я не аристократ

Глава 1. Два «апостола»

Люди очень удивляются, когда с ними поступаешь так же, как и они с тобой.

— Да не тянут эти идиоты пять суток! Как ты не понимаешь — они вообще ничего не тянут! — горячился тощий мужик в сером костюме с белым галстуком.

Толстый в белом костюме с серым галстуком жмурился, как сытый кот, и сладенько улыбался. Глаза у него при этом были такие злые, словно он примеривался кинуться на тощего и удушить его галстуком любого цвета, на выбор.

Тощего звали Павел Савлович, толстого — Пётр Семёнович. Но по отчеству их в родной конторе величали редко, несмотря на солидный возраст.

Оба они были учёными. Обоих пригласил в фирму Герман — приват-директор, про которого мало кто знал хорошее. И Павлу, и Петру казалось странным, что научным учреждением руководит качок с замашками братка из девяностых. Однако рулил фирмой именно Герман.

Был у «Магнетик Инк» и генеральный директор, но про него ходили только мутные слухи. Никто даже не знал толком, где он сидит.

Филиалов фирма развела много, а головное предприятие было зарегистрировано на Кипре. Может, от налогов так убегали, а может, гендир руководил прямо с пляжа?

Филиал в Н-ске, где трудились Павел и Пётр, занимался, в основном, тестированием и адаптацией геймеров к игровому миру. Технические разработки вели другие парни. Был какой-то филиал в соседнем Чморске.

Павел и Пётр в эти дела не лезли. Их наняли, чтобы «докрутить» идею. Павел был асом в социопсихологии и физиологии мозга, Пётр — специалистом по кадрам: он отвечал за подгон испытателей-геймеров.

Дело, однако, не ладилось. Новый концепт, именуемый «Магнетик», совсем не магнитил потенциальных клиентов.

Правда, сами клиенты об этом ещё не знали. Шла работа тестировщиков и фокус-групп.

— Тупые они! Ленивые! — тощий Павел вскидывал согнутые в локтях руки, как магазинная курица, ухваченная за крылышки. — Они не понимают, что и тут тоже выкладываться надо! Крутиться! Ты знаешь, кто у нас в «Магнетике» через год будет у власти?

— Кто? — удивился толстый Пётр.

— Да никто! — вознегодовал худой. — Неписи! Все твои игроки сливаются! У меня даже график есть. Вот!

Он развернул на экране компьютера таблицу.

Ругались Павел и Пётр в маленьком аккуратном кабинете для совещаний. С единственным столом, зато с дюжиной стульев, расставленных вдоль стен.

Из достопримечательностей тут был только аквариум с лабораторным вараном Яшкой, любимцем приват-директора Германа.

Варан был здорово похож на Германа — такой же тупой, хищный и отмороженный на всю голову. Пока Павел и Пётр спорили, он делал вид, что дремал.

— Ну, вот сам посмотри! Зелененькая кривая, это те, кто сливаются через сутки. Их сорок процентов! Сорок, ты понимаешь! Проходят реальные сутки или три игровых дня, и персонаж уже сдался, он плачет и хочет домой! И в штаны наделал!

— А синенькая?

— А синенькая те, кто продержался двое суток. Потом они все устают и хотят перерыв. Они же все чигерить привыкли. Им надо отойти, попить пива, поиграть с друзьяшками в пейнтбол. Они не понимают, что выхода из этой игры не будет!

Толстый Пётр хмыкнул. Синенькая кривая охватывала ещё треть игроков.

— Красная — трое суток?

— Да. Трое реальных, девять игровых.

— А больше?

— А больше — никак, — развёл руками Павел.

— Мда, — оскалился толстый, взвешивая глазами тощего. — Герман нас скоро самих на пять суток в игру отправит.

Игроков подбирал он, но раз все такие — его-то какая вина?

— А я при чём?! — прошипел тощий Павел. — Чего ты на меня так уставился?

— Ну, ты-то понимаешь, что мы готовим бомбу, а выйдет пшик! Большинство игроков, конечно, будут нахлебниками. Но кто-то заплатит денег, и мы дадим ему базовое выживание и защиту. И вот вопрос — за счёт чего нам давать эту самую базовую защиту, если человеческие мозги просто не тянут прогресс в игре? Сколько не вливай в них скилов и игровой валюты, если мозг игрока тупит в реале, он и в игре профукает всё!

— То есть мне им мозги поправить? Я тебе кто, бог?

— Слушай, — толстому Петру стенания коллеги явно поднадоели. — Ну, ты же биолог, Паша? Ты что, не можешь создать из них в игре каких-нибудь сверхлюдей?

— Да всё я могу, — дёрнул тот куриными крылышками. — Хоть богами их могу прописать, пожалуйста. Но тупость у каждого останется личная, хоть как ты его назови. Я же тебе сказал — они неконкурентны мозгами! Не понимают себе подобных, не считают чужие эмоции, не владеют прогностическим мышлением. В школе плохо учились, книжки плохие читали — даже примерно не знают, как выходить из сложных ситуаций. Думают, что им всё на блюде будет, вместе с базовыми навыками. Просто человеческий шлак какой-то, диванные воины! И чем мягче диван, тем амбициозней! Что с ними делать, а? Они должны проявить свою волю, свою смекалку... Как я им это дам?

Павел завёлся и начал бегать по кабинету, размахивая локтями:

— Ты же понимаешь: наша игра — прорыв, новый уровень игрового мира! В ней можно жить! А как жить, если ты — без мозгов?

Толстый молчал. Нервы у него были скрыты крепким слоем жира, а потому не особенно беспокоили.

— А если мы дадим им преимущество в реализации инстинктов? — подумав предложил он.

— А почему именно инстинктов? — удивился тощий.

— А ты думаешь — богатые самые умные? — рассмеялся толстый. — Ты Германа видел? Они самые хищные. Сущность богатого человека в том, что он жрёт конкурента, не рассуждая и не жалея. За десять процентов прибыли Герман удавит нас всех на фиг. В нём сильны первобытные инстинкты, сечёшь? Инстинкты-то ты можешь игроку подкрутить?

— А как я их подкручу? — дёрнул «крылышками» Павел. — Инстинкты нам даны такие, какие есть. Их не поменяешь.

— Ну... — Толстый почесал отсутствующую лысину. — А если как-то растормозить самую древнюю часть сознания — лимбическую систему мозга? Чтобы игроки маленько

озверели? Придумай, я, что ли, тут физиолог?

— Лимбическую? — удивился тощий. — А какое она имеет отношение к...

И тут он замолчал, а толстый осклабился: понял, мол? И показал на варана, делающего вид, что он тут совсем ни при чём.

— Ящерица не думает, она действует, — пояснил он на всякий случай. — Она или удирает, или за руку — цап!.. — Толстый поморщился и потёр руку, покусанную Яшей. — Все эти богатые твари, что из первой сотни списка «Форбс», они же, как ящерицы. Холодные и только и знают, что цап, цап, цап!.. Их только впусти в игру, вроде нашей, и там всех сожрут!

Толстый Пётр и тощий Павел разом покосились на аквариум с вараном.

Яша доброжелательно моргнул. Он всегда был рад кого-нибудь цапнуть, только сунь руку.

— Ну, допустим... — сказал тощий. — Надеваем перчатки, берём Яшку, делаем карту его мозга и накладываем на мозг клиента... Но как это сделать?

— Загрузи идеей изобретателей, — хмыкнул толстый. — Пусть думают, им за это бабло платят. Двойной деприватор какой-нибудь?

— Чтобы слить два сознания в одно? — уточнил тощий.

— Ну или подсадить человеку сознание варана, чтобы оно пробуждалось в нужный момент... — Толстый опять поскрёб несуществующую лысину. — Например, когда уровень адреналина в крови пересечёт некий заданный нами порог, и нужно будет бежать или драться... А наш клиент драться не способен, и пока он тупит, происходит «бац»!.. И пробуждается Яшка! А падает уровень адреналина — Яшка опять засыпает!

— А Герман что скажет?

Оба с тревогой посмотрели на варана в аквариуме. Ящер был любимцем приват-директора.

— А мы не будем пока этот эксперимент афишировать, — предложил толстый. — Соберём опытную установку, простенькую, из подручного материала. А Герману говорить не будем. Если что — отыграем обратно, делов-то.

— А кто её будет испытывать? — засомневался тощий. — Если кто-то свой — сто процентов заложит Герману.

— Ну.... — толстый пожал плечами. — Да вот так же фокус-группу тебе соберу. На одно задание.

— А если эксперимент провалится? — прошипел тощий, испуганно озираясь. — А если испытатель с катушек слетит? Шутка ли — два сознания в одной голове?

— Значит, испытателя надо со стороны брать, без контракта... — Толстый улыбнулся так, что его напарника продрал мороз.

Тощий замотал головой: мол, нет, на такое он никогда не пойдёт, и не надо его уговаривать!

Но тут дверь открылась, ввалился Герман и уставился на Петра и Павла колючими глазами двенадцатого калибра, упрятыми под крепкий козырёк лба.

Тощий в ужасе покосил на варана — неужели ящер как-то донёс хозяину?

— Ну?! — грозно спросил Герман, раздувая ноздри. — Чего вы тут, сукины дети, задумали?! Хотите, чтобы я вас у-у-у... волил?

Глава 2. Кот и варан (два месяца спустя)

— Скоро получим ответ от заказчика и будем править...

— ...Миром?

— Нет, Вася, макет.

Я уже заканчивал сборку последнего офисного стола, когда позвонила начальница:

— Сергей, у тебя ещё один заказ на сегодня, в Поповке.

Я даже дар речи потерял от такой изумительной новости. На часах без пяти шестнадцать, до Поповки час пилить по пробкам... Это я когда домой попаду?

— Лидия Семёновна, а на понедельник никак нельзя этот заказ перенести? — выдавил я, косясь на клиента.

Клиент уже работу пришёл принимать, а я не люблю публично унижаться перед работодателем.

— Нет, Сергей, никак нельзя, — радостно оповестила меня Лидия Семёновна. — Заказ нужно отработать срочно. А кто у нас срочно соберёт три железных шкафа? Только ты с твоими золотыми руками!

— Да я бы с понедельника прямо с утра к ним!

— Сергей, ты же не первый год в нашей фирме работаешь. Если мы заказ взяли, мы его делаем! — отрезала начальница.

Блин! А кто тебя, тупую дуру, просил брать такой заказ в четыре часа вечера? В Поповке! Да ещё в пятницу!

Я с раздражением обзрел выполненную работу: два офисных стола, три шкафчика, полка... Ширпотреб, кривь да кось, ну и помучился я с этой «мебелью»...

Подкрутил ножки, устанавливая поровнее особенно криво стоящий шкафчик... Сегодня я собирал офисную мебель в типографской фирме и надзирал за мной испитый завхоз.

— Принимай, Вася, — сказал я ему. — И распишись вот тут и тут.

— Я не Вася, — возмутился испитый. — Я — Миша.

— Да ты извини, — рассмеялся я. — У меня все заказчики — Васи!

Завхоз попридирался к неровному полу — но пол-то не я им стелил — и подписал акт.

Я съехал на лифте с третьего этажа прямо на подземную парковку, выгнал на объездную старенькую тойоту и попил на Поповку.

А что было делать? Ну вот такая жизнь — подчиняешься любой бабе.

Хотя, работа-то, в общем, хорошая. Чистая. Начинаю обычно в десять и к четырём уже дома. У нас тут маленький офис, а основное начальство сидит в соседнем Чморске, потому сильно и не чморит — не дотягивается.

Но бывает и так, как сегодня, ага.

Радио гоняло музыкальное старьё про любовь Бузовой к собственной филейной части, осеннее небо жмурилось и грозило ранним октябрьским снегом.

Третье октября, блин, Сибирь...

На дороге голосовал рыжий кот. Выперся на проезжую часть и истошно мяукал. Его объезжали, но ведь найдётся дурак — задавит.

Я затормозил, съехал на обочину, и кот с какой-то странной готовностью подбежал к машине.

Приоткрыл дверцу:

— Ну вот ты что, как мудака, тут торчишь? Задавят тебя, будешь знать!

Кот, слушал, сунув морду в салон.

— Куда тебе? До Поповки? — спросил я.

Кот запрыгнул.

Трасса была сухая, ладно, не напачкает сильно.

— Ну ты и наглый.

Я закрыл дверцу, и мы с ним поехали, ругая баб, погоду и тупых заказчиков. Я ругал, кот благожелательно слушал, свернувшись на переднем сидении.

Когда свернули на Поповку, это такой новый микрорайон у чёрта на рогах, кот замяукал, и я высадил его у «Пятёрочки».

Кота, наверное, ждали. А вот меня дома не ждал никто. Кому я нужен, контуженный немиллионер?

Немного послужил Родине, на пенсию вышел. Мебель теперь собираю.

Район Поповки я знал плохо, но моя контора нашлась сразу за «Пятёрочкой». То есть не моя, а заказчика. «Магнетик Инк».

Идиоты, в общем. Кто может выговорить такое название?

Это им как в контору звонят? «Это маг... блин... инк? — Нет, это херачечная!»

Офисное здание, где «Магнетик Инк» теснилась вместе с десятком других фирм и фирмочек, было новым, опрятным, со свежим ремонтом. В холле стояла мебель местной фабрики «Армус», очень себе недешёвая.

Пять этажей и отсутствие внизу указателя, что тут у них на каком этаже, сразу ввергло меня в тоску. Однако вахтер с журналом и при кобуре сам рассказал, куда мне идти.

Я поднялся на второй этаж, отмечая и здесь свежее окрашенные стены, новую плитку на лестнице и горшок с цветком на окне. Видно, арендаторы плату вносили исправно.

«Моя» фирма занимала весь этаж, об этом свидетельствовала вывеска «Магнетик Инк»: металлизированные буквы плюс строгий серп логотипа. Эх, подрезали они мне сегодня пятницу, как вот этим серпом по самому дорогому.

К счастью, нужная мне дверь нашлась прямо у входа на этаж.

Я хмыкнул, оценив стоимость стального полотна премиум класса.

Интересно, зачем в обычном офисном помещении такая навороченная дверь? Алмазы они тут, что ли, хранят?

Я постучал для приличия и вошёл.

Кабинет был пустой. Нет, по стенам, конечно, стояло железо, вроде того, что бывает в серверной, а в левом углу лежали детали будущих шкафов, обёрнутые в крафт-бумагу. Но ни стульев, ни полок, ни кружечки с засохшим чайным пакетиком — ничего не напоминало, что в этом кабинете раньше кто-то работал.

Встретили меня двое — тощий и толстый, оба в костюмах с галстуками и на завхозов совсем не похожие.

У толстого был обычный такой галстук, серый в рубчик, а у тощего — кипенно-белый.

— Мераба, — сказал я в надежде, что примут за гастарбайтера и с разговорами лезть не станут.

На турка я слегка походил — загорелый, чернявый.

Но толстый, тот, что с серым галстуком, даже обрадовался.

— О, живой полиглот, заходи! Нихау тебе. Вот тут наши три шкафа.

Он сунул мне в руку бумажку со схемой сборки.

Я посмотрел в угол, заваленный хорошо упакованным железом, и чуть не присвистнул. Обычно железный шкаф собирать — работа не пыльная. А тут не шкаф был, а, судя по схеме, этакий ящик в ящике и опять в ящике. Целая установка.

— Это не шкаф, — сказал я. — И не сейф.

— Так мы и просили хорошего мастера подогнуть, — расцвёл толстый.

Мол, мне и карты в руки.

— Мастер-то я хороший, а вот тариф у меня записан стандартный! — Мне больше всего хотелось домой и меньше всего — насиловать в конце рабочей недели мозг.

— Тариф мы обсудим, — вмешался тощий. — За сколько соберёте, за час?

Он уставился на меня скептически.

Лицо у тощего было недовольное и неприятное. Я таких скептиков видел в гробу индивидуальной работы, с окошечком, чтобы родня убедилась — отлаялся Бобка.

Я спародировал кислую рожу тощего и стал разглядывать схему непонятной конструкции.

Не, тут не на час. Тут на весь вечер...

— Не успею сегодня, — отрезал я. — Поздно уже. Мы до шести работаем.

— А за сколько успеете? — расплылся в улыбке толстый, оттирая тощего.

Он, верно, отвечал в этой паре за переговоры.

— За пятнадцать косарей, — выдал я, чтобы мужик отвязался.

— Замётано! — сказал толстый, и улыбка его стала похожей на оскал. Он решил, что я из тех, кто за деньги согласен мать родную продать, и с места в карьер перешёл на ты. — Начинай! Я найду через час-другой, проверю. — Потом толстый обернулся к тощему и упрекнул его: — Ну вот, а ты говорил — неделю будем искать. Хороший же мастер. Подходящий.

Тощий хмыкнул, словно, не веря в мои силы.

Я почесал загривок: «Козлы они, конечно, оба, но... за пятнадцать...»

— Наличкой? — спросил я.

И толстый с готовностью кивнул.

Конструкция в распечатанном виде оказалась ещё страннее. Самый большой железный ящик занял бы полкомнаты. Остальные два монтировались у него внутри. Один был в рост человека, а второй — совсем маленький, под кота, например.

«Под кота» был обычный такой ящик, без наворотов, а под человека — с крепкими стальными штангами по периметру. Вот с них и надо было начинать сборку...

Мужики собрались уходить, и я сказал толстому в спину:

— А ставить-то куда его будете? Лучше сразу по месту собирать, тяжеленный же ящик.

— Прямо по центру комнаты и собирайте, — толстый обернулся, ткнул пальцем и туманно пояснил: — Так нам потом удобнее будет.

— А что это вообще за штука? — удивился я.

По центру — такое вообще ни с чем не вязалось. Ведь не пройти же будет? Да и как они, интересно, собираются использовать эту странную хрень?

— Экспериментальное оборудование, — толстый посмотрел на меня оценивающе, как на кусок мяса.

Неужели думает, что не соберу?

Ну и улыбочка у него — мерзее некуда...

Подсознательно ждёшь, что толстый человек — добрее худого, а у этого под обвисшими щеками — зубки, как у бульдога. И глаза — хитрые, кованные из железа.

Ну, ничего, видали мы таких коварных за ихние деньги!

— Времени у вас до девяти. — Предупредил толстый. — Дальше надо дверь на охрану ставить. Поторопитесь.

— Да ладно, Вася, сделаем, — махнул я ему.

— А почему Вася? — удивился толстый уже с порога.

— А у меня все заказчики — Васи, — усмехнулся я, с удовольствием отмечая растерянность на его складчатом хитром лице, и принялся распаковывать и раскладывать на полу детали.

Да, первый шкаф оказался как раз на полкабинета. Тем, кто тут будет работать, только и останется, что всё время вокруг него плясать.

Величиной он был примерно как бак для полива на тёщином садовом участке.

Это когда у меня ещё были жена и тёща, я им вкопал железный бак. И вкопанный — он был мне как раз по грудь, как и этот ящик. Ну и по размеру — самое то.

Не дай бог, как говорится, сыграть в такой ящик.

И почему говорят — сыграть? Как можно сыграть в ящик?

Может быть, это музыканты придумали, которые идут на похоронах за гробом и дудят в свои трубы?

Или геймеры? Играл-играл в свой «чёрный ящик», иссох, скрючился и помер от игры?

Я поскрёб затылок, примериваясь, как быстрее собрать эту странную конструкцию.

Зачем вообще может понадобиться здоровенный железный ящик, а внутри — два поменьше?

Я повертел стенки. Судя по весу, они были полыми.

Интересно, если это экспериментальное оборудование, то предполагается, что в ящики кого-то сажать будут?

В тот, что побольше, человек поместится. Даже Шварценеггер влезет или Сигал. А в те что поменьше: любое животное средних размеров — кот, болонка или черепаха.

Вот если бы сделать железный ящик, разгороженный надвое стальной решёткой, и мирить в них тёщу с зятем? Но ведь нет такой стали, чтобы тёща не прогрызла, ага?

Я установил детали каркаса и стал крепить к ним штанги для второго, внутреннего ящика. Чтобы надёжно было, а то эти хлипкие стенки любой Шварценеггер помнёт.

Или у них что-то внутри?

Но интерес скоро пропал. Запарился я один. Хорошо хоть детали были сделаны на совесть, всё стыковалось, и работа шла.

Я то и дело поглядывал на часы. Даже курить не стал, так хотелось обещанную прибавку к зарплате.

Уже размечтался, куда потрачу. Поскребу по сусекам, и резину зимнюю обновлю. Хотел свозить — зашиповать, но зима-то долгая. Синоптики сказали, что снег прямо как ляжет, так и потом всё. 23-го, говорят, ляжет, не позже.

Вот всё-таки дура начальница, но польза от неё иногда есть. Хотя баба, конечно, вздорная. Голенастая такая, с круглой жопкой. Вот у кого много половин, ага, Бузова?

— Ну, что у тебя тут?

Дверь распахнулась. На пороге стоял тощий, тот, что с белым галстуком, и в руках у него был аквариум со здоровенной ящерицей типа игуаны или вроде того. Только эта была не такая красивая: серая и морда калошей.

— Можете принимать, — сказал я.

Работа только казалась сложной, к семи я вполне управился.

— Как, уже? — растерялся тощий. — А Герман ещё занят. Он — начальник, он и принимать должен.

— Деньги вдохновляют, — признался я, заметив для себя, что есть ещё какой-то Герман. — Я даже не покурил ни разу.

— Ну, иди покури пятнадцать минут, — разрешил он.

— А деньги? — насторожился я.

Знаю я ваши «покури».

— Пока аванс.

Тощий протянул мне мятую пятёрку. Я кивнул и вышел в переулок. Покурить и шаурмы пожрать. Весь световой день на работе — это ж надо!

Снаружи уже стемнело — осень. Переулок был пустой — ни людей, ни машин.

Я осмотрелся, шаурмячную не увидел, и решил уже не искать. Зайти через дорогу, в «Пятёрочку», взять там кофе. А то прохожу, и покурить не успею. Покурить — оно всяко важнее, чем шаурма.

Кофе, к счастью, купить удалось быстро.

Я двинул обратно по зебре и... едва успел отскочить — белая мазда с визгом пролетела мимо меня, тормознув уже после пешеходного перехода.

Стаканчик с кофе оказался закрытым неплотно и горячая жидкость ошпарила мне пальцы.

Я перекинул стаканчик в другую руку, выматерился и пальцем у виска покрутил. И увидел, как из-под колёс мазды прыснул пушистый рыжий кот! Вылитый мой сегодняшний знакомец!

Кот большими прыжками понёсся ко мне, а из окна мазды высунулась такая же рыжая девка.

— Стой, мерзавец! — заорала она, уставившись на меня.

— Сама дура! — рявкнул я.

Рукав ветровки напитывался противной горячей жижей. Вот же бабы! Ну не умеешь водить — не садись!

Тормоза завизжали: мазда развернулась и понеслась на меня в лобовую!

Как я успел отшвырнуть кофе, выхватить из-под колёс кота и отскочить на тротуар — сам не знаю. Хорошо хоть кот меня тоже узнал и когти не выпустил.

Мазда с визгом остановилась, и рыжая снова высунулась из окна.

— Вообще одурела, дура! — заорал я. — Насосала себе машину!

— Отдай кота, гад! — Девка выскочила из мазды.

— Это мой кот! Я его подвёз!

— Отдай! — Рыжая вытянула руки и кинулась ко мне.

Я сунул кота за пазуху и побежал к офису «Магнетик Инк», надеясь, что девка мимо вахтёра с кобурой не проскочит.

Заберу деньги, а кота потом выпущу. Не будет же она меня на крыльце караулить?

Девка не отставала, несмотря на высоченные каблуки, и мне пришлось поднажать. Я нёсся словно олень, а она скакала следом, стуча копытами, как бешеная антилопа гну.

Ей бы рога, и она бы меня достала. Однако я успел взлететь на крыльцо и захлопнул дверь прямо перед её конопатым носом!

Метнулся к вахте, проскочил через турникет, и...

Дверь хлопнула. Вахтёр грудью кинулся наперерез незваной гостье.

— А ну, постойте, барышня!

— Какая я тебе барышня, старый валенок?

Похоже, уходить рыжая девка не собиралась...

Я не стал ждать, чем там у них кончится, и взбежал по лестнице на второй этаж.

Ничего, получу деньги и спрошу у местных про чёрный ход.

Кот, понимая, что ситуация всё ещё патовая, затаился за пазухой, прижавшись ко мне как родной.

Я мигом отыскал кабинет, в котором работал, и рванул тяжёлую стальную дверь.

Глава 3. Раб

Будь добрым, злым тебя сделает жизнь.

Дверь поддалась неожиданно легко, и я увидел у своей железной коробки троих: толстого, тощего и холёного ублюдка с узеньким лбом и глазами как у змеи — холодными и наглыми. Это, наверное, и был тот самый Герман, которому полагалось принимать работу.

Он тоже был в пиджаке, хоть и без галстука, и пиджак этот как-то странно топорщился на груди.

«Пистолет у него, что ли, во внутреннем кармане? — подумал я и сам себя одёрнул. — Меньше НТВ смотреть надо».

Ящик успели усовершенствовать. В самом маленьком отделении стояла какая-то конструкция из проводов и плат, вроде компьютерных. Сверху лежал крутой навороченный шлем.

— Этот? — спросил Герман, уставившись на меня холодными немигающими глазами.

— Да, это — наш мастер-сборщик, — представил меня тощий.

— Ну и чего я тут утверждать должен? Есть мастер — его и берите! — повысил голос холёный. — Что мне, за вас всё решать, дармоеды?

— Но тут есть одно затруднение, Герман Денисович. Мастера-то мы вызывали по телефону... — сказал тощий непонятное. — Это фиксированный вызов.

— Мастер ушёл! — рявкнул Герман. — На камерах есть. А этого — в деприватор!

— Не надо меня в деприватор, — я изобразил самую доброжелательную улыбку, хотя слова эти мне не понравились.

Всякие у меня бывали клиенты. Не знаю, что такое деприватор, а вот на деньги кинуть...

Герман уставился на меня, как на заговоривший стул. Может, у него головка бо-бо? Или принял чего, уголовно наказуемого?

— По работе претензии есть? — спросил я уже резче. — Если нет, то давайте уже рассчитаемся?

— Да, пожалуйста, — осклабился толстый.

Он сунул руку во внутренний карман пиджака, выхватил баллончик и брызнул мне в лицо.

Комнату заволокло туманом. Голова закружилась, ноги ослабли, но кое-что я всё же осознавал.

Тощий и толстый схватили меня под руки и потащили к ящику.

Это как? В центре города, посреди белого дня? То есть, конечно, на окраине и вечером, но...

Так не бывает! Это же не можно! Это же беспредел какой-то! Твари! Да что вы делаете!

— По-поли... ция!.. — попытался сказать я.

Но даже губами пошевелить толком не смог. Только мысленно призывал на эти три тупых головы самые свирепые кары.

Меня затолкали в ящик, пристегнули к штангам ремнями. А в соседний ящик, в тот, куда мог бы войти кот, сунули ящерицу из аквариума: словно в полусне я видел, как она недовольно шипела и топырила лапы.

— Ну, давай, Яшенька, послужи науке! — Герман погладил ящерицу по плоской башке и быстро отдернул руку, а толстый надел мне на голову шлем.

— Если что — зови на помощь Яшу! — напутствовал меня он. — Запомнил, Вася? Я-шу! Мир через стекло стал ещё мутнее, но я ещё видел этих трёх сволочей.

— По-по... — пытался выдохнуть я.

— Яшу! — заорал толстый.

— Поехали! — махнул мне рукой тощий и улыбнулся так, как, наверное, улыбается экспериментатор, отрезая голову таракану.

Таракан без головы живёт три недели. А я?!

И тут меня словно бы по башке ударило. В ушах зазвенело, и реальность померкла окончательно.

* * *

Голова болела. Вот как на работу вставать — так она всегда болит. Просто проклятье какое-то.

Как кувалдой по затылку — бум, бум, бум... Но я же не пил вчера? Ну совсем же не пил? Или?..

Или что вчера-то было?

Сначала, в десять утра, был заказ у частного — шкафчик и полка-орех, отвратное качество. Потом типографская фирма, а потом...

Потом я поехал на Поповку собирать железные ящики...

Поповка! Фирма «Магнетик Инк»! Ящик железны... Ой...

— Ты чего тут расселся, скотина?

Я получил ногой под зад, прямо в копчик, и подскочил от боли. Но не в кровати, а посреди улицы.

Я сидел на бульжной мостовой. Очень узкой, красивой и... грязной.

Мостовую обжимали двух-трёхэтажные каменные дома с черепичными крышами, мимо брели люди в киношной одежде. Этаким средневековый околоевропейский Голливуд — всё пёстрое, странное и ненастоящее.

Если бы ещё не воняло навозом, я бы подумал, что сплю. Но прямо по курсу, аккуратно посреди дороги, возвышалась свежая ароматная куча, сделанная лошадкой, а надо мной нависали два... стражника. С копьями, в крупно стёганных толстых кафтанах, с мечами и в кастрюлях, пардон, в шлемах на головах.

Натурально городская стража. Из кошмарного сна.

Я зажмурился. Может, всё-таки сплю?

И получил второй пинок под зад, который окончательно меня разбудил.

— Чего расселся, раб? А ну, встал! Где твой хозяин?

Пришлось подниматься на ноги, чтобы не дали ещё пинка. Боль-то была настоящая, а сапоги у стражников — кожаные и тяжёлые. Хотя мне, наверное, повезло, что они решили меня пинать, а не копьями тыкать.

Когда это дошло до меня в полной мере, я изобразил лояльность. Заулыбался, пригнул голову в притворном поклоне.

В голове прояснилось так, что аж зазвенело.

Где я? Что это за декорации? Я напился, уснул, и друзья меня разыграли?

Это как в кино, что ли, про попаданца? Актёров наняли, декорации выстроили?

Но откуда у меня такие богатые друзья? Или это не друзья? Но кто?

Стражник в ответ на мою улыбку нахмурился и стукнул об мостовую древком копьё так, что я с испугу чуть опять не присел.

— Отвечай! — приказал он. — Чей ты раб? Чего разлёгся посередь улицы?

— Я не раб!

С чего это вдруг? Что значит — раб? Узнаю, кто это придумал — убью!

— А ошейник ты себе для красоты нацепил? — ехидно поинтересовался стражник.

Я схватился руками за шею и обнаружил там жёсткий металлический обод, как на деревянных бочках.

— А ну, пшёл! — второй стражник сапога для меня пожалел и замахнулся древком копьё.

Я отскочил, запнулся о выступающий булыжник и шлёпнулся на мостовую пузом кверху, дрыгая ногами и руками, как майский жук лапками, а стражники склонились надо мной, словно ангелы возмездия.

— Мужики, сгиньте, — шептал я, махая руками. — Я сплю! Сгиньте, пожалуйста, а?

Но стражники сгинуть не пожелали. Копьё — оружие благородное, потому, повздыхав, они стали лениво и безо всякого желания, но ловко и профессионально пинать меня ногами.

Больно, зараза! По рёбрам, по многострадальному копчику.

Причём они же ещё и жаловались!

— Вот надсада, — вздыхал первый стражник. — Сапоги раз в полгода положены. А они тут так и валяются, так и валяются!

— А зарплату опять не выдали! Старший сказал, мол, потраата! А мне-то чего ихняя потраата?! Если пообещали, что в новолуния, так пусть дают!

Второй пинал вполсилы, причитая так громко, что у меня в ушах зазвенело. Но стражников мне было не жалко ни капельки. Да провались они со своими сапогами!

Ой, рёёёбраа...

Сначала я пытался приподняться, потом только закрывал голову и поджимал ноги.

Стражники пинали меня, пока я не замер, свернувшись как эмбрион.

Может, пожалели или испугались, что прибили нечаянно? Или у них была какая-то норма расходования сапог?

Один из стражников ухватил меня за шиворот, выволок на тротуар и рывком поднял на колени. Пожалел, всё-таки, что ли?

Я открыл глаза и понял, что на жалость понадеялся зря. Я дорогу карете перегораживал, проехать не давал.

Будь я один, кучер огрел бы меня кнутом. Но со мной развлекались «государевы люди» или кто тут платит стражникам? И он остановил пару чёрных как смоль лошадок.

Лошадки тащили карету. И рыжая девица по грудь высунулась из окошка, желая понять, что вдруг за промедление?

Девица была молоденькая, лет восемнадцати-двадцати, в дорогом платье с глубоким вырезом. Кажется, такие называются как-то от слова кольт? Глянешь — и наповал.

Груди грозили вывалиться, а девица так тарачилась, что и я вытарачился на неё. И вот если бы не возраст, она была бы вылитой рыжей бабой, от которой я спас кота.

Я на автомате схватился за грудь — нету кота. Глянул вниз — длинная рубашка из

грубой ткани, под такой и кот не спрячешь, короткие штаны, вроде бриджей, босые грязные ноги.

Но кот-то куда подевался? Где я? И почему тут опять эта баба?

— Эй, капитан! — крикнула девица стражнику. — Это вы, небось, беглого раба поймали? А куда вы его?

— Так в городскую тюрьму, госпожа, — заулыбался стражник, уставившись в вырез платья девицы.

— Украл чего?

— Да кто ж его знает, госпожа, — стражник, продолжавший держать меня за шиворот, дёрнул, я встал на ноги и против своей воли поклонился рыжей. — Вот покажем нашему мастеру по заплечным делам, он с ним побеседует в хорошем тёплом подвале, тогда всё и выясним.

— А потом куда? На виселицу?

Вот кровожадная дура!

— А потом плетей и обратно хозяину! — расхохотался стражник.

— Ну, это за вами не заржавеет! — оскалилась девица.

Она смерила меня презрительным взглядом, прикрикнула на кучера, тот щёлкнул кнутом, и карета затряслась, подпрыгивая на неровной каменной мостовой.

«Да что б ты себе весь зад отбила!» — подумал я.

И тут меня осенило. «Не заржавеет» — словечко совсем не средневековое. Это точно она! Рыжая хозяйка кота!

Крикнул ей вслед:

— Дура!

И получил сначала пинка от стражника, а потом и отеческое наставление:

— Сам дурак. Видел герб на карете? Это единственная и любимая дочка барона Эскобара. А если бы она услышала, как ты орёшь? А если приплатит потом палачу, когда тебя пороть будут?

Лицо моё, наверное, вытянулось, и стражник ухмыльнулся:

— Иди уже, чучело навозное. И мой тебе совет — лучше сразу скажи, откуда сбежал?

— Да я же не помню!

Вышло жалобно. Ведь и рёбра болели, и девка эта рыжая всё ещё перед глазами стояла...

Стражник даже посочувствовал:

— От оно как. Совсем память отбило?

Я печально кивнул.

— Видно, колдун какой-нибудь постарался, — посочувствовал стражник. — Ну тогда тебя в цепи и на каменоломню, если хозяина не найдут. Или на рынке продать, а деньги в казну. Но сначала, конечно, плетей. Может, ты врёшь, а?

Он опять поддал мне пинка, направляя в какую-то известную ему сторону.

И я пошёл, а куда было деваться?

И вдруг вспомнил всё. И ящик этот железный — деприватор. И Германа — холёную лысую тварь в пиджаке, что велела запихать меня в этот ящик. И варана Яшку, недовольно топырящего лапы.

Это куда ж я попал из ящика? На съёмочную площадку? В далёкое прошлое? На другую планету?

Да как такое вообще может быть! И откуда здесь рыжая мучительница кота?

Может, они меня загипнотизировали, я сейчас лежу в ящике, а они стоят рядом и ржут?

Под пятку попался острый камешек, и я захромал. Боль была такая, что не придумаешь.

И жара. И сухость во рту.

И что теперь делать, а?

Глава 4. Рыжая Мурена

Женщины — очень странные существа.

Они замазывают синяки под глазами и намазывают их над глазами.

Это был самый поганый день в Мариной жизни. Нет, позавчерашний день был, конечно, ещё поганее, но о нём думать совсем не хотелось.

С утра всё валялось из рук. Сначала она опрокинула на себя чашку с кофе, и пришлось переодеваться. Затем порвала колготки, зацепившись за дурацкий зонтик в прихожей, будь он неладен!

А тут ещё этот кот!

Его они вместе с Виталием завели. Марина и кормила кота, и ухаживала за ним, но спал он только в ногах у Виталия. Предатель!

Может, именно потому она не захотела отдавать Рыжика, когда теперь уже бывший парень забирал свои вещи. Сказала, что животное останется с ней и точка!

Виталий не стал настаивать и просто ушёл. Бросил кота, зараза!

Теперь Марина жалела о своём решении оставить у себя это избалованное и непослушное животное. Кот напоминал ей о рухнувших надеждах и болезненном расставании.

А ещё лишённый хозяина Рыжик скучал, вонял, драл мебель и блевал ночью на ковёр.

Только сегодня появилась хоть какая-то радость. Должен был состояться запланированный за три недели до этого визит к ветеринару. Отрезать яйца коту бывшего парня — это же символично, верно?

Марина не смогла вспомнить, куда засунула переноску, пришлось запикивать сопротивляющегося Рыжика в спортивную сумку. Кот негодовал, давил упрямой башкой на молнию, норовил вылезти и затихариться под диваном.

Параллельно с запикиванием Рыжика Марина пыталась краситься, но Рыжик протестовал против нормального хода событий.

В третий раз вытянув из-под дивана кота, Марина махнула рукой на косметику, сунула сумку подмышку и, удерживая пальцами молнию, кое-как дотащила Рыжика до машины.

Куда кот из машины денется, верно, даже если опять молнию расстегнёт?

Закинув сумку с котом на заднее сидение и затянув молнию до упора, Марина выехала со двора на своей любимой белой мазде. Машину она купила сама, хоть друзья Виталия и подшучивали: мол, ни на какой работе женщина не сможет заработать на такой шикарный автомобиль.

А она смогла. И пусть слабаки завидуют.

Рыжик копошился в сумке и жалобно мяукал. Видимо, на этот раз Марине удалось-таки как следует закрыть эту проклятую молнию.

— Что, не хочешь расставаться с беззаботной разгульной жизнью? — ехидно спросила Марина кота.

Она знала, что тот не ответит, но ей хотелось выговориться. Да и кота было всё же немножечко жалко. Но мсть...

Курить Марина бросила шесть лет назад, но сейчас ей просто отчаянно захотелось затянуться.

Виталий был таким же упрямым бараном, как этот кот. Влез в ее жизнь, потоптался по ней грязными ботинками и исчез.

Что может сделать слабая ранимая женщина, если мужики — такие же бесполезные и ненадёжные сволочи, как коты!

Не в силах бороться с жалостью к себе и желанием закурить, Марина остановилась у ближайшего киоска с надписью «Табачная продукция».

В последнее время таких киосков в городе становилось всё меньше, и сигареты продавали в супермаркетах. Но в этой глуши, где ей хватило на ипотеку — табачные киоски колхозного типа «ларёк» сохранились, как памятники нездоровому образу жизни.

Парковки возле киоска не было, пришлось прижаться к обочине дороги. Включив аварийку, Марина выскочила из машины и подбежала к киоску.

— Дайте пачку «Винстона» лёгкого, пожалуйста, и зажигалку. Сколько?! — невольно воскликнула она, когда услышала цену.

М-да. За последние шесть лет, пока она не курила, цена на «раковые палочки» возросла почти вдвое.

Схватив вожделенную пачку, Марина бегом вернулась к машине и обнаружила, что водительская дверь приоткрыта.

Она же помнила, что закрыла её... или нет?

«Хорошо, что никто не угнал», — с облегчением подумала Марина и села за руль.

Достала сигарету из пачки, чиркнула зажигалкой. Огонёк появился не сразу, но вскоре Марина всё-таки вдохнула полные лёгкие такого желанного дыма.

И сразу же сильно закашлялась. Из глаз брызнули слезы, зачесался нос.

Марина выкинула сигарету в окно, включила кондиционер и обессиленно откинулась на спинку.

Дурацкая была идея. Шесть лет прошло, организм отвык. Надо ли его приучать по новой?

Она бросила открытую пачку на соседнее сидение и завела мотор.

— Ну что, Рыжик, поехали, отрежем тебе эти проклятые причиндалы?! — мрачно сказала она и выехала на шоссе.

Путь предстоял неблизкий. Кабинет ветеринара находился на другом конце города, в Поповке, совсем недалеко от места её работы.

Ну, хоть дорога знакомая, хотя в это время не протолкнуться — час пик.

Уже подъезжая к знакомым местам, Марина вдруг поняла, что не слышит копошения кота в сумке.

Сначала она подумала, что тот заснул, но потом всё же решила проверить. И не зря. Сумка снова была расстёгнута, и кота в ней не было!

— Кыс-кыс, — позвала Марина, уже понимая, что и в машине кота тоже нету: удрал. — Ры-ы-жик?

Да как он это делает? Магией, что ли?!

— Вот же тварь! — выругалась Марина.

Стало почему-то очень обидно. Её бросил не только парень, но и проклятый кот, берегущий свои никчёмные яйца!

— Все мужики — козлы! — произнесла она известную всем женщинам аксиому.

И собралась было разворачиваться, чтобы ехать назад, искать кота возле киоска, ведь выскочить из машины он мог только там... Как вдруг увидела выходящего из-за угла дома Виталия, и её словно ледяной водой окатило.

Как он всё-таки был красив! Не зря на него бабы заглядывались прямо на улице, когда Виталий и Марина в самом начале отношений гуляли по вечерам.

Ах, какие это были чудесные вечера!

Марину тогда просто распирало от гордости. Ведь Виталий выбрал её, это с ней он идёт под ручку. И пусть все завидуют!

Марина даже губу закусилась от досады на себя прошлую. Какой же надо быть дурой, чтобы не разглядеть зловредное чмо, затаившееся в душе у красавчика-Виталия! Ведь она же видела эти мутные глазки, эту самодовольную рожу человека, который любит только себя!

Как она могла на такого запасть? Как?

Но тогда, ослеплённая любовью и красотой избранника, Марина не замечала уколы подсознания. Прощала Виталию истерики, обиды, манипуляции. Он же такой красавчик, такая «творческая личность»...

Тьфу!

Виталий шёл мимо ветеринарной клиники, у которой Марина как раз собралась парковаться. И шёл не один, а с жирной коротконогой брюнеткой.

«Низкожоп сибирский! И где он подобрал такую страшилую?» — подумала Марина и, крутанув руль, ловко припарковалась прямо перед приближающейся парочкой.

Потом она опустила стекло и высунулась из окна, попытавшись придать своему лицу безразличное выражение.

— О, кого я вижу! — чуть громче, чем хотела, произнесла Марина.

Голос дрогнул. Доктор на вывеске ветеринарной клиники хищно оскалился и вытащил из кармана скальпель.

Марина моргнула, в ужасе понимая, что ей до галлюцинаций хочется кинуться на бывшего парня и совершить над ним то непоправимое, чего только что избежал Рыжик. Скальпелем!

Виталий, увидев Марину, тоже не очень обрадовался. Он вытаращил глаза, и на его красивом лице оформилось капризное раздражение.

— Мариночка, что тебе нужно? — надул губки бывший. — Я же просил тебя не бегать за мной! Между нами все кончено!

— Да я не к тебе, дорогой, — сладким голосом произнесла Марина, хотя внутри у неё всё клокотало от злости. — Хотела девушку твою предупредить, чтобы сильно не обольщалась на твой счёт.

Она выставила руку в окно и изобразила, как будто держит пальцами что-то очень маленькое. И сочувственно покачала головой, грустно глядя на толстопопую избранницу Виталия.

— Я тебе так сочувствую, подруга... — произнесла Марина. — Просто жутко! — И приготовилась дать по газам.

— Это что, твоя бывшая? — злобно спросила Виталия брюнетка и ковырнула каблуком асфальт. — Ах, ты, рыжая прощмандовка!

Брюнетка с места в карьер кинулась к мазде и вцепилась Марине в волосы.

Марина в первую секунду растерялась, она не ожидала от новой пассии Виталия прыти, с такими-то короткими ногами!

— Отпусти, идиотка! — Она пыталась отодвинуться от агрессивной сумасшедшей, но брюнетка уже обеими руками и головой была в машине.

Марина оказалась всё-таки ещё недостаточно зла, чтобы газовать.

Она нажала кнопку подъёма стекла, надеясь, что безумная баба побоится застрять и отстанет... Но не учла, что пальцы брюнетки напрочь запутаются в пушистых рыжих волосах.

Стекло прижало голову брюнетки, и та оглушительно завизжала, изо всех сил дёргая Марину за волосы.

— Леночка! Леночка! — причитал на улице Виталий, прыгая вокруг машины.

Проходящий мимо полицейский патруль не заинтересовался бы ситуацией: ну орут бабы и что?

Но к ППСникам кинулся Виталий.

— Помогите! Мою девушку силой удерживает вон та, на мазде. Она агрессивная, сделайте что-нибудь! Она мне угрожала! Она представляет угрозу для общества!

«Что ты несёшь?» — думала Марина, пытаясь выпутать пальцы «Леночки» из своих волос.

Но возразить она в таком положении не могла. Было очень больно, обидно, и всё так же нестерпимо хотелось убить новую пассию и отрезать бывшему яйца.

Один из полицейских подошёл к машине и, небрежно приложив пару пальцев к форменной кепке, представился:

— Лейтенант Кокошечкин. Опустите стекло, гражданочка.

Марина кое-как изловчилась нажать локтем на кнопку, и стекло поехало вниз, освобождая голову коротконогой пассии Виталия.

Леночка была не готова к внезапной свободе и равновесия не удержала. С криком: «Тля!..» — она рухнула задницей на асфальт, унеся с собой два здоровенных клока рыжих волос Марины.

Природа ей отомстила жестоко: из-под задравшейся юбки на всеобщее обозрение торчали короткие кавалерийские ноги.

«Зато падать невысоко!» — мстительно подумала Марина, ощупывая и разглядывая в зеркало на козырьке пылающую голову.

Крови, вопреки её опасениям, не было, но больно — жуть.

— Попрошу выйти из машины и предъявить документы! — жизнерадостно предложил лейтенант Кокошечкин.

Он изо всех сил старался не заржать.

— Психическая! Накинулась на мою девушку! — бился в дверку мазды Виталий. — Заберите её в отделение, а лучше — в сумасшедший дом!

«И как я раньше не замечала, что у него такой визгливый бабий голос?» — с горечью подумала Марина.

— Не мешайте, гражданин, отойдите! — Лейтенант был опытный, и от смеха-таки сумел удержаться. — Только недалеко. Ваши документы тоже подготовьте. И пострадавшей.

Марина вздохнула, взяла сумочку и вышла из машины.

— Прошу всех пройти в отделение, — козырнул Кокошечкин. — Здесь рядом. Там вам будет удобнее.

Второй патрульный всем своим мрачным видом показывал Марине, что возражать не стоит. Ибо если он сейчас не выдержит и уронит авторитет неуставным смехом, виновные проведут вечер в обезьяннике.

— Но мы-то тут ни при чём! — взвизгнул Виталий, прижимая к себе Леночку, которая остервенело вырывалась из его объятий.

Она уже поняла, что в полиции «молодые» потеряют сейчас, хорошо если вечер. Предъявить-то Марине нечего. Она-то в своей машине сидела, и понятно, что напали на неё, а не наоборот.

— Вот мы сейчас пройдем в отделение и не спеша разберемся, что тут у вас была за эпическая битва, — заверил Кокошечкин и откашлялся в кулак, сглатывая смех.

В участке «героев эпической битвы» продержали больше двух часов.

Пока составили протокол, пока показания сняли, пока определили, что же произошло на самом деле и примирили «стороны» — уже совсем стемнело.

Марину, конечно, отпустили, вернув ей ее документы. Требовать сатисфакции она не стала: злость прошла, и смотреть на бывшего ей теперь было просто противно.

Она вышла из отделения полиции в сизый осенний вечер усталая и опустошённая и побрела к машине.

Было тепло, сухо и безветренно. Наверное, уходили последние денёчки перед мерзкой ледяной слякотью.

Виталий с Леночкой переругиваясь вывалились следом. Жутко недовольные, они прыгнули в подоспевшее такси и умчались в неизвестном направлении.

К ветеринару Марина давно уже опоздала, да и не имело смысла идти к нему без кота. Она долго отряхивала сидение от волос, наконец, села и решила ехать домой, надеясь, что сбежавшего рыжего мерзавца найдёт прямо под дверью квартиры.

Ведь кот, скорее всего, вернулся домой, куда ж ему ещё деться?

Марина завела двигатель, легко нажала на педаль газа, вырuling на дорогу, но тут же ударила по тормозам: прямо из-под колёс выпрыгнул Рыжик и, задрвав хвост, помчался к пешеходному переходу!

— Стой, мерзавец! — заорала Марина, высунувшись из окна.

Дурной кот, видимо, шёл сдаваться, но передумал и бросился в бега.

Марина опять завела машину, погналась за котом и... чудом успела затормозить, едва не задавив какого-то небритого мужика.

Пока она переводила дыхание, кошачий предатель прыгнул мужику на руки и засел там, издевательски ухмыляясь.

— Вообще одурела, дура! — заорал мужик, прижимая кота к груди. — Насосала себе на машину!

От этой фразы у Марины даже в глазах потемнело. Да как он смеет?! Он же её первый раз видит, а туда же, козёл недоделанный!!

— Отдай кота, гад! — Она вылезла из машины и быстро, насколько позволяли каблук, зашагала к несостоявшейся жертве аварии.

— Это мой кот! Я его подвёз! — крикнул мужик и подло нырнул в открытую дверь марининового же офисного здания.

Именно здесь фирма «Магнетик инк», где Марина работала тестировщиком, арендовала весь второй этаж — два с лишним десятка кабинетов.

Она вбежала следом за мужчиной, и только строгий окрик вахтера: «А ну, стойте, барышня!» — заставил её притормозить и обернуться.

— Какая я тебе барышня, старый валенок? — в сердцах выпалила Марина. — Своих не узнаешь?

— Ой, простите, Марина Егоровна, действительно не признал, — извинился вахтёр, прицельно разглядывая её. — Вроде поздно уже для работы. И причёска у вас сегодня такая необычная...

— Да это вы простите, Матвей Геннадьевич. — Марине вдруг стало стыдно за свою грубость и ошипанные волосы. Вахтёр-то не виноват, что на неё сегодня идёт охота всех местечковых дебилов. — Вообще-то, у меня выходной. Вот кота на кастрацию привезла к ветеринару, а он сбежал.

— Кот или ветеринар? — расплылся в улыбке вахтёр.

Марина смогла лишь неопределённо махнуть рукой. Ну, а чего жаловаться-то?

Вымучено улыбнувшись вахтеру, она побежала по лестнице вверх, надеясь догнать урода, который украл её Рыжика.

Вот гад! Его бы самого к ветеринару на дефабержирование! Вместе с котом!

Марина поднялась до четвертого этажа, заглядывая на каждый, но никаких следов беглеца не обнаружила.

Тогда она спустилась на «родной» второй этаж: может, кто из подруг на смене, хоть пожаловаться... И, увидев свет за неплотно прикрытой дверью, вошла в один из многочисленных кабинетов «Магнетик Инк», где работала уже третий год тестировщиком.

Фирма занималась разработкой и тестингом виртуальной реальности.

Многие отделы были глубоко засекречены, и не ко всем Марина имела доступ. Она считала, что это правильно: конкуренты не дремлют, а игра получалась шикарной. Во всяком случае Марина такой реалистичности нигде больше не видела. И такого глубокого погружения в игровой мир.

Фирма к тому же росла прямо на глазах. Вот и этот кабинет ещё вчера был абсолютно пустым, но сейчас посередине стоял огромный металлический ящик, а по стенам тянулись наскоро закреплённые пучки проводов.

Оба ответственных за проект находились тут же. Аж вспотели, как уработались, несмотря на то, что вечер и пятница.

Карикатурно-тощий Павел, старший научный сотрудник, сосредоточенно настраивал монитор, подключив к его ящику. Нежданную гостью он, кажется, даже не заметил. А вот толстячок Пётр Семёнович, непосредственный начальник Марины, увидев девушку, разогнулся, заулыбался и подался вперед, мешая ей рассмотреть, что лежит в ящике.

— Мариночка! — Пётр ещё и лапищи распахнул. — Как ты тут очутилась? У тебя же сегодня выходной?

Он растерянно покосился на дверь, словно не ожидал, что она окажется открытой.

— Не до отдыха мне, Пётр Семёнович, — вздохнула Марина. — Кот у меня пропал. К вам сюда не заходил молодой человек такой, в синей куртке? С котом в руках? Кот — рыжий и наглый, а человек...

Она встала на цыпочки и таки заглянула в ящик. И вздрогнула — из него торчала синяя куртка кошачьего вора.

— Заходил, заходил, Мариночка, — фальшиво улыбнулся Пётр и указал толстым

пальцем на ящик. — Это тестировщик наш новый. Только он был без кота.

— Ах, тестировщик! — нехорошо улыбнулась Марина. — Новичок?

Пётр кивнул и почему-то опять покосился на дверь.

От мысли, что тестировщиков теперь пихают в игру как попало, безо всякой страховки, Марине стало вдруг немного не по себе.

С другой стороны — аппаратура экспериментальная... Видимо, тестят и тут же перепайвают.

«То что вор — тестировщик, это редкая удача!» — подумала она. — Ну, сейчас я тебя встречу на своем поле боя, похититель чужих котов!»

Она соблазнительно улыбнулась Петру и соврала, не моргнув глазом:

— Ну раз уж на работу меня занесло, можно я пару часиков прихвачу сверхурочно? Вчера в локации Сонных Озер были баги с русалками. Надо бы глянуть.

Пётр радости не выразил.

— Свободных боксов краткосрочного погружения нет, — сухо сказал он.

— А длительного? — Марина улыбнулась ему ещё раз, самой очаровательной из своих улыбок.

— Ну как я могу тебе отказать? — Пётр повернулся к Павлу, наверное, ища одобрения, но тот был всё ещё поглощён проверкой показателей тестировщика. — В “цешке” сейчас один из боксов свободен, — сдался Пётр. — Можешь загружаться. Но на сверхурочные не рассчитывай! Получишь, как за обычный рабочий день!

— Спасибо, Пётр Семенович! — Марина послала ему воздушный поцелуй и выбежала из кабинета.

«Ну, сейчас ты у меня попляшешь, кошачий вор!» — злорадно думала она.

Офис «С», он же “цешка”, был укомплектован тремя боксами для виртуального погружения.

Они были рассчитаны на длительную игру — неделю и более и, соответственно, оборудованы системами внутривенного кормления и уборки продуктов жизнедеятельности. Все боксы были экспериментальными разработками и пока не прошли сертификацию. Именно поэтому Марина и другие тестировщики при приёме на работу подписывали отказ от любых претензий. Но хорошая зарплата с лихвой компенсировала риски.

Два бокса действительно были заняты — сотрудники «Магнетик Инк» просто горели на работе.

Марина заняла единственный свободный бокс, крайний слева. Досадно, что для кратковременного вхождения придётся раздеваться, но очень уж хотелось отыграться на кошачьем воре. Сейчас она устроит ему весёлую жизнь! Марина злорадно усмехнулась, вывела на экран загрузочную панель и прокрутила все доступные ей личности.

Самой любимой была юная рыжеволосая дева Мурена, входящая в королевский двор и имеющая средства и полномочия.

Остановив свой выбор именно на ней, Марина забралась в бокс и активировала программу глубокого погружения.

Глава 5. Нос заплечных дел мастера

Говорить правду гораздо приятнее, пока паяльник ещё холодный.

Вид у меня, наверное, был жалкий. Всё, что имелось в наличии — короткие штаны, длинная рубаха да жёсткий рабский ошейник.

Стражники гнали меня по булыжной мостовой, и я молча страдал.

Страдать мне сейчас полагалось от ужаса, ведь вели меня к палачу. Но воображение у меня развито плохо, мебель я собираю по схеме. А потому страдал я от боли в избитом теле, от жары и острых камней под босыми ногами.

Мостовая была из здоровенных булыжников, вроде бы сглаженных, но иногда под ноги вдруг попадался сколотый. Стражники-то были обутые, а я...

Скоро я захромал. А ещё при каждом неловком движении болели рёбра, пот попадал в глаза, шея нестерпимо чесалась.

Если мне и приснилось всё это, ну или я бредил сейчас, одурманенный и засунутый в железный ящик-деприватор фирмы «Магнетик Инк», то ощущения у этого бреда были самые что ни на есть реалистичные.

Вот как такое возможно, а? И главное — за что?

Бывшая тещенька, что ли, накаркала? В аду, орала, гореть будешь...

Это что, ад? Или пока чистилище?

А может, я уже умер в ящике, переродился и воплотился в другом мире? Или это длинный предсмертный кошмар?

Грязная улица вместо туннеля, а в конце меня встретит не свет, а палач...

За что?!!

Я даже жене не изменял. Ну, почти. Ну, два раза же не считается? Ну, пожалуйста, а?

— А ну, шевелись! — толкнул меня в спину стражник. — Если на обед опоздаем — то скажу в канцелярии, что надо сразу тебя повесить, как злостного беглеца!

Прихрамывая, я брёл впереди стражников по узкой улице, прямо по её проезжей части. Довольно пустой — два раза меня обгоняли кареты, один раз мимо проскакал всадник. Да и навстречу попадалось больше тачек, ослов с поклажей и нагруженных корзинами пешеходов, чем карет и повозок.

Я понял, что улица в этом странном городе была для тех, кто двигался по делам: тащил корзины на рынок, вёз путников, гнал рабов или искал, где что стянуть. А по тротуару передвигались исключительно богатые и праздношатающиеся.

Улица была грязной, и тротуар возвышался над дорожным полотном так, что оно напоминало корыто.

Видимо, с тротуара всякую дрянь сметали прямо на дорогу, а уж оттуда её смывало дождиком. Я заметил дыры, намекающие на ливнёвку, и хмыкнул про себя.

Если не смотреть под ноги, здесь было даже красиво. Дома интересные, с балкончиками. Цветочки всякие в горшках на порогах.

Похоже, мы шли по одной из центральных улиц города. По тротуарам прогуливались расфуфыренные тётки с прислугой и дядьки, вооружённые шпагами или палашами. С мечом я заметил только одного, эдакого полурыцаря-полубандита.

Одежда гуляющих показалась мне странной — вроде и средневековая, а на ногах — крепкие сапоги. Опять же мусор из окон верхних этажей на голову гуляющим не выбрасывали — непорядок. А я читал, что в Средневековье шляпы носили исключительно, чтобы спастись от мусора.

Но сильно разглядывать город мне не давали. Стражники топали сзади, покрикивая и тыча в спину кулаками. Хорошо, хоть не копьями.

А ещё здесь был не вечер, а примерно позднее утро, и в полдень стражники, наверное, обедали.

Я знал из учебников, что в полдень солнце стоит прямо над головой, и сейчас оно уже почти доползло до зенита.

А вот как по солнцу определить где юг, а где север, моя память отказывалась воспроизводить наотрез. Я только про мох помнил, а какой в городе мох?

Улица кончилась. Впереди показалась обширная площадь, украшенная высокой башней с огромными старинными часами. На часах было без пяти двенадцать.

Мы прошли через площадь, обогнули башню, потом красивое трёхэтажное здание рядом с ней, и на задах я увидел внушительный каменный куб, обнесённый двухметровым забором из кованых прутьев.

Прутья в заборе были украшены виньетками вроде тех, что идут на кладбищенские ограды. Входов в куб было три — центральный и два боковых, подвальных. Окон не имелось вообще.

Наверное, это и была тюрьма.

Ворота в заборе охраняли два стражника с палашами наголо.

Моих сопровождающих они знали прекрасно — ворота приветливо распахнулись.

И тут же часы на башне зазвенели переливчато и «заговорили» своими колоколами: «Бом-бом-бом!»

— Прямо к обеду! — отсалютовал «моим» стражникам один из тех, кто охранял ворота.

— А что там сегодня?

— Бобы!

— Тю, а я думал — бабы! — заржал стражник.

Я уставился на обнажённый палаш охранника. Он был европейского типа, с круглой гардой и односторонней заточкой.

— Иди-иди! — толкнул меня в спину стражник.

Я заковылял к тюрьме. К одной из подвальных дверей, той, что слева.

Дорожка была посыпана гравием, а у меня и без того болели пятки — отбил. Но стражники не переставали меня пихать, чтобы я шёл быстрее.

У распахнутой настежь двери я замешкался — внутри подвала было темно, и оттуда прямо-таки дышало жаром, словно из ада. Я попытался протестовать, и в тюремный подвал влетел с пинка.

Подвал оказался немаленьким. Потолки были высокие, а стены так и вообще терялись во тьме.

Здоровенный камин освещал большую жаровню да две кряжистые фигуры сидящих прямо на полу палачей.

Жаровня мне сразу не понравилась. Может, быка на ней было и не поджарить, но меня

или барана — запросто.

Сейчас палачи подогревали на ней свой обед в большом горшке, и в подвале вкусно пахло кашей. А ещё на жаровне «грелись» железные крючья, щипцы и прутья.

Меня прямо в пот бросило, когда я всё это разглядел. В холодный, не смотря на жару.

Один из палачей отставил здоровенный кувшин, который держал в руках, и поднялся навстречу стражникам. Меня опажнуло сивушным духом.

— Это ещё чего?! — возмутился палач, разглядев меня и выписав мне ориентационного пинка в правый угол. — Мы только с обеда работаем. Мы ишшо не покушали толком, пока готовимся.

— Вижу я, как вы готовитесь! — оскалился стражник. — Харэ уже, наготовились, за работу беритесь!

— Это что, палачам даже пожрать нормально нельзя, что ли? — возмутился второй.

Он тоже держал в руках кувшин.

— Да вы уже ужрались оба! — рассердился стражник. — Опять вино с хоздвора кувшинами пропадает! Кто разрешил?

Палач отфутболил меня мастерски, но упал я, к счастью, на что-то мягкое, вроде тряпок. Пока стражники ругались с палачами, я тихонько поднялся на ноги, сделал шагок в темноту и... уткнулся в стену — бежать было некуда. Пришлось усесться на тряпки, и ждать, чем кончится спор стражников и палачей.

Я уже немного привык к полутьме и заметил, что у палачей, кроме двух початых кувшинов, в углу была прикрыта ветошью ещё парочка. Можно было дотянуться до них, но толку? Вино не оружие, а разбей я драгоценный кувшин с сивухой...

— Так работа-то нервная! — возмутился первый палач, раскорячиваясь так, чтобы загородить припрятанное вино.

— С людьми же работаем! — поддакнул второй. — Ты сам попробуй пытаться по двадцать четыре часа в сутки!

— Да я вас самих сейчас на дыбу, тунейдцы и алкоголики! — рассердился стражник.

Он поднял глаза к потолку, где в балке торчал крюк, а с него свисала веревка с петлёй, и пригрозил палачам кулаком.

Я догадался, что «крюк» — это дыба. В кино видел что-то похожее. Кажется, про Ивана Грозного.

— А ну, отставили пить и взялись за работу! — скомандовал стражник. — Раба допросить на предмет хозяев! Да аккуратно, чтобы рук-ног пока не ломать! Закончите, доложите о результатах начальнику стражи. Тогда и решим, куда этого идиота — на рынок или в тюрьму!

— А чего он? — хмуро спросил первый палач. — Беглый?

— Может, и беглый, — пожал плечами стражник. — Говорит, что хозяев не помнит. Надо бы ему память слегка освежить.

Второй палач с неохотой убрал кувшины, зажёл факел, чтобы стало светлее. И стражники, увидев, что работа вроде бы началась, ушли, громко топая. И даже дверь не закрыли.

Босые палачи подождали, пока топот затихнет, переглянулись, почесались синхронно и задумчиво уставились на меня.

— Ужо дверь бы закрыть... — пробормотал первый.

— Да пусть проветрится... — Второй пощупал мне бицепс — пальцы у него были

жѣсткие и цепкие, как клещи. — Может, плетей ему и на дыбу? — предложил он. — И пусть повисит часок? А мы пока... ещё маленечко это... —

Второй палач кивнул на кувшин.

— Вот умный ты человек. И ценный, — обрадовался первый. — Правильные мысли говоришь. А раб ужо стопятьсот раз пока повисит и как раз для допроса созреет.

— А коли не созреет... — Второй с сомнением посмотрел на меня, потом на жаровню...

А потом взял совочек и стал чистить жаровню, выкидывая прогоревшие угли. Хозяйственно так, без суеты.

Ноги у меня сразу ослабли, и я опустился на пятую точку прямо на земляной пол.

— Что ж ты, дурачок, решил запираяться? — рассмеялся первый палач и шагнул ко мне. — Теперь ужо всё. Раз начальство сказало на дыбу... Давай-ка, вставай!

Он наклонился надо мной: длиннорукий, плечистый. Взял за шиворот.

Дверь на улицу оставалась открытой, но что я мог сделать? Даже если я вырвусь — не убежать, пятки болят.

Да и как я справлюсь с таким здоровенным? Он же меня сломает, медведюга проклятый!

Палач потянул меня вверх, и я затрепыхался изо всех сил.

Сопротивляться было до ужаса страшно, но плетей мне не хотелось ещё больше.

«Боже! — подумал я. — Ну, спаси, ну сделай, хоть что-то?! Я не хочу! Я не могу! Меня и так ногами пинали! Ну, пожалуйста!»

Палач тащил меня безо всякой боязни, не ожидая от человека в рабском ошейнике какой-то особенной прыти.

Наверное, я мог бы сейчас, как в кино, — засадить ему лобешником в зубы и...

Но только как это сделать? Опереться-то не на что. Не выйдет у меня никакого удара, только разозлю...

Второй палач тоже решил поучаствовать и здоровенной клешнястой рукой прошѣлся по моим многострадальным рѣбрам.

— Не, кнута точно не сдержит, — сказал он с сожалением. — Хлипкий, возись потом с ним. Десятка два плетей, — пояснил он второму и сочувственно похлопал меня по щеке. — Да ты не бойсь, паря, мы своё дело знаем. Ну, поорѣшь немного, так оно тебе же на пользу. Крик — он лёгкие развивает. Для здоровья полезно. Вставай, чего сразу на ноги-то ослаб?! Два десятка плетей — это же ерунда!

«Мама!» — подумал я. — Это тебе ерунда! А мне?»

Второй палач зевнул, подкинул свежих углей в жаровню, достал здоровенный новенький кнут, повертел и отложил со вздохом.

— А плети-то у нас где? — спросил он.

— Да в ящике, ужо, — первый встряхнул меня и снова поставил на подгибающиеся ноги. — Вот же как оробел, бедолага. Совсем не стоит, — пожаловался он.

Добрые они были, палачи эти. Сердобольные. Только по-своему, по-палачиному.

Я начал неумело молиться.

Только бы проснуться уже... Или что там со мной сделали? Загипнотизировали? Порчу навели?

Я помнил, что молитва начинается словами “отче наш”, но что там дальше — вылетело напрочь.

«Отче наш, еси небеси... — шептал я. А в голову лезло: Отче наш, водки дашь? Иже еси — на стол принеси. Да святится — всё со стола разлетится...»

— Рубашечку-то снимай уж, а то попортишь! — Первый палач наклонился ко мне, дёргая за рубаху.

Сообразив, что уже не проснусь, я похолодел от ужаса. Это был конец. Полный.

И как только я об этом подумал, из глубины моего подсознания всплыло что-то похожее на динозавра, зубастое и страшное, и я заорал:

— Яша!

И... вцепился зубами палачу в нос.

Хлынула кровь. Палач закричал нечеловеческим голосом. Отодрал меня от себя, отшвырнул!..

И я кинулся в светлое пятно дверного проёма!

Выскочил во двор, не чуя пяток, ракетой взлетел по двухметровому забору и понёсся через площадь, расталкивая чинно гуляющих горожан.

Сознание моё словно бы раздвоилось. Я не ощущал своего тела, не контролировал его, но при этом ловко выбирал путь, маневрировал и бежал с ошеломляющей меня самой скоростью.

Опомнился я лишь тогда, когда добежал до грязной городской окраины и забился под доску, перекинутую над неглубокой канавой.

Только тут я коснулся ладонью рта, поднёс к глазам окровавленную руку и подумал: «А где нос этого проклятого палача? Неужели я его проглотил! Ну, Яша... А кто это, Яша? Это же?.. О...»

Глава 6. Сплошные корзиноиды

Не многие знают, что Иван-царевич и в самом деле нашел на болоте лягушку,

но в красавицу она обратилась после того, как он прошел с ней через конопляное поле.

Разыгрывать из себя Мурену Эскобар, избалованную дочку местного барона, Марине нравилось. Если работа не приносит радости, можно ведь от тоски и коньки отбросить, поэтому она выжимала из полученной «должности» всё, что могла.

Где и как искать новичка, Марина знала лишь теоретически. Наверняка его должны были забросить без снаряжения, да ещё и с нулевого уровня. Потому она распорядилась подать карету и принялась объезжать местные точки респауна персонажей.

По контракту Марина не обязана была напрямую контактировать с игроками ниже третьего уровня, а новичок был, похоже, на самом первом. Но тут у неё возник личный интерес.

Параллельно приходилось играть роль капризной избалованной дочки барона: ругать служанку и покрикивать на кучера. Так себе развлечение, пока не привыкнешь и не войдёшь во вкус.

Первого нуба Марина заметила возле рынка рабов. Вычислила по безумному, ничего не понимающему взгляду.

Парень в обносках и рабском ошейнике сидел на мостовой, его воспитывали стражники, объясняя условия квеста. Тестировщик тарацил на них глаза и очень натурально изображал попаданца.

Он был гораздо симпатичнее небритого кошачьего вора, да и по времени не сходилось. Попаданец на мостовой расселся пару минут назад, даже пробку не успел создать, а кошачий вор в игру вошёл раньше Марины. Потому она уставилась на парня в рабском ошейнике с сомнением.

Ну нет, совсем не похож. Вряд ли первоходка успел бы так качественно изменить внешность.

Жалко, значит, не тот...

Надо же, лицо какое испуганное. Ишь, как впечатлился искусственной реальностью!

Ну да, у нас тут всё круто сделано. Прорисовка реалистичная, неписей целые стада бродят. А он чего ждал?

Перекидываясь со стражей заготовленными для неписи фразами, Марина внимательно разглядывала парня. Уж больно вид у него был несуразный.

«Вот изверги, они ему даже базовое снаряжение не выдали! — сердито думала девушка. — Штаны — и те скоро развалятся! Неужели условия начали ужесточать?»

А что если это всё же кошачий вор? Может, Пётр и Павел использовали заготовку личины? Они-то могут, им-то в игре, что хочешь позволено...

Но если у парня прописаны и личина, и рабство, значит, он накрепко угодил в квест...

Марина поморщилась. Попытка высвободить кошачьего вора из квеста прямо сейчас (если это, конечно, был он) грозила тем, что её могло выкинуть из игры.

Пётр и Павел, наверное, наблюдают. Могут и штраф влепить, чтобы не лезла, куда не просят.

Надо было действовать умнее. Пятница-то уже кончается, ещё час-другой — и

модераторы отправятся по домам. Да и начальство тоже слиняет, не век же ему перед монитором сидеть.

И тогда она устроит кошачьему вору свой квест!

Марина решила доехать до замка, поднять связи папаши-барона и выкупить раба. Проявить, так сказать, «милосердие».

«Ничего, — думала она, покрикивая на бродяг, обступивших карету. — Выкупим ворюгу, подпортим Пете статистику. Парень вроде бы меня не узнал... Вот попрыгает, когда я его куплю!»

Она велела кучеру трогать, гордо вскинула голову: всё-таки дочка барона, но не выдержала и оглянулась на парня в ошейнике.

Ну на порядок же симпатичнее того, что в реале! А если всё же не он?

«Никуда он не денется, — решила Марина. — Объеду сначала ещё две точки респауна Пусть этого ворюгу слегка попытают в тюрьме, ему это только на пользу пойдёт. А я его через часик-другой выкуплю, делов-то! Да и Пётр с Павлом уже наверняка домой свалят!»

На следующей точке респауна Марана подзадержалась.

В порту оказалось многолюдно, даже слишком. Утлые лодочки приставали к дощатому пирсу одна за другой.

Марина вглядывалась в лица моряков, что уверенно топали по шатким сходням и с интересом таращились на панораму города, и злилась. Если похититель кота сейчас здесь, разве его найдёшь?

Она ведь ни класса его не знает, ни скина! А вдруг она ошиблась, и тот симпатичный раб — вовсе не он?

И что теперь? Ехать на третью точку? Это же на карете полчаса трястись!

Да и толку? Если его выбросило на окраине города, то ясно же, что он не будет сидеть и ждать, пока его обнаружат! Наверное, давно уже смылся, презренный кошачий вор!

Ну вот, куда он кота дел, а?! На лестнице выпустил — так она бы увидела.

Мимо вахтёра вор пробежал с Рыжиком на руках. На втором этаже он был уже без кота...

Стоп! Ведь есть же ещё подвал!

Рыжик мог вырваться и побежать не вверх по лестнице, а вниз! Даже если дверь в подвал заперта, под лестницей есть закуток, где он мог укрыться. А мог втиснуться под решётку, которой забрана дверь, там как раз в ладонь расстояние!

Ну точно же! Точно!

Сидит там сейчас и орёт, животное безголовое!

Марина хотела плюнуть на кошачьего вора, выбраться из игры и бежать вызволять Рыжика, но совесть её всё же немного мучила.

А вдруг она всё неправильно поняла?

Что если Пётр с Павлом сунули новичка в игру и домой укатили, а ворюга как-то неудачно вошёл или словил баг?

Всё-таки обычно игроки входят в игру иначе. И не голосят потом в лохмотьях посреди мостовой.

Потому Марина всё-таки доехала до городской тюрьмы. И с облегчением узнала, что

недавно пойманный безымянный раб удрал, откусив палачу нос.

Значит, парень только прикидывался несчастным лохом, а на деле был вполне подготовлен и проинструктирован.

Квест, наверное, новый испытывают. Ну вот и ладушки.

Она рассмеялась: у тюрьмы как раз собрался консилиум медиков-магов, которые спорили, можно ли приклеить на место откушенный нос.

Маги были неписями, и версии выдвигали смешные. Кто-то предлагал приклеить нос смолой, кто-то пришить воловьими жилами — уровень медицины в игре был прописан средневековый.

Смех Марину окончательно успокоил.

Она уселась в карету, перебрала все нелепые происшествия сегодняшнего дня и с досадой обнаружила, что логика, которой она так гордилась, на этот раз её подвела.

Ну вот зачем она вернулась в игру?

Не получила сатисфакции от Виталия, значит, надо бросаться мстить первому встречному?

Надо было сначала найти Рыжика, а потом уже мстить! Ну, или вообще — катит он лесом, этот ворюга!

Надо же: «Насосала...» Умный какой нашёлся!

А вдруг Рыжик уже выбрался из подвала и удрал на улицу? Там же уже темно, а ночью и мороз прихватить может!

Надо ещё раз у вахтёра спросить про мохнатого поганца. И ветеринару позвонить, чтобы извиниться и назначить новый визит.

На послезавтра. Или... лучше на следующий свой выходной.

За это время она стопроцентно найдет кота. А если его всё-таки спёр новый коллега по испытаниям, то она ему...

Да нет, ну куда бы он его дел за пять минут?

Интересно, а в ошейнике — это был он или нет?

Нужно бы ещё раз подкатить к Петру или к Павлу, может, получится узнать, в какой локации находится парень? А если повезёт, то и его примерные координаты узнать или даже облик.

Если это та самая морда небритая — потом всё равно огребёт! Узнает доброту дочки барона Эскобара!

Определив последовательность действий, Марина успокоилась и приступила к выполнению задачи.

Прямо в карете с помощью специального жеста она вызвала быстрое меню, сохранила персонажа в «данной локации» и нажала на «выход».

Мир вокруг стал нечётким, потом потемнело, и Марина поняла, что смотрит на внутреннюю крышку капсулы.

Она выбралась и стала поспешно одеваться. Ноги гудели, несмотря на короткий отдых в капсуле. Марина не планировала сегодня бегать по лестницам и с утра надела туфли на самой высокой шпильке. Может, оставить их здесь и сбегать поискать кота босиком? Уборщицы моют на совесть, полы здесь чистые...

Ладно, вахтёру, может, и всё равно, но что если начальство увидит, как она босая бродит по лестницам?

Тяжко вздохнув, Марина обулась, вышла на лестницу между этажами и побрела вниз. Хорошо хоть, что извинилась перед вахтёром, будет проще обратиться с просьбой.

Спускаться на таких каблуках по скользким ступенькам, обшитым модной плиткой, было ужасно неудобно. Но надо было заглянуть под лестницу, да и не вызывать же лифт на один этаж!

На лестнице Марина то и дело кричала: «Кис-кис». Но Рыжик не отозвался.

Она спустилась в подвал, подёргала дверь, заглянула под решётку. Эх, надо было сразу сюда бежать! Ищи теперь этого пушистого гада!

Поднимаясь на первый этаж, она снова как дура орала: «Кис-кис!»

— Ну как, Марина Егоровна, не нашёлся кот? — поинтересовался охранник, издали услышав её крики.

Она покачала головой:

— Как сквозь землю провалился, гадёныш. А я неосторожно попала на глаза начальству, и припрягли поработать. Как раз хотела попросить, Матвей Геннадьевич, если вдруг появится кот, рыжий такой, не выпускайте его на улицу, ладно?

— Да без проблем! — обрадовался вахтёр. — От двери шугану, а если в руки дастся, запру в подсобке, чтобы больше не лез никуда.

— Вот! Буду очень вам благодарна! — выдохнула Марина.

Ноги болели, настроение было ни к чёрту, и выглядела она, наверное, помятой и всклокоченной, но вахтёр заулыбался.

Ишь, расплылся, старый пень, как услышал о благодарности! Такой же как все мужики: только выгоду ищет!

Марина вспомнила про Петра с Павлом и про то, что хотела расспросить их о новичке, выругалась про себя и снова стала подниматься по ступенькам: вдруг они ещё на работе?

Она шла и ругала себя: дался же ей этот кошачий вор! Но плюнуть и уехать домой девушка не могла. Как только вспоминала небритого урода с Рыжиком на руках, так внутри начинало скрестись какое-то злобное животное.

Ступенек было много, и мысли о хитрых мужиках и наглom Рыжике закономерно перетекли в воспоминания о хитром и наглom Виталии.

Ах, как она сначала о нём хорошо думала! Особенно умилилась, когда он заметил и подобрал тощего рыжего котёнка в куче мокрых листьев: решила, что парень, любящий животных, просто не может быть плохим.

Собственно, с этого случая их отношения и начались. Виталий жил в коммуналке в одной комнате с мамой, взять кота себе он не мог, и Рыжик поселился в Марининой квартире.

Все заботы о коте тоже легли на неё. Виталий часто заходил, постепенно перетаскивая свои вещи, и наконец остался насовсем.

Звал замуж, но Марина отшучивалась:

— Больше никаких печатей в паспорте! Хватит и одного раза.

— Ты меня не принимаешь всерьёз, — обижался Виталий. — Это всё из-за твоего бывшего. А я ведь на твоего бывшего совсем не похож.

— Не похож! — подтверждала она.

Муж стал бывшим после того, как был застукан с любовницей. На прощание он заявил Марине, что ему нужна настоящая женщина, милая хозяйюшка, а не баба с яйцами, пропадаящая на работе.

Домашней работы муж чурался, в отличие от Виталия, который не только не свинячил, но и не гнушался уборкой и готовкой, когда Марина задерживалась на работе.

Да и вообще Виталий был заботлив и в целом Марину вполне устраивал.

С ним было хорошо, уютно. Смущала лишь маленькая зарплата, но себя он содержал, и Марина решила, что главное не деньги, а человек.

Ссора вспыхнула из-за отпуска.

Марина мечтала когда-нибудь повидать Испанию, даже язык учила. И тут вдруг предложили горящую путёвку на одного. Кредит за мазду был уже выплачен, появились кое-какие свободные деньги, и Марина почти решилась.

Виталик, услышав про путёвку, радостно заявил:

— Я тоже хочу!

— Здорово! — обрадовалась Марина. — А ты сможешь купить на это же время?

Он обиженно уставился на неё:

— Я думал, ты купишь... Ну, чтобы вместе. Неужели у тебя хватит совести оставить меня здесь и уехать развлекаться одной?

Она призадумалась.

В самом деле, раз живут вместе, ехать одной как-то не очень хорошо.

Но путёвка одна, а купить две за полную стоимость она сейчас ещё не может себе позволить, да и везти парня за свои деньги тоже нехорошо, не принято так.

Но... Виталий же не виноват, что у него такая маленькая зарплата? Он ищет хорошую работу, чтобы получать больше, но ему не везёт...

Пока Марина колебалась, путёвку купили и вопрос отпал сам собой. Но Виталий не забыл о размолвке и вскоре торжественно заявил:

— Я уйду. Нашёл замечательную девушку. Она не так меркантильна, как ты, и на путёвку жмотить не станет.

Марина изумилась:

— Хотел путёвку на халяву ты, а меркантильная — я?

Даже сейчас, вспоминая об этом, она остановилась и возмущённо фыркнула, хотя, кажется, дело прошлое.

Но ей и в голову не приходило, что Виталий так жутко завидует её зарплате. А ещё он, мерзавец такой, перед уходом заявил, что она, может, и не заработала эти деньги, а...

Вот и этот кретин с котом — тоже заорал: «Насосала!»

Гады они все, эти мужики. Просто сволочи! Вши захребетные! Корзиноиды!

Привыкли с мамкиной шеи переползать на шею жены!

Ничего, вот сейчас она узнает, где искать кошачьего вора, и такое ему устроит! Тоже мне: «Насосала!»

Марина поднялась на второй этаж и, стараясь не цокать каблуками, подкралась к нужной комнате.

Если Петр или Павел ещё там...

Напряжённо вслушиваясь, она постояла несколько минут, но за дверью было тихо. Похоже, ушли. И дверь, вроде, не заперта. Можно глянуть одним глазочком.

Странное экспериментальное сооружение мало походило на привычную капсулу, но Марина не сомневалась, что и там есть датчики, показывающие местонахождение игрока, а дальше она сумеет разобраться!

Огляделась — в коридоре никого. Если что, она скажет, мол, решила зайти отчитаться,

как всё плохо с русалками.

А с русалками у неё не вышло потому... Потому что...

Марина решительно распахнула дверь, шагнула в комнату — и замерла на пороге: оба «начальничка» были здесь!

Павел глядел в окно и даже не повернулся, зараза невежливая, а Пётр, оторвался от монитора, сдвинул наушники, облизал её сальными глазами и спросил:

— Разобралась с русалками? Быстро ты!

— Да я до них не дошла, — развела руками Марина. — Выбросило.

Пётр с живым интересом спросил:

— Из-за чего, как думаешь?

На железный ящик он даже и не смотрел, видно, наигрался уже. Но кусочек синей куртки так и торчал из ящика, дразня воображение Марины. Похоже, испытатель и кошачий вор всё ещё был там.

Марина стала потихонечку продвигаться к столу Петра, рассчитывая бросить взгляд на его монитор.

— Да не поняла я, из-за чего. Вот и зашла спросить: не наводят ли ваши эксперименты помехи? — она кивнула на ящик.

— Исключено, — нахмурился Пётр.

Павел тоже «проснулся» — повернулся к Марине и замотал головой:

— Совершенно исключено! Мы вообще в другой локации!

Пётр даже слегка подвинул монитор, чтобы Марина могла увидеть, что там происходит.

Собственно, там ничего и не происходило. Камера, наверное, «смотрела» глазами тестировщика, а он не двигался.

Крутой склон оврага заслонял почти весь экран, лишь сверху торчала крыша деревянного дома, из-за которой виднелись башни королевского дворца.

Несомненно, это были окраины города, но более точно определить место Марина не смогла.

Вдруг игрок повернулся, и картинка резко поменялась: справа потемнело, по нижнему краю монитора встала трава, показался ручей. Было видно песчаное дно с редкими камушками, тихо шевелилась нитевидная водоросль.

Но самое главное, в воде покачивалось отражение игрока! Пусть не самое чёткое, но достаточное, чтобы узнать!

Сердце Марины вздрогнуло и забилося — это был тот самый парень, которого она видела на мостовой в ошейнике раба и который убежал потом от заплечных дел мастера, откусив ему нос.

Вот чуяло сердце, что его срочно надо везти к ветеринару!

— Странно... — Она пожала плечами, стараясь выглядеть как можно равнодушной: — Ну, может, я сама случайно выскочила из игры, или какой-нибудь глюк? Пойду попробую ещё раз. Простите за беспокойство.

Марина бочком протиснулась к двери и юркнула за неё. Сердце колотилось от возбуждения: он, он, мерзавец!

Шагая по коридору, она ликовала: как повезло-то, просто невероятно! Теперь она этого гада найдёт без проблем — морда приметная! Да и дислокация теперь примерно понятна. Не мог же он далеко от тюрьмы убежать? Значит, на экране были восточные окраины города, те, что за рынком.

Что же он там делает?

Эх... А эксперимент-то интересный, наверное. Пётр прямо-таки прилип к своему монитору...

Когда ж он домой-то поедет, зараза?

Марина вернулась к блоку «С», с облегчением сбросила туфли и вспомнила про звонок ветеринару. Набрала номер, но напоролась на автоответчик. А ведь она и забыла, что на дворе уже поздний вечер.

Ну, ничего, она — терпеливая! Она задержится ещё на пару часов.

Только дождётся, пока «апостолы» свалят, поймают ворюгу, запрет его где-нибудь и домой.

Пусть посидит, как бедный Рыжик, который сейчас непонятно куда забился! Пусть подумает о своей горькой судьбе!

Марина надиктовала ветеринару на автоответчик просьбу перенести операцию по кастрации кота на неделю «ввиду обстоятельств непреодолимой силы». До следующих её выходных.

Не отменить, а перенести! Она найдёт Рыжика во что бы то ни стало. И в придачу сумеет доставить его похитителю кучу неприятностей!

Нехорошо улыбаясь, Марина вновь разделась, легла в капсулу и вдавила клавишу загрузки локации. Ожидая появления игрового интерфейса потрогала голову: интересно, что там с волосами? Вдруг эта выдра ей до лысины всё повыдергивала?

Жалко, конечно, что в блоке «С», самом новом, геймеры ещё не обзавелись мебелью и даже зеркала не нажили...

Ничего страшного. Домой она поедет в темноте, никто её причёску и не увидит, а вахтёр — не в счёт. А дома Марина разберется, может, даже не придется в парикмахерскую идти.

А ворюга получит не только за кота, но и за выдранные маринины волосы. Если бы Рыжик не удрал, она сумела бы сдержаться и не высказать новой пассии Виталия всё, что о нём думает!

Ну ведь сумела бы, да?

* * *

Когда цоканье каблучков за дверями стихло, Павел мрачно спросил:

— Зачем?

Пётр что-то искал в системе и не ответил.

— Вот ты на неё слюни пускаешь, а это — подозрительная деваха, — продолжал Павел, брезгливо кривя губы. — Ходит, вынюхивает. Ты и не заметил, а к дверям-то она подкралась, что и не слышно было. А вообще каблучищами стучит — будь здоров!

— Всё я заметил! — буркнул Пётр. — А дверь, когда Герман ушёл — ты не запер. Потом-то что уже было прятать? Всё равно она всё видела!

— А ты посмотрел, в какую локацию она заходила?

— Посмотрел. Она в Городе была и в Порту. А к Сонным Озёрам лучше от Первой Деревни выходить. Подозрительно, да. И аж на цыпочки тянулась, чтобы увидеть, что

делаем.

— Как думаешь, поняла она что-нибудь?

Петр задумался, потом неуверенно сказал:

— Да вряд ли... Чего тут поймёшь? Ну, эксперимент новый. Но нездоровый интерес прослеживается, это ты верно заметил.

— О! Вошла в игру твоя краля, — осклабился Павел. — И опять в Город! Разнюхивает что-то, мерзавка!

— А ну-ка, отключи-ка ей возможность самостоятельного возвращения! — Пётр нехорошо улыбнулся и облизнул губы, словно Марина была беляшом, который он намеревался съесть. — Выпустим после эксперимента. В понедельник, например. Или во вторник.

— А если она другим игрокам расскажет? — нахмурился Павел.

— Что прямо не выпускаем? А кто ей поверит?

— Ну а если поверят и спросят в понедельник с тебя?

— Скажу, что сама захотела побольше денег и проявила инициативу, а теперь жалуется. Мы же обещали им премию за пять суток непрерывной игры? Ну вот Марина и отважилась. А что ноет теперь — так баба, понятное дело.

— А если она сумеет пожаловаться Герману?

— А тогда вообще не выпустим... — Пётр хищно улыбнулся. — Герман одобрит. Она одинокая, без семьи. В конце концов, если никто не хочет добровольно идти на рекорд...

Павел застыл, обдумывая идею, а затем решительно кивнул.

Глава 7. Снова раб

Это был обычный солнечный день, ничто не предвещало беды.

И тут жена спросила:

— Я не толстая?

Под доской, что служила мостиком через канаву, я просидел не меньше четверти часа.

Тихо побулькивал ручеек на дне канавы, к ногам постепенно подступала разрастающаяся лужица, но я не торопился вылезать из своего убежища.

Сначала я переживал последствия своего удивительного побега. В голове у меня звенело, кости ныли, по всему телу выступил пот, и было холодно так, что зубы стучали. Потом вроде бы отпустило.

Я прислушался к организму. Не тошнило, и я решил считать, что нос палача всё-таки выплюнул. Не хотелось бы думать, что способен на каннибализм.

И главное, как ловко я этого палача зубами за нос схватил! Как бежать-то кинулся!

А по забору как взлетел по двухметровому! Как будто меня подменили. Я же муху никогда не обижу... Я...

Яша!

Я подскочил и больно врезался головой о низенький мостик.

Это же был не я! Это ящерица откусила палачу нос! Это она так кусается — жмак всей пастью!

И бежал я потом тоже как ящерица, виляя и уворачиваясь на полной скорости!

Я застонал и потёр шишку на голове. Пощупал копчик — нет, хвост не отбросил. Интересно, а мог бы? У человека тоже, говорят, есть намёк на хвост. У некоторых особо тупых.

Боль от удара об мостик окончательно вернула меня в меня. Да, я кусал, как ящерица, убегал, как ящерица, лавируя на бегу. Меня словно бы подменили на эти минуты сумасшедшего бегства.

Убегай я сам, меня бы поймали, но ящерицу...

Что же со мной сделали эти гады, а?

Высунул из-под мостика голову и огляделся.

На крошечной улочке, ведущей к реке, было тихо — ни одного прохожего. Кроме доски меня прикрывал жиденский куст, но всё равно кто-то со стороны мог уже заметить, что я тут сижу. Лучше бы убраться, конечно. Вот если бы только понять, куда!

Я потрогал ошейник. Он сидел на удивление крепко. Я покрутил его, подергал, нашёл стык, но разогнуть не смог.

Средневековье какое-то. Неужели эти типы, толстый и тощий во главе с Германом, сделали машину времени и отправили меня в прошлое? Да ещё и в одном наборе с ящерицей?

Да ну, ерунда! Говорят-то здесь по-современному. Или... они подключили мне в мозг переводчик, и на самом деле я говорю и думаю вовсе не на родном языке?

Фантастику надо меньше смотреть. Бр-р...

Ага — меньше. По ходу — я вообще отсмотрелся...

А что если я здесь сдохну? Что если меня прирежут, как беглого раба? Или пристрелят, если в этом мире уже изобрели огнестрел.

Вода, тихонько журчавшая по дну канавы, казалась чистой, но кто знает наверняка? А пить очень хотелось, во рту так и стоял мерзкий вкус чужой крови.

Я зачерпнул воду ладошкой, поднёс к губам... А вдруг выше по течению в ручейке дохлая собака валяется?

Брр... Выплеснул воду. Разве что... кровь с лица смыть?

Я наклонился и слегка обалдел, увидев своё отражение в лужице.

То есть как раз не своё. Парень, глядящий на меня из воды, был помоложе и, пожалуй, посимпатичнее. Волосы чуть светлей, да и прическа другая. Отдалённое сходство, конечно, имелось, но возраст?..

Я потрогал себя за подбородок, гладкий, напрочь лишённый даже намёка на щетину. Чтобы убедиться, что это именно моё отражение, скорчил рожу и потряс головой:

— Что за херня?

Борода у меня, значит, ещё не растёт? Это сколько же мне? Семнадцать? Двадцать? Или в двадцать уже росла жиденькая?

Ничего себе я попал: нахожусь неизвестно где, помолодел лет на десять и наполовину превратился в ящерицу.

И что теперь делать? Где я? Зачем они это со мною сделали?

Подёргал ошейник и выругался. Ясен пень, самому не разобраться. Надо найти человека, который объяснит, что тут вообще происходит. Должны же здесь быть хоть какие-то нормальные люди?

Я ладошкой зачерпнул воду из лужи, сам ручеек был слишком мелок и ополоснул лицо. Хорошо-то как...

Вторую пригоршню вылил на шею. Ну хоть кровь смыл. А то вылезу из под моста — людоед людоедом.

Обтёрся рукавом, огляделся — всё ещё никого.

Я в два прыжка выбрался из овражка и перебазировался в придорожные кусты.

Отсюда хорошо была видна вся улица, а сам я оставался невидимым, и можно было выбрать, к кому обратиться за разъяснениями и помощью.

Девушку надо выбрать, девушки безопаснее. Или старушку. Старушки — вообще самые добрые.

Сидел я долго.

Мимо прошли: бородатый толстый тип с румяной тёткой в цветастой юбке, расфуфыренный юнец при шпаге, хмурый мужик с тесаком на поясе.

Я ждал.

Потом из соседнего дома вышла брюнетка — босая, в рубахе чуть ниже колена и переднике. Худенькая, мелкая — такая меня не скрутит.

Украшений нет — значит, совсем небогатая. Это хорошо, от девушки, которая и сама бедствует, скорее дождётся сочувствия.

Правда, я не очень хорошо представлял, что сказать, чтобы меня не сочли сумасшедшим: «Помогите? Подайте на хлебушек?»

Дал ей немного отойти, чтобы не напугать внезапным появлением, поллюбовался на стройные ножки и, не вылезая из куста, окликнул:

— Добрая девушка, прошу, помоги мне!

Она вздрогнула, огляделась и, удостоверившись, что никого больше рядом нет, спросила:

— Чего тебе, парень? Я замужем! Вот мужа сейчас позову!

— Я тебя не обижу! Я заблудился! — пришлось высунуться из-за кустов.

Девушка остановилась. С опаской подошла ближе и, конечно, заметила ошейник.

— Так ты раб? Убежал от хозяина?

— Нет, — я вцепился в проклятую полосу металла на шее. — Думаю, нет. Не знаю, память потерял. Но я не отсюда, это точно. У себя в городе я был не последним человеком — самый что ни на есть средний класс. Мебель собирал. Потом, помню, по голове ударили, так что в глазах помутилось, а очнулся здесь. Скажи, милая девушка, где я?

— Бедняга! — девушка улыбнулась. — Наверное, ты голоден?

До сих пор я даже не думал о еде, но от этого вопроса у меня так заурчало в животе, что я, не смея сразу просить слишком многого, просто кивнул.

— На улице нельзя говорить, кто-то может увидеть, — предупредила девушка. — Гляди, вот там — некрашенная калитка. Я пойду, а ты, чуть погодя — за мной. Дверь в дом оставлю открытой. Во дворе не торчи, сразу заходи.

Девушка убежала, а я снова забился под куст.

Только собрался вылезать — по улице затопали сапоги стражников.

Переждал. А когда стражники исчезли за поворотом, быстрым «деловым» шагом пошёл к гостеприимному дому.

Подумал, что праздно разгуливать по улицам рабам не положено, бегущий может привлечь ненужное внимание, а так — вроде спешит себе бедняга по какому-то поручению.

За покосившейся калиткой меня ждала унылая хибара. Дверь, как и было договорено, оказалась открытой. Одним шагом перемахнув крохотные сени, я оказался в бедной комнате: земляной пол, самодельная деревянная мебель, освещение тусклое — только от распахнутого окна.

Девушка сидела на лавке возле пустого стола.

— Расскажи, куда я попал, милая девушка? — спросил с порога. — Что это за город? Какой сейчас год?

— Поешь сначала, — брюнетка кивнула на стол.

Я обалдел. Это когда она успела накрыть?

На деревянном столе меня уже ждал кувшин с каким-то питьём, кусок хлеба и каша в щербатой миске. Ну, на разносолы я и не рассчитывал.

— Спасибо, хозяйка! — от души поблагодарил я девушку и уселся на скамью, сразу хватая кувшин. — Как зовут-то тебя?

— Кушай, голубчик, кушай, — ласково отозвалась хозяйка.

Моих вопросов она словно бы и не слышала.

Я напился холодной воды, и она показалась мне сладкой.

Из миски пахло аппетитно. Я придвинул её поближе, взял деревянную ложку и попробовал кашу.

М-м, пшеничная! Вкусная-то какая! Даже без масла!

Я совал в рот ложку за ложкой, как вдруг сильный удар по голове отозвался звоном в

ушах. Что такое?

— Эй, хозяйка! — Я попытался вскочить, но по башке прилетело ещё раз, в глазах темнело, и мне не удалось удержаться на краю сознания.

Я покачнулся и... встретил физиономией земляной пол. И обнял его, как брата.

* * *

Лабириана, молодая супруга жестянщика Хилкса, вышла из хибары, но вскоре вернулась, уже не одна. Следом за ней в кухню протиснулся здоровенный детина с курчавой бородой — её двоюродный брат и сосед Сион.

— Вот, смотри, — с довольным видом указала Лабириана на лежащего на полу парня в рабском ошейнике. — Я ударила его сковородкой. Два раза. Башка крепкая, как орех.

Сион наклонился к парню, пощупал жилку на шее.

— Живой.

— Убьёшь его, как же. Он только на вид худощавый, а на деле — ничего себе, жилистый. Можно будет продать его на рынке рабов не меньше, чем за семь полновесных монет гномьего серебра!

— Да ну, гномьего, — не поверил брат. — Разве что разбодяженного наместником. А как мы его продадим, на нём же ошейник? Вдруг его опознает хозяин?

— А ты спили старый ошейник и сделай для него новый. И кандалы. Я тебя зачем позвала? Вот могла бы сама справиться, не стала бы звать! Делиться ещё с тобой, лентяем!

Брат обиженно засопел и ухватил обездвиженного «гостя» за ноги.

— Ё-о! — выдохнул он, вытаскивая бесчувственное тело во двор.

Только тупая баба может подумать, что плотник не сумеет снять с раба какой-то паршивый ошейник!

Ошейник, однако, сниматься не хотел. Сион немало попыттел над ним, но в конце концов вынужден был признать:

— Не выходит. Видать, магический. Ну, ничего, я намотаю поверх полоску кожи, покупатель сразу и не распознает.

— Ты меньше рассуждай, делай скорее! — Лабириана раздражённо передёрнула плечами. — Вдруг он сейчас очнётся?

* * *

Я пришёл в себя в сумерках. Лежал, уткнувшись носом в утопанную землю у плохо сделанного забора, и было мне очень плохо.

Шея горела, как от ожога, голова раскалывалась от боли, язык присох к нёбу... Вроде и не пил вчера? Или пил?

О, чёрт, я же вчера пять косарей получил за сборку этого дурацкого железного ящика! Неужели деньги украли?

Дёрнулся встать... И обнаружил, что руки связаны за спиной.

Только тогда и сообразил повернуть голову. Увидел унылую тёмную комнатку... И всё вспомнил.

И вовсе это не сумерки были, а солнечный день, только лучи, проходящие сквозь узкое окошко, не дотягивались в тот угол, где я валялся на земляном полу.

И не в забор я уткнулся, а в щелястую стену из кривых досок!

Попробовал приподняться и взвыл от боли. Чего же мне больно-то так?

— О, оклемался, бродяжка! — раздался радостный женский голос. — А я уж думала, что перестаралась.

— Сука, — сообщил я без особых эмоций.

А ведь я сам виноват, расслабился. Надо ж было так лохануться! Поверил первой попавшейся бабе, жрать захотел, имбецил в валенках.

То-то она на вопросы не отвечала. Боялась спугнуть.

Девушка, проходя мимо, пнула меня ногой — к счастью, босой и не слишком больно — и заорала:

— Сион, этот мерзавец очнулся!

От вопля моя бедная голова заболела ещё сильнее. Я прикрыл глаза, но отлежаться мне не дали.

— Вставай, раб!

Я посмотрел на вошедшего и решил не спорить.

Мужик был похож на медведя: такой же громадный, неуклюжий, с буро-коричневой бородой и маленькими гадкими глазками.

Я подозревал, что бородатый, так же как и медведь, на поверку может оказаться быстрым и опасным, поэтому приходилось слушаться. По крайней мере сейчас, пока связан.

— Куда пойдём-то? — спросил, кое-как поднимаясь на ноги.

Со связанными руками — это был тот ещё квест!

— На рынок, — охотно пояснил бородач. — Нам раб без надобности, самим бы как-нибудь прокормиться. А чего добру пропадать?

— Воды хоть дайте? — взмолился я.

Вода в комнатёнке была. Здоровенная бадья стояла прямо на полу. Я такую в кино видел. Сверху крышка, на крышке — кружка.

Куда же я всё-таки попал? В сказку? В кино дешёвое?

Я и не надеялся, что мужик даст мне напиток, но бородач зачерпнул воду из бадьи щербатой глиняной кружкой и поднёс к моему лицу.

Похоже, повеселиться захотел.

Пить со связанными руками, когда в тебя тычут здоровенной кружкой — то ещё развлечение. Я весь облился, пока сумел пару раз глотнуть воды.

Бородач заржал и пинком выпер меня из комнаты. Вскоре я вновь шагал по улице, но уже под конвоем.

Девушка тоже пошла с нами. Похоже, бородачу она не полностью доверяла.

Было жарко, болели голова, руки, шея. Варан Яша во мне уснул, и как его вызвать — я не знал. Вот он, может, и мог бы сейчас как-нибудь выкрутиться и удрать, а я — точно нет.

Пока мы шли, связанные руки затекли. Так ведь и без рук можно остаться! Если это, конечно, всё-таки не кино.

Мне было так плохо, что оставалось только радоваться тому, что ведут меня теперь не стражники, а горожане и не к палачу, а на рынок. Как ни крути, а положение моё на одну ступеньку улучшилось.

Ну, продадут. Там, наверное, будут другие рабы — и вот тогда я уже узнаю, где я и что

тут происходит. А работы я не боюсь, ещё другим фору дам.

Рукастый человек да со сметкой нигде не пропадёт. Либо сумею себя выкупить, либо, на худой конец, восстание подниму. Как Спартак.

Правда теорию про всякие движущие силы и производственные отношения я уже подзабыл, да и учил я её в школе через известное место. Но с практикой-то как-нибудь разберусь, ага?

Рынок рабов был на задворках рынка обычного — грязного, шумного как среднеазиатский базар.

Он оказался не очень большим, зато тихим. А то я почти оглох, пока мы шли мимо обычного рынка.

На рынке рабов меня загнали на плохо струганный деревянный помост вместе с другими беднягами в ошейниках. Здесь были только мужчины, женщин продавали на другом помосте.

Покупатели и покупательницы ходили, приценивались, изредка задавали вопросы хозяевам или толстому продавцу, что содержал этот маленький рыночек и получал свой процент со сделок.

— Надо было подождать до завтра, — посетовал бородач. — Самый покупатель — он как селёдка, с утра идёт.

— Ну да, жди, жди... — хмыкнула Лабириана, так звали женщину. — Хилкс, братец твой непутёвый, явится — продаст за бесценок, лишь бы опохмелиться.

Я не очень-то прислушивался к их разговору. На помост меня выставили в самый солнцепёк, и голова разболелась ещё сильнее.

Хотелось пить. «Хозяева» мои тихо переругивались. Покупатели приценивались, но услышав, сколько монет за меня хотят, сразу шли мимо. И за кружку воды я уже готов был отдать почти что угодно.

Чуть легче становилось, когда вдруг прилетал лёгкий бриз. Где-то рядом имелось море. Вот только мне пока не светило на пляж да с холодненьким пивом.

Рабы выглядели измождёнными, и я решил, что выгодно от них отличаюсь. Если бы не цена, меня забрал бы первый же дядька с кривыми зубами. На других рабов он даже не посмотрел.

В руке дядька держал плеть и всё время порывался ею щёлкнуть. Он окинул меня пристальным взглядом, пощупал бицепс, больно прихватив руку, и обратился к Сиону:

— Сколько?

Ответила Лабириана:

— Семь серебряных. Гномьих.

— Ополоумела! Не стоит он таких денег! Тьфу!

Плюнул дядька не куда-нибудь, а мне на босую ногу. И развернулся, чтобы уйти.

— Ещё как сто́ит! — визгливо крикнула Лабириана ему в спину. — Он молодой, сильный!

На крик обернулась блондинка в бархате, уже, было, прошедшая мимо.

Взгляд её небесных глаз безразлично скользнул по моей бедно одетой хозяйке, потом обратился на меня и сразу стал внимательным и цепким.

Секундное колебание — и она направилась к нам.

Я не понял, что она во мне углядела, потому что сам смотрел не в лицо ей, а чуть ниже:

два белоснежных полушария подпрыгивали с каждым шагом, норовя выскользнуть из декольте.

— Какие классные сиськи! Вот где в плюс местное средневековье! Лифчиков-то ещё не придумали!

— Сколько хочешь за этого оборванца? — промурлыкал хрипловатый низкий голос блондинки.

— Семь... с половиной, — добавила Лабириана, увидев заинтересованность в глазах покупательницы.

Та нарочито медленно развернулась, одёрнула синее бархатное платье — это в такую-то жару! И сделала вид, что уходит.

Но даже я видел, что это игра.

— Берите за семь! — крикнула Лабриана, и блондинка тут же вернулась назад.

— Пусть зубы покажет! — приказала она.

Лабриана ослабилась:

— Ты его, чай, не орехи грызть присматриваешь!

— Чай не орехи! — рассмеялась блондинка. И повернулась ко мне: — А ну, открой рот, раб! Да шире, шире!

Глава 8. Гарем

Мужик, который не выговаривал букву «эр»,

никак не мог отпроситься у жены на рыбалку.

Рот я, разумеется, открывать не собирался. Сдурела она, что ли, эта блондинка в бархатном платье?

Сион тут же подскочил и полез грязными пальцами мне в рот. Я замотал головой, как лошадь — руки-то связаны.

Блондинка расхохоталась:

— Так он ещё и строптивый? Даю пять серебряных!

— Да он же стоит в два раза больше! — так и взвилась Лабриана. — Да ему нет ещё и двадцати лет! На нём ещё полвека пахать можно! Семь или идите себе мимо!

Я отбивался от бородатого Сиона. Мычал, отбрыкивался. Он вцепился в мою челюсть как клещ. Пришлось дать ему коленом по самому сокровенному.

— А ну отвяжись! — заорал я. — Стоматолог доморощенный!

Сион согнулся от боли, но, не желая сдаваться, начал заходить сзади.

— Иди-иди! — орал я. — Щас я тебя ещё раз лягну! Радуйся, что лошадь не кованная досталась!

Вокруг нас начал собираться народ. Хозяева рабов и покупатели подбадривали «бойцов», свистели, кричали: «Врежь ему! Врежь!»

Они делали вид, что кричат Сиону, но пинался-то я. А значит...

Сион шипел от боли и злости, но добраться до моих зубов у него никак не получалось.

Блондинка, глядя на нас, хрюкнула раз, другой, а потом махнула рукой:

— Уговорили! Шесть и по рукам! Если зубы плохие, и в гареме он не пригодится, так хоть шута из него сделаю!

Она достала из кошелька на поясе деньги, и Лабриана прямо-таки вцепилась в них, опасаясь, что покупательница передумает.

Блондинка хмыкнула, глядя как «хозяева» быстренько растворяются в набежавшей толпе, оглядела меня с головы до ног и проворчала:

— Вот это я купила кота в мешке. И даже боюсь, что ворованного. А ведь я самого главного-то и не рассмотрела в спешке. Надо было хотя бы штаны с тебя снять! Зубы-то тебе, может, и не понадобятся, а вот то, что в штанах...

Кажется, я покраснел — щёки стали горячими и шея тоже.

— Ну ладно, сама облажалась, сама и виновата... — вздохнула блондинка — Пойдем, что с тобой делать, глазастенький! И чем ты мне приглянулся, а?

Блондинка пошла вперёд в полной уверенности, что деваться мне некуда, и я неохотно поплелся следом. И в самом деле — куда деваться в ошейнике и со связанными руками?

Перспектива горбатиться на новую хозяйку не слишком впечатляла, но руки-то мне хоть развяжут уже? И воды бы...

Стоп! Что она там сказала? В гареме?!

Я остановился.

— Ну? — обернулась блондинка. — Чего встал? Я так и думала, что ты туповатый. Ну, тем лучше. В этом деле, чем меньше думаешь, тем лучше работаешь!

Она ещё раз оглядела меня и добавила грустно:

— Эх, надо было всё-таки штаны с тебя снять. И как это я на тебя засмотрелась, что про дело забыла? И чем ты мне вдруг запал? Оборванный, грязный...

Я вытаращился на неё, как на идиотку. Она мне ласково улыбнулась.

И тут меня осенило. А ведь прикинуться тупым — неплохая идея! Я в этом мире ничего не знаю, всё равно веду себя как идиот. А так и ошибки будут меньше заметны!

Может, удастся ослабить бдительность новой хозяйки (зачем следить за дурачком?) Тогда и попробую сбежать. Уж в гареме-то, наверное, не будут на цепи держать да в кандалах?

Или будут?

Мы миновали базарную площадь, и блондинка подошла не к повозке, как я ожидал, а к огромному зеркалу в раме, больше моего роста.

Сначала я подумал, что она купить его хочет, но продавца нигде видно не было.

Блондинка провела по зеркалу кристаллом, висевшим у нее на шее на цепочке, гладкая поверхность зеркала покрылась рябью, а потом и вовсе исчезла. И сквозь пустую раму видно было теперь совсем не рынок, а нарядный дом на окраине города, за которым уже начинался лес.

Наверное, я смотрел на зеркало, как баран на новые ворота. Потому что блондинка вздохнула и скорчила скорбную гримасу.

— Ну, ты и вправду дикий какой-то, — произнесла она с улыбкой. — Ты что, портала никогда не видел? Иди за мной!

Я решил ничему не удивляться и шагнул в раму зеркала вслед за женщиной. Хотя в голове билось: «Да где я вообще? Может, я умер там, в ящике?»

Никаких вихрей или цветных всполохов, как я ожидал по голливудским фильмам, не было. Мы просто сделали шаг... и вышли с другой стороны зеркала. Во дворе богатого — по средневековым опять же меркам — дома.

Я оглянулся, и увидел в раме грязную мостовую и кусочек рынка. Затем проем затянулся прозрачной пленкой, которая вскоре снова стала зеркальной гладью — чудеса!

Точно. Я умер. Всё. Хана мне... Если палачи и рынок рабов — хоть какая-то реальная штука, пусть и средневековая, то сквозь зеркала шагать — откровенный бред. А может, я сплю в ящике, и мне всё это снится?

Блондинку возле дома уже ждали две здоровенные девицы, которых я сначала принял за мужиков. Высокие, плечистые, коротко стриженные блондинки в мужских штанах и рубахах, с кинжалами у пояса и длинными мужиковатыми лицами.

Одна из девиц довольно бесцеремонно меня осмотрела. Вторая усмехнулась и пальчиком у виска покрутила, пока хозяйка разглядывала цветочки на клумбе. Судя по поведению — обе девушки были охранницами.

Мы вместе зашли в дом — хозяйка впереди, потом я, следом девицы.

В прихожей я только и делал, что озирался. Разглядывал стены, обвешанные гобеленами, золотые светильники, сияющие магическим светом — ведь электричества в доме не было, пальмы в кадках, диванчики с витыми ножками и мягкие шёлковые ковры. Вот где моим босым ногам наступило счастье!

Такие богатые дома я видел только в «долине нищих» — в элитном районе нашего города, когда приезжал туда на заказ собирать огромную кровать в викторианском стиле.

— Проводите новенького в изолятор, — приказала блондинка охранницам. — Но сначала помойте и выдайте ему чистую одежду. А эту — сожгите! Там, поди, вши бегают!

Она неожиданно благосклонно в последний раз оглядела меня всего, хмыкнула и удалилась, гордо выпрямив спину.

Я поморщился — никаких вшей у меня в одежде не было, я бы заметил.

— Эй ты, никудышное приобретение! — окликнула меня одна из охранниц. — Тебя хоть как звать, чучело?

«Сама ты...» — хотел огрызнуться я.

А потом подумал, что не надо бы пока с охранницами ссориться. Мало ли чего они мне тут могут устроить. Вдвоём-то.

— Сергей меня зовут, — буркнул я. И добавил: — Руки развяжите? А то я уже совсем ничего не чувствую.

— Сергей? — захохотали сразу обе девицы. — Да таких имён не бывает!

— Как не бывает? А я?

— Я — Мидора, — сказала та, что была немного повыше. — А это Лярис. А ты у нас будешь Зергиус!

Идиотки, блин.

— Да я...

Но повозмущаться мне не дали.

Охранницы ловко освободили меня от верёвок, и, не обращая внимания на мои стоны — руки страшно болели — потащили по коридору и втолкнули в комнату с деревянным решетчатым полом и здоровенной ванной посередине.

Я привалился к стене, растирая запястья и озираясь: странная это была ванна — без водопровода.

Девицы позвали служанок с полотенцами и одеждой. Два амбала с сытыми лицами внесли деревянные ведра с водой и бухнули эту воду в ванну. Пошёл пар — вода была горячей.

— Раздевайся, — велела мне та, что была повыше и помощнее. Мидора её зовут, вспомнил я.

Охранница развязала свою запашную блузку, вываливая на моё обозрение очень даже симпатичные груди размера «дайте ещё две».

Полноватой она казалась только в одежде, из-за хорошо развитой мускулатуры, а без одежды стала поджарая и накачанная. И груди у неё тоже были крепкие, налитые такие.

Я обалдел. Зрелище было очень приятное, но... Мне первый раз в жизни вот так, в лицо, вывалили женскую грудь.

И потрогать хотелось, такая ли она крепкая, как кажется, и одновременно ступор напал.

Ну как так можно, а? Я же почти женат. Был.

Да и Мидора — всё же не Жанна Фриске. Хотя...

В общем, я стоял, смотрел на грудь охранницы и хлопал глазами.

— Ах, у тебя же руки затекли! — осенило Мидору. И она спросила напарницу: — Разденем его, Ля? Или так будем... мыть?

Ещё, зараза, и паузу сделала многообещающую. Это что, ещё и Лярис сейчас разденется? И штаны снимет?

Сказать, что я покраснел — ничего не сказать. Меня просто кипятком ошпарило.

Я видел в кино, как в такой вот ванне голые бабы мыли, кажется, Ведьмака? Или ещё

кого-то из какого-то фильма?

Я ему тогда даже позавидовал. Но сейчас мне было так неловко, что спина зачесалась. Чтобы меня? Две бабы?

Хотелось закричать: «Спасите!» Но кто бы меня тут спас...

Наверное, я стоял сейчас, красный, как макароны в томатном соусе — ещё и с белыми пятнами. От мысли, что эти девки меня сейчас разденут и будут «мыть» — шерсть на груди поднялась дыбом.

И не только на груди...

Здравая мысль была только одна — врезать Мидоре башкой и бежать. А там...

Лярис подошла сзади, приобняла меня одной рукой, а другой скользнула к самому дорогому.

— Э, не трожь! — в панике пробормотал я. — Не твоё, хозяйкино.

Она хихикнула.

«Ты что, охренел? — раздалось у меня в голове. — Ты больной, что ли? Где ты потом возьмёшь таких кошечек? Хватай их, пока не убежали, ну? Срочно хватай и трахай!»

Может, это была шизофрения, но я ответил. Мысленно: «Да они же меня сейчас сами схватят и трахнут...»

«Сразу две? — поинтересовался невидимый собеседник. И захихикал: — Кайф! И бегать за ними не надо. Расслабься, спаситель! Получай удовольствие!»

«Но я же еле руки могу поднять!»

«А что ты тут руками делать собрался? Тебя что, кастрировали?»

«Да кто ты вообще?»

«Как кто? Опять не узнал, спаситель? Вы, люди — на редкость тупые и безголовые. Дурёха эта чуть не задавила два раза, а ты запихал под куртку, а там дышать нечем. Я думал — подохну!»

«Ты, — растерялся я. — Ты — Рыжик? Кот?»

«Ну а кто ещё? — сердито отозвался голос. — Ты что, кота от кошки отличить не можешь?»

«Блиин...»

А ведь всё верно. Рыжика я сунул под куртку, и молнию застегнул. Вместе с ним меня в ящик и запихали.

Выходит, я теперь вместе не только с ящерицей, но и с котом. Вот только где?

«Как ты думаешь, Рыжик? Где мы?» — спросил я безо всякой надежды на ответ.

«Где, где? В Караганде! — буркнул кот. — Купать тебя сейчас будут. Терпеть не могу купаться! И это всё потому, что ты кошку за шкурку поймать не можешь, бездарность ты человеческая!»

Пока я болтал с этой ехидной тварью у себя в голове, момент для побега был потерян.

Мидора ухватила меня за рубашку и разорвала её по шву.

«Ой!» — испугался я, покрываясь мурашками.

«Лови кайф, спаситель! — возликовал в голове Кот. — Скажи ей, что она клёвая, и она потечёт!»

«Ты бы заткнулся уже, а?» — не выдержал я.

«Да расслабься! — заржал Рыжик. — Тебя что, каждый день по две бабы обхаживают?»

Лярис зашла сзади и стянула с меня штаны.

«Конечно, первый раз!» — мысленно взвыл я.

Без штанов стало совсем плохо. Словно бы они меня от чего-то защищали.

«Ну, с боевым крещением, значит, тебя! — издевался кот. — Я тебя сейчас всему научу.

Замри. Расслабься. И получай удовольствие!»

«Да ты кто такой, чтобы меня учить!» — разозлился я.

Охранницы тем временем подхватили меня под локти и затолкали в ванну.

— Горячая же! — заорал я уже вслух.

Мидора опустила в воду голый локоть. Грудь у неё от этого движения почти не провисла и продолжала задорно торчать.

— Локоть терпит! — заявила она безапелляционно и окунула меня в воду с головой.

Я вынырнул, отплёвываясь. Охранницы, смеясь, приготовились меня топить.

Но тут на моё счастье те же мужики принесли ещё два ведра горячей воды.

Мидора велела поставить их рядом с ванной, обмакнула в одно мочалку и стала намыливать огромным куском серого мыла.

— Щас мы тебе и ушки помоем, и ещё кое-что...

Она посмотрела на меня с хищным интересом.

«Расслабься! — приказал кот. — И получай удовольствие! Скажи ей, что она — милая! Ну?»

Деваться было некуда, и я сказал Мидоре:

— А у тебя красивая грудь.

Не ожидал, что она покраснеет.

— А у меня? — спросила Лярис и тоже сняла рубаху.

У неё груди были ещё меньше, остренькие, как рожки у козы.

«А у тебя — очаровательная, — суфлировал в голове Рыжик. — Красота и очарование. Две грации».

— Очаровательная, — повторил я с улыбкой.

Лярис тут же скинула штаны и полезла ко мне в ванну.

— Ты чего? — испугалась Мидора. — А если хозяйка узнает?

— А ты запрети купальню! — захихикала Лярис. — И иди сюда.

Мидора достала здоровенные ключи, покрутила их на пальце, раздумывая, и пошла закрывать дверь.

«Сечёт! — обрадовался кот.

«А если — она тоже в ванну залезет?» — спросил я, всё ещё немного нервничая.

«Скажи, что всегда мечтал сразу с двумя такими красотками! — возликовал Рыжик. — Ах, какие кошечки! Я тебе сейчас такое подскажу!»

Пока Мидора раздевалась, мы с котом успели слегка посоветоваться.

Единственное, что он отнёс, чтобы я мыл девчонок. Это же я у них в рабстве, а не они у меня. Вот пусть и моют.

В общем, помылись мы замечательно. С чувством, толком и расстановкой.

А вот одежду после ванны мне выдали явно с чужого плеча.

Льняные штаны были слишком свободными, мне пришлось подвязать их шелковым поясом. Рубаха тоже была широкой и слишком длинной, пришлось закатать рукава.

Расшалившаяся Лярис шлёпнула меня по мягкому месту, направляя в один из многочисленных выходов из ванной.

— Только молчок! — предупредила она. — А то хозяйка тебе... уши отрежет. Овечьими

ножницами!

Охранницы захихикали, обнялись и начали щипать друг друга от избытка чувств, а я открыл дверь и оказался в длинном коридоре, по бокам которого шли двери, как в офисе.

Я толкнул плечом самую ближнюю дверь. Она оказалась открыта, и я вошел.

— Смотрите, новенький! — раздалось сбоку.

Я огляделся. В довольно большом помещении стройными рядами стояли двухъярусные кровати: то ли спальня в детском лагере, то ли тюремная камера. Однако признаки роскоши тоже имелись — посреди комнаты был устроен декоративный фонтан с рыбками, а по стенам развешаны ковры и гобелены.

А ещё на меня со всех сторон таращились обитатели этого странного места. Парни, мужики... Взгляды были не слишком добрыми, и я понял, что надо отсюда линять.

— Эй, ты куда! — в комнату влетела Мидора и ухватила меня за рубашку. — В спальню нельзя! Вдруг ты заразный? Пошли-ка, Зергиус, в изолятор. По пути тебе и ошейничек поменяем на магический, чтобы не убежал!

Глава 9. Коварные планы

Хорошо, что всё идёт по плану. Плохо, что план — говно.

— Слушай, этот парень вообще какую-то странную активность демонстрирует! Что с ним творится? То он в ступор впадает, то прямо вешается на девок? — толстый Пётр жевал пирожок с повидлом и сопел в экран.

Зрелище было очень возбуждающее: две голые девицы и один мужик в большой деревянной ванне.

Вроде и видно многое, и домысливать можно до бесконечности, чем они там, в воде, занимаются.

— Это не Яша так на него влияет? — на тощего зрелище возбуждающе не подействовало.

Он быстро листал таблицы эмоций, пытаясь подкорректировать психотип испытуемого.

Психотип никак не складывался: парень был вроде бы скромный, и вдруг такое начал творить, словно у него в башке переключатель переставили на режим «ловелас».

Ну, нельзя же так ржать в ванне с голыми девками, если ты пять минут назад краснел, как пацан!

— Не-а, не похоже это на Яшу, — прочавкал Пётр. — Яша у нас не на секс срабатывает, а на угрозу жизни — бей или беги. Секс у него строго по расписанию, согласно биологическим моментам. В сезон. Что-то ты намудрил, Паша. Где-то в настройках галочки перепутал.

— Да что я там мог перепутать? Дела-то было — наложить инстинкты варана на слепок личности. — Павел посмотрел на пакет с пирожками на столе у Петра и поморщился. Кое-как зарубцевавшаяся язва ему такой еды не прощала. — А может, этот Сергей и был в душе бабником? — предположил он. — А тут выпрягся наконец. Все мы в душе...

— В душе. А кто-то вон и в ванне, — хмыкнул Пётр и проглотил «попку» от пирожка. Он держал её двумя пальцами, словно не собирался есть, но потом всё-таки сожрал. От общей жадности. Хотя в пакете у него оставалось ещё два пирожка. — Я бы понял, если бы он через неделю в гареме выпрягся. Но не в пять же минут!

— И что теперь? Это типа он нам эксперимент запорол, скотина такая? — поморщился Павел.

— Ну, почему запорол? В подвале у палача Яша включился, как надо. Ну а тут... Значит, не ушли мы чего-то. Ты думай!

— Так я и думаю.

— А надумал чего?

— Да ничего! Продолжать надо наблюдение, вот чего! А я — домой хочу, жрать и спать!

— Да погоди ты со своим домой. А если тело не выдержит?

— Подключай к капельнице, и давай уже сворачиваться. Завтра разберёмся, получился эксперимент или налажали. Время — десятый час!

— А... э-э-э, — Пётр покосился на два последних пирожка. — А если придём, а клиент того? Куда его потом?

— Понятия не имею. За «потом» у нас ты отвечаешь.

Пётр всё-таки доел пирожки, огляделся, не завалилось ли на столе ещё что-нибудь?

Труп — это стресс, а стрессы он заедал.

Ситуация Петра раздражала. Клиента он не жалел, конечно, хрен бы с ним да маленько. Но как это так: Павел, значит, лагает, а ему, значит, убирать?

— Слуш, а Марина? — напомнил Пётр. — Раз уж она в теме, может, склоним её к сотрудничеству? Пусть она там за подопытным присмотрит? Понаблюдает, пощупает его за яйца, а?

— Герман убьёт... — растерялся Павел.

Подключение к эксперименту дополнительного персонала они с начальством не оговаривали. Герман за левую бабу, мог поступить с ослушником, как с Адамом: вынуть ребро и сказать, что так и было.

Пётр вздохнул. Ну что за день: стресс за стрессом! И пирожки кончились.

— Да не узнает он ничего! — Толстяк смял пакет из-под пирожков и кинул в корзину для мусора. — Не ты же ему скажешь? Марина — разведёнка, родных у неё в городе нет. Припугнём — и будет работать на нас.

— Ты ж не велел её выпускать из игры? — Павел занервничал. Он вообще не любил переговоры, тем более — договариваться с персоналом.

— А мы и не будем её выпускать, — пояснил Пётр. — Свяжемся через интерфейс. Обманем маленько глупую бабу, делов-то?

— А тело? — совсем растерялся Павел. Одно дело — какой-то левый мужик, другое — проверенный сотрудник.

— Так она в “цешке”, в долгосрочном боксе. И это очень нам на руку! — заметил Пётр. — Донесём до неё задачу: пусть понимает — у неё трое-четверо реальных, не игровых суток, чтобы выяснить, что с парнем творится. Иначе её тело без особого ухода — того. Это она поймёт, не дура. А мы её спишем потом на несчастный случай: пожадничала, переработала...

* * *

Вернувшись в цифровое пространство, Марина призадумалась. Искать кошачьего вора без точных координат — задача сложная. Одной тут точно не справиться. Нужна помощь.

На счастье, был у неё на примете махровый такой тестировщик — Андрей. Он одним из первых начал осваивать пространство игры, когда из локаций были готовы только деревня и пруд. Даже работу бросил, чтобы побольше завистать в любимившемся мире.

Он и в будни частенько ночевал в капсуле, а на субботу и воскресенье оставался всегда. Модераторы и техподдержка разбредались по домам — твори, что хочешь.

До сотрудничества с «Магнетик. Инк» Андрей был тихим сисадмином в полиграфической конторе. На досуге увлекался программированием, но без особых прорывов.

А вот в игре его потаенные желания развернулись на полную. Он собрал небольшую общину из приятелей-испытателей и увёл их в лес. Построил, так сказать, микроимперию. При этом и в городе у него были свои люди, да и в других локациях — тоже.

До леса, где Андрей построил свою общину, путь был неблизкий, поэтому Марина решила воспользоваться одним из порталов, что как раз находился неподалёку.

Но её ждало разочарование — портал оказался нерабочим.

«Вот черт! Снова, что ли, запустили отладку перемещений? Как не вовремя! — подумала она. — Придётся брать транспорт. Хотя мир и игровой, но от пешей дороги ноги устанут по-настоящему».

Марина начертила в воздухе сложную фигуру, вызвав перед собой игровой интерфейс. Полистала вкладки: инвентарь, способности, карта... Остановилась на вкладке «транспорт».

Из доступного на данный момент имелось только два вида транспорта: лодка и конь. Карета была неактивна. Судя по надписи — шла перезагрузка.

Ездить верхом Марина умела, но не очень любила — трясет, воняет, да еще и мухи такие реалистичные. Кому сдался такой реализм?

Но делать нечего. Она нажала кнопку «вызов транспорта», свернула интерфейс, села на камушек и принялась ждать.

Что же это получается? Боссы начали проводить новые эксперименты, но держат их в секрете? Привлекают кого попало, скрытничают. А в самом начале была такая дружная команда!

Её мысли прервал сигнал вызова. Слева в области зрения мигал красный огонек.

«Начальство вызывает? Зачем?» — удивилась Марина, но активировала интерфейс и приняла вызов.

Перед ней материализовалась полупрозрачная фигура Петра.

— Мариночка, ты не занята сейчас? Поговорить надо.

— Да я как раз лошадь жду, Пётр Семёнович.

— Отлично! Тогда слушай сюда. У меня есть для тебя отличное высокооплачиваемое задание. Мы тут нового тестера запустили, а он начал творить лютую херню. — Пётр нервно оглянулся, но на кого он смотрит, Марина не увидела.

— Так уберите его из игры, — удивилась она.

— Нельзя. Там особый эксперимент, по непрерывному трёхсуточному контракту. Мы его по ошейнику отслеживаем, но прервать миссию сами не можем, иначе штраф.

Марина знала, что под «трёхсуточным контрактом» имелись в виду всего одни реальные сутки. (Из-за растяжки внутреннего времени игрока игровые сутки были в три раза короче настоящих.) Но её всё равно почему-то пробрал мороз.

— Вы подписывались не контактировать с ним до конца эксперимента? — уточнила она деловито. За деловитостью она всегда успешно скрывала страх. — Мне с ним поговорить прямо в игре?

— Лучше бы тебе с ним тоже не говорить, а понаблюдать и потом доложить мне. Он ухитрился попасть в рабство, перекупи его?

«Ага, ухитрился, — подумала Марина. — Не вы ли его в игру в ошейнике выкинули?»

Но вслух спросила:

— А кто его купил?

— Аделаида Бейнвольская.

Губы у Марины сами собой вытянулись в трубочку. Ага, перекупишь молодого парня у этой мужиколюбивой стервы. Проще украсть или отбить по дороге, когда в поместье к себе повезёт.

— Очень надо, Марин, — настаивал Пётр. — Если пройдёшь этот «квест» до конца его трёх суток, я тебе оплату в тройном размере, а?

— В тройном? — Марина присвистнула.

Кредит-то за квартиру сам себя не заплатит.

Приобретение машины было для Марины только первым шагом к успеху, пробой сил. Убедившись, что выплачивать кредит вовремя получается без особого риска, она подкопила на первый взнос, продала убогую комнатуху, оставшуюся от бабушки, и взяла ипотеку.

И вот тут-то выяснилось, что ипотека — это надолго, и тянуть её в одиночку — совсем не торт с розочками.

Ипотека пила из Марины кровь и деньги. Платить предстояло ещё шесть лет, а она очень хотела ужаться до двух. Жила экономно, не позволяя себе никаких излишеств, кроме одежды для поддержания образа сильной и стильной деловой женщины.

А куда деваться? Это необходимое условие, чтобы держаться на хорошей работе.

Вкалывала Марина как сумасшедшая. Зато ипотеку гасила с опережением!

Кроме... Ну да, кроме последнего года.

Виталий ужиматься не хотел. У него постоянно не хватало денег то на одно, то на другое. При этом он на Марине не экономил — всегда старался порадовать цветами или какими-нибудь приятными мелочами.

Приходилось соответствовать — и Марина тоже покупала подарки своему парню, а то и денег подкидывала. В график выплат она укладывалась, но вот «досрочных» гашений не было, а пора бы.

Щедрый платёж, обещанный Петром, давал возможность увеличить выплату уже в этом месяце. Это тогда сколько останется платить? Ой, калькулятор бы или карандашик хотя бы...

Марине казалось, что ипотека ярмом давит на шею.

Нужно было напрячься, выплатить и вот тогда — начнётся новая жизнь, настоящая, радостная.

Впервые за последние дни Марина с облегчением подумала: а может, и хорошо, что поганец Виталий сбежал? Насколько дешевле будет жить одной! То есть с котом.

Три игровых дня — это не больше суток. Спина потом затечёт, конечно, круги под глазами будут.

Но если в тройном размере...

А Рыжика — вахтёр подберёт. Ну или она сама улучит минутку и выйдет из игры, чтобы ещё раз пробежаться по этажам и поймать мерзавца.

— А за чем именно наблюдать-то надо, Пётр Семёнович? — спросила она, сдерживая радость.

Тот вдруг замялся.

— Эксперимент секретный, ты понимаешь? Я не могу тебе всё сейчас рассказать. Подмечай всё необычное. Реакции нестандартные и всё такое. Купи его, поиздевайся как-нибудь, ты ж там дочка барона? Постарайся вывести его из себя? Он у нас как бы недоактивированный выживальщик. Должен по договору начать выживать, а он в гареме за бабами бегает.

«Вот оно что! — осенило Марину. — Мужик попал в рабство и должен был бежать! А он — в гареме осел! Вот вор кошачий! И тут решил всех надуть!»

— Ну, уж из себя-то я кого угодно выведу! — рассмеялась Марина. — Ладно, три дня — так три дня! Всё равно завтра суббота. Поработаю ударно, в воскресенье отдохну, а в понедельник — уже зарплата!

— Ты зачем ей сказал, что она на нас работает? — удивился Павел.

— Так это же баба, — пожал плечами Пётр. — Она ж психовать начнёт, если ей врезать открытым текстом, что она закрыта в игре, пока мы не решим, что с ней делать. Ещё народ не весь отвалил. Мишка вон сидит на модерации, а в офисе техподдержки свет горит. Полезет эта Марина к кому-нибудь с откровениями, а нам оно надо? Сейчас дождёмся, пока модераторы свалят, и я с ней поговорю приватно: кто у нас на кого работает. — Он оскалился. — Тоже мне, фифа! За жопу себя не даёт пощупать. Ещё в ногах у меня будет валяться. А не захочет молчать: в мешок, и в лесу прикопаем.

Тощий Павел поморщился: ну что за уголовщина?

— А если Герман узнает про твою самодеятельность?

— А отчего вдруг мою? Ты — рядом стоял...

Сообразив, что Пётр не шутит, Павел занервничал. Он вообще-то не нанимался людей мочить. Он — научный сотрудник, его дело эксперименты ставить, а не топором рубить!

Да и жрать уже хотелось невероятно.

— Я вообще я не пойму, чего такой кипищ, — буркнул он, обведя глазами стол. — Ну что она может кому рассказать? Видела мужика в ящике? Ну, так был и весь вышел. Давай уже домой поедем? Ты же знаешь — у меня язва! Завтра бы и разобрались, раз уж обоих в игре заперли. Куда они из игры денутся?

— Вот уйдут модераторы — и мы свалим, — отрезал Пётр. — Ты же слышал: разработки секретные... Мало ли чего.

Павел жалобно и протяжно вздохнул. Он не был рецидивистом, но сейчас готов был убить обоих игроков за порцию супчику. Или даже за пирожок. Но Пётр уже умял всё съедобное. Даже окаменевший пряник сожрал.

— Да что в них секретного, кроме сборщика мебели, которого мы спёрли? — заныл тощий. — Уйдём и дверь на замок закроем. Эта дверь ядерный удар выдержит. Ну что Марина модераторам скажет? Что ты из игры её не выпускаешь?

— А если модераторы её выпустят? А если ящик пойдут смотреть? Откроют твою противоядерную дверь запасными ключами?

— А у кого запасные?

— А это ты у Германа спроси!

Тощий Павел насупился:

— Я вообще не понимаю, с чего тут такая секретность! Ни пожрать спокойно, ни отдохнуть...

— Вот я и вижу, что не понимаешь, — усмехнулся толстый. — Наш проект — не просто игра. Это часть большого и зверского плана по модернизации человечества.

— Ты веришь во всю эту лабуду про трансгуманизм? — искренне удивился Павел. — Это же просто корпоративный бред, типа тимбилдинга или церковных проповедей.

— А зачем в неё верить? — тоже удивился Пётр. — Следи за фактами. Ты задумывался, почему в нашей игре так мало неписей и так много живых игроков?

— Ну как бы да, нешаблонно, — дёрнул худым плечом-крылышком Павел. — Но я думал, что так просто дешевле. Тринадцатая эпидемия ковида, работы у людей нет, вот и решили: чем персонажей прописывать, лучше побольше набрать низкоквалифицированных

тестеров. Поиграть все любят, а тут ещё бабки платят хорошие.

— Типа наше руководство такое доброе? Ну ты и... — Пётр хмыкнул. — Учёный ты, Пашка. Идеалист. Кто ж за просто так будет деньги платить?

— Но тогда за что? — Павел и в самом деле никогда не думал ни о каких подковёрных стратегиях. Ну, игра. Ну срастили человека с вараном, чтобы научить его выигрывать, но...

— Наша фирма из тех, кто готовит антропологический переход. Да ты не морщись, ты слушай! Скоро на земле сформируется новое общество, где верхи и низы будут отличаются друг от друга, как два биологических вида. Одни будут жить 120–140 лет, кушать полезную органическую пищу, пить качественную воду, а остальные — сидеть в капсулах и под наркотой играть в наши игрушки пока не сдохнут. Они и будут в нашей игре неписями, ненужным игровым хламом. А в рекламе мы им напишем, что это первый уровень, что они все продвинутся до царей нашего мира, соберут кучу лута и белые гурии будут трахать их в ванной.

— Да с чего ты это взял? — Павел нахмурился, вспоминая постоянные стенания Германа про секретность.

— Догадался, — расплылся в улыбке Пётр. — Наша группа ведёт эксперименты как раз на тему завоевания игрового мира. Тех качеств, что обычному человеку не хватает. Люди сейчас в массе безвольные и тупые. И прекрасно играют роли неписей. А на второй уровень пройдут те, кто доплатит нам за то, чтобы быть богатыми и здоровыми. Те, у кого есть кое-какие бабки, так называемый «средний класс», они тоже никому в новом обществе не нужны. И мы сделаем из них игровую элиту. Наша игра — это же будет целый огромный мир, понимаешь? Даже как бы своя планета! Люди кинутся играть миллионами — у нас же полное погружение. Мир — совершенно как настоящий, не отличишь. И пока все там будут играть, верхушка станет управлять ими, как лохами. И реальная конкуренция в будущем мире никому не нужна, даже в игре. В правильном мире все тёпленькие места должны быть куплены. И мы с тобой сейчас должны это обеспечить с помощью Яшки!

Павел задумчиво кивнул:

— Кое-где ты прав. Давать игрокам игровые деньги и власть оказалось провальной стратегией. Те, кто в реальной жизни сильнее и хитрее — всё равно побеждают, хоть в рабство их поначалу кидай.

— Вот мы и ищем с тобой то, что можно долить в оцифрованную личность, — кивнул Пётр. — Но ты же понимаешь, насколько дорого будет стоить решение, если всё у нас выйдет? Вот потому и секретность. Вот будут первые результаты — Герман откроет под это отдельную лабораторию. Ты не представляешь, сколько бабла мы огребём, если Яша сработает.

Павел подумал, почесал щёку.

— А много тех, кто станет в нашей игре неписями?

— В идеале? — уточнил Пётр. — Что-то в районе 8 миллиардов. Весь этот шлак, кто готов сутками сидеть в играх, за компом, перед ящиком.

— А если они не захотят?

— Игра сама по себе наркотик. А будут ещё и настоящие наркотики, обеспечивающие полное слияние с капсулой. Хрен они оттуда выберутся в этот наш страшный жестокий мир. — Пётр нехорошо рассмеялся и кивнул Павлу на рабочее место. Хватит, мол, болтать. — Я бы вообще сегодня домой не ездил. А вдруг что-то пойдёт не так?

Но тощий не согласился.

— Нет, так не годится, — сказал он веско. — Я вроде бы понимаю, отчего ты задёргался, но именно завтрашний день будет решающим. Яша должен освоиться в сознании игрока, привыкнуть. И только завтра он покажет себя по-настоящему. Включи-ка машину на запись знаковых моментов и пошли разгонять модераторов и техподдержку. Ты начальник по кадрам или кто? И поехали уже по домам. Без техподдержки Марина твоя никуда не денется.

— А если она там натворит чё-нибудь? — нахмурился Пётр. — Да и Яша — не человек. Вдруг этого парня замкнёт? — Он кивнул на ящик.

— Да его бы давно замкнуло, будь это опасно для сознания. А вот я от недосыпа точно сдохну!

Пётр замялся. Ему тоже очень хотелось домой.

— А Герман? — спросил он.

— А Герман никогда не приходит в офис раньше одиннадцати. Приедем к девяти и разрулим, если криво пойдёт. Марину, если что, можно и пощадить. Вывести завтра из игры и сказать, что сбой, потому она и застряла.

Толстый Пётр хмыкнул и понюхал пахнущую пирожками ладонь. Ему тоже хотелось нормально поужинать.

— Ладно, — сдался он. — Но если что — Герману врать будешь ты!

Глава 10. Как выкупить раба?

Ты — трёхмерное существо, а твоя тень — двумерная.

Это означает, что, скорее всего, ты — тень четырёхмерного существа.

Когда мутный лик Петра растворился в воздухе, первым побуждением Марины было отказаться от неприятной верховой поездки в общину Андрея и отправиться сразу к Аделаиде. Пешком.

Однако она это побуждение успешно поборола и, дождавшись свою лошадку, заставила себя действовать по заранее утверждённому плану.

Ну, бросится она к Аделаиде и что? С чего та решит продавать едва купленного раба? Придётся его украсть, а здесь опять понадобится Андрей.

Ну, кто ей ещё поможет? Есть, конечно, и другие фанаты, мечтающие забуриться в игру на все выходные, но Марина знала только Андрея.

Неужели придётся напасть на гарем? Марина представила, как она с дубиной врывается в спальню Бейнвольской и захихикала.

Нет, можно, конечно, попытаться устроить кошачьему вору побег из гарема баронессы, но для этого важно, чтобы и сам он хотел сбежать, а, по словам Петра, выходило, что кошачий вор своим положением вполне доволен и бежать вряд ли захочет.

Марина хмыкнула: есть же такие примитивные существа, которых вполне устраивает существование на уровне физиологического функционирования!

Она свернула с дороги на утоптанную тропу, что вела к общине.

Лес стал гуще. В стороне, в подлеске, резвились дриады. Марина отвернулась: здесь была их территория, и замечать дриад, если не было к ним дела, считалось дурным тоном.

Лошадка шла ровной рысью, тряской, но скорой. И скоро в просветы между стволов стали заметны крыши, поднимающиеся за частоколом.

Дело шло к вечеру, но ворота в поселение были открыты. Марина проехала по единственной неширокой улочке, приветственно поднимая руку, когда замечала знакомые лица, остановилась у дома старосты и спрыгнула с лошади. Стала привязывать к ограде.

— В конюшню отведи, там обиходят! — раздалось за спиной.

Марина вздрогнула, повернулась. Смеющийся взгляд прищуренных от солнца карих глаз, тёмные локоны до плеч, перехваченные тонким кожаным шнурком, домотканая рубаха с распахнутым вышитым воротом...

— Андрей, ты меня заикой сделаешь! Нельзя так подкрадываться!

Парень весело рассмеялся, проигнорировав её нервозность:

— Как добралась?

Марина скорчила страдательную гримаску:

— Надо бы заменить рысаков на иноходцев. Поговорю с разрабами. Им-то какая разница!

— Приходилось ездить на иноходце? — удивлённо задрал красивую бровь Андрей.

— Нет, — призналась Марина. — Но я читала, что это намного приятнее.

Андрей задумчиво поглядел на лошадь, похлопал её по гнедому боку и сказал:

— Работает — не трожь. Они здесь, по крайней мере, послушные, а не проявляют

характер, как в реале. Пойдём в дом. Ты по делу или как? Квасу будешь?

— Буду.

Квас был вкусный и такой холодный, что заломило зубы — видно с ледника.

— Класс! — искренне похвалила Марина довольного хозяина. — Я, Андрюша, по делу. Посоветоваться — ну и за помощью. Надо выкрасть раба из гарема Аделаиды Бейнвольской.

Парень присвистнул, поцокал языком:

— Что, настолько хорош?

Марина уставилась на него непонимающе, а потом сообразила и вспыхнула:

— Да ну тебя! Одно на уме! Я на такого козла даже смотреть бы не стала! Я же сказала — по делу. Пётр велел. Он у них какой-то экспериментальный тестер, у него даже капсула не такая, как у нас, а просто ящик, сделанный кое-как, я видела. Но вместо того, чтобы выполнять, что там ему по заданию нужно, он у Аделаиды застрял, и ему там, похоже, нравится. Поэтому надо его оттуда выпнуть и заставить работать. Я и подумала, что одной мне не справиться. Может, хотя бы людей дашь?

— Ну вот, а я только обрадовался, что ты стала сексом интересоваться, и хотел предложить свои услуги, — расплылся в улыбке Андрей. — Ты ж не пробовала, может я лучше?

Поймав разъярённый взгляд Марины, он выставил ладонь:

— Ладно тебе! Пошутить нельзя! Давай подумаем, как твоего красавчика добывать будем? Мозгов у него, похоже, немного, раз Аделаиде проданся.

Марина кивнула, обозначая сходство мнений по поводу мозгов, но неохотно возразила — справедливости для:

— Не сам. Его в игру сразу забросили в рабском ошейнике. Пётр его по этому ошейнику отслеживает

— О, как! — Андрей нахмурился.

— И, как я поняла, отслеживает в режиме реального времени: не просто перемещения, а реакции и всё такое. Нас же, вроде, не так?

— Не так. Могут видеть только точкой на карте. По крайней мере, раньше так было. А сейчас — чёрт разберёт, что они поменяли. Может это капсула такая, а может программу расширили.

Марина хмыкнула:

— В общем, попал мужик. Они там кино смотрят, как он в гареме... Хотя, может, и поделом ему. Знал, куда лез. Ну так что, дашь людей?

— Нет, — покачал головой Андрей, — людей я тебе не дам. Тут что-то необычное, похоже, наклюнулось. Интересное. Я с тобой сам поеду. Какое у него, говоришь, задание?

Марина ушам не поверила. У Андрея всегда была куча дел в общине, а тут...

— Это здорово! — чуть не запрыгала она. — Спасибо! А вот про задание я ничего не знаю, об этом Пётр не сказал. Сказал только, что это эксперимент. На трое суток.

— А ты больше ничего про эту жертву эксперимента не знаешь? — Андрей пытливо посмотрел ей в глаза. — Точно?

Марина смутилась. Ей не хотелось рассказывать про историю с котом.

— Ну... Столкнулись мы с ним перед офисом, — выдавила она. — Но я тогда даже не знала, что он тоже тестер.

— Он что, нахамил тебе? — спросил Андрей.

Марину он знал, и в людях тоже разбирался.

— Вроде того, — буркнула Марина.

— Ну, тогда вытащим этого козла из рабства и сами его допросим, — подытожил Андрей и встал. — Поехали!

Обратно тоже пришлось ехать верхом, да ещё и в ускоренном темпе.

Сначала Марина просто радовалась, что будет иметь дело не с какими-то незнакомцами, пусть даже рекомендованными Андреем, а с ним самим, но постепенно сквозь радостное возбуждение стало пробиваться удивление.

Наконец она не выдержала и спросила:

— А чего ты так озаботился? Сам поехал?

— Понимаешь, Маришка, я думал, что мы тут обычную игру тестим, — задумчиво сказал Андрей. — Ну, экспериментальную, и что? Но, похоже, тут всё серьёзнее.

— Это ты в плане зарплаты? — Марину немного мучила мысль, что ей так легко предложили тройную оплату.

Значит, деньги у фирмы есть? А новый кулер поставить второй месяц не могут!

— Это я в плане масштабов, — пояснил Андрей. — Мы тут раскопали, что наша фирма — только часть огромного проекта, который ведётся вот так, по кусочкам, отдельными локациями в разных городах. И никто из нас пока не понял, что будет, если объединить все эти проекты — уж больно они разные. Тут и игры, вроде нашей, и медицина, и квантовая биология...

— Квантовая биология? Это как?

— Это всё имеет отношение к постгуманизму. К желанию учёных засадить наш мозг в ящик...

— В ящик? — удивилась Марина, и какая-то мысль мелькнула было у неё в голове, но тут же пропала.

— Ну, да, — пояснил Андрей. — Человек, понимаешь ли, смертен, геронтология хромает. Ну, будем мы жить до ста двадцати лет в инвалидных колясках, а дальше что? А вот мозг сам по себе не стареет. А если оцифровать его...

— Это невозможно, — тут же парировала Марина. — Парадокс Грегора: часть не может описать целое. Сознание — только часть мозга, мы пока сами себя не понимаем, чтобы оцифровать.

— Но перспективы-то самые большие именно в этой области, — усмехнулся Андрей. — Но есть проблемка.

— Какая? — Марина придержала лошадку, чтобы ехать рядом с Андреем.

— Ну вот прикинь. Оцифровали мы мозг нувориша, миллионера какого-нибудь. Но в этом новом цифровом мире, странном и неизведанном, он ничем не защищён от ошибок. И в два дня может остаться без своего состояния. Момент конкуренции в новом мире как бы запускается заново, условия здесь другие и в новом раскладе миллионеру, несмотря на его состояние, снова надо лезть вверх с самых низов.

— Но у нас же есть магия, — не согласилась Марина. — Его можно просто наделить магическими силами...

— Которые у него, как и деньги, отнимет какой-нибудь ловкач? Нужна страховка внутри самой этой оцифрованной личности. Некие базовые качества, которые любому дадут выигрыш в новом мире.

— И?

— И вот никто пока не понимает, какой эта страховка должна быть. Возможно, потому у нашей игры есть много блоков-клонов, где развивают другое мироустройство. Тут как бы не мы тестируем игру, а она нас.

— То есть в игре испытывают людей? — Марина от возмущения даже подскочила. Хорошо, что лошадка и вправду была очень смирная и не сбросила неумелую всадницу.

— Ну да, проверяют, как нами управлять, как мы принимаем решения. Манипулируют, устраивают бунты и восстания. Ты же участвовала в восстании против барона Бумбера? Твой условный «отец» как раз взял власть. А кто-то теперь изучает всё это. И учится управлять нами.

— Блин... — только и сказала Марина.

К тому же её лошадь некстати споткнулась, и она чуть не вылетела из седла.

— Вот потому я и еду с тобой, — пояснил Андрей. — Хочу глянуть на испытателя, который не повинуется начальству.

— Думаешь, он взбунтовался, а они не могут им манипулировать? — мысль обожгла её. Ею-то сегодня манипулировали легко — тройная оплата — и хоть в пекло.

Но она же человек! Ей же надо жить, ипотеку выплачивать! Это же не манипуляция, а просто оплата? Или — тоже часть этого долбанного эксперимента?

Марина покосилась на Андрея, улыбающегося светло и открыто. Умный он был парень. И хороший, надёжный. Она бы с таким, наверное...

Да нет, нечего себя обманывать. Андрей плотно женат, у него близнецы-первоклассники, девочка и мальчик, жена-красотка... Это только ей достаются инфантилы и кошачьи воры...

Марина вздохнула и ткнула лошадь в бока пятками, чтобы та ускорила шаг.

За интересным разговором тягот дороги Марина почти не заметила.

Решили, что по возвращении в город, Андрей попробует перекупить раба, но не лично, а через другого человека.

— Найдём посредника, — пояснил Марине Андрей. — Легенду ему придумаем, зачем бы ему вдруг срочно понадобился именно этот раб. Он же вроде как беглый? Может, нянькой был при ребенке, или жена по наложнику скучает? Ну или вообще — это его раб! Узнал, не хочет суда, и предлагает по-тихому перекрыть расходы за покупку. Есть у меня в городе приятель, человек разнообразных талантов, — вот к нему и обратимся. Если не выйдет с покупкой, а придётся похищать, на возможного покупателя первое подозрение падёт, а этот не выдаст, скажет, что использовали вслепую, и настоящего покупателя он не знает. И хозяином не является, мол, дали маленькую толику денег и всё.

В городе Марина с Андреем разъехались: знакомить девушку со своим человеком Андрей не захотел.

Марина отправилась во дворец папаши, барона Эскобара, бросила поводья, подбежавшему слуге и поднялась в свои покои.

Ждать предстояло не меньше часа: пока Андрей поговорит с посредником, пока тот доедет до Аделаиды, пока будет уговаривать.

Потом — с рабом или без — Андрей вернётся к ней во дворец. Проголодается, наверное. Нужно бы заказать ужин с устрицами и красной икрой. А то он в своей общине, поди, одним подножным кормом питается, вон какой худой стал.

Заказав роскошный ужин, чтобы поразить Андрея, Марина решила, что успеет выйти в

реал и поискать Рыжика.

Домой его отвезти, конечно, уже не получится, но можно будет запереть в каморке вахтёра, а потом сбегать в зоомагазин через дорогу и купить мохнатому негодюю еды и миску для водички.

Ах, нет. Поздно уже, наверное. Зоомагазин, кажется до семи. Придётся бежать в «Пятёрочку». Она до одиннадцати.

Марина сохранилась и сделала привычный жест, рассчитывая выйти из игры, но ничего не произошло. Она по-прежнему стояла у окна своей комнаты, где была точка входа-выхода.

— Блин, опять всё у них зависло! — выругалась она. — Ну ладно, попробуем иначе. — Марина мысленно вызвала интерфейс. — Вот и кнопка выхода.... Упс!

И опять ничего не произошло.

Марина не могла выйти из игровой реальности!

* * *

Мидора и Лярис, хихикая, настроение у них после секса было прекрасное, повели меня в другое крыло здания. Пояснили, что там сидит маг, и он снимет с меня старый ошейник и наденет новый, с гербом хозяйки.

В этой части дома были склады, «технические» помещения, квартировала прислуга.

На одной из дверей, мимо которых меня вели, было написано: «Старшая служанка, после 19:00 не стучать — убьёт конюх!»

На соседней: «Тряпки и вёдра! Разные, я сказала! Маленькие — тоже!»

Я начал улыбаться. Хорошо, всё-таки, что в этом мире понимают юмор. Может, и я тут не пропаду? Те, кто умеет над собой посмеяться, в массе люди всё же хорошие.

Наконец мы дошли до двери без надписи, но показательно выкрашенной в чёрный цвет.

Лярис несмело постучала.

— Пинай сильнее! — раздался из-за дверей сочный мужской голос. — Пять минут уже вас жду!

Я толкнул дверь, видя, что девушки робеют, и первым ввалился в обиталище мага.

Помещение показалось мне нежилым, видно маг только принимал здесь своих «пациентов». Из мебели в наличии имелся дубовый стол, пара кресел, довольно хорошо сделанных, учитывая здешнее «средневековье».

В одном из кресел развалился сам маг, похожий на хорошо откормленную свинью — маленький, жирненький, с розовыми ушами и заплывшими глазами. Он был в безразмерном чёрном балахоне, лысый и вкусно кушающий свининку.

В одной руке маг держал здоровенный кусок окорока, другой листал амбарную книгу, хмыкая и ругаясь сквозь зубы:

— Ну, жадоба, в ноги её мать! Ну тля с крыльшками!

Увидев меня он положил окорок на стол, вытер жирную руку об балахон и вытаращил глаза.

— Вы чего, господин маг? — робко спросила Лярис.

Крепкая накачанная охранница рядом с магом как-то вся стушеввалась и даже стала, кажется, меньше ростом.

— Это вы мне кого привели?! — рывкнул маг, грозно раздувая ноздри.

— Н-нового раба, — пояснила Лярис.

Мидора вообще затаилась в моём тылу и не отвечивала.

— Нехорошо! — продолжал буйствовать маг. — Зло привели!

— По-почему? — пробормотала Лярис. — Нормальный он. Нам бы просто ошейник снять...

— Вот ошейник на ём и порченный, — нахмурился маг. — Нехороший это ошейник. А ну-ка, иди-ка?

Маг поманил меня, и мои ноги сами подвели меня к нему.

То есть я не хотел идти, а ноги шли вопреки моему желанию!

Маг вытащил из-под стола маленькую скамеечку, взгромоздился на неё, чтобы достать до моей шеи, и стал разглядывать ошейник.

Потом он вдруг засопел, потом начал чесаться, словно его блохи кусали.

— Мудрёная штука, — сказал он наконец. — Крепкая... но мы попробуем вот так!

Он щёлкнул толстыми пальцами, ошейник слетел с меня и... Маг надел его, уменьшившийся многократно, на маленькую крысу, выскочившую из-под стола.

Ещё один взмах руки, и я снова ощутил тяжесть на шее. Схватился, ощупывая... Блин! Это была крепкая кожа с клёпками. Опять закомутали, демоны!

— Благодарствуем, господин маг, — пролепетала Лярис.

— На какой ляд мне ваша благодарность? В счёт допишите десять монет. И чтобы в книге тоже фиксировали! А то потом ваша дурацкая бухгалтерия с моей не сходится!

— Как десять? — обалдела моя охранница. — Да он сам столько не стоит!

— Тогда я ошейничек его в счёт оплаты у вас забираю! Так сразу и пиши — плюс десять — минус десять. Артефакт дорогой, редкий.

— А... — попробовала возразить Лярис, понимая, что маг всех надул и кинул на деньги.

— Рот закрой? — Толстяк взял свой окорок. — И брысь! А то превращу тебя в...

Окончания фразы я не услышал. Мидора дёрнула меня за рубаху и вытащила в коридор.

Я понимал её раздражение. Десять монет — бешеные деньги, раз даже на рынке за меня столько не дали. Я же не Аполлон Бельведерский какой-нибудь.

А вот ошейник мой, оказывается, стоил целых десять серебряных монет, а может, и больше. Уж больно хитрая была рожа у этого мага.

Глава 11. В западне

Анжела наконец-то нашла своё женское счастье.

Оно закатилось за диван и разрядилось.

Сначала Марина не почувствовала ничего, кроме раздражения. До сих пор у неё с выходом из игры никаких проблем не было, но всё когда-то случается в первый раз. Очередной глюк системы, наверное. Жаль только, что так не вовремя.

Она посмотрела в окно, нервно постукивая пальцами по подоконнику, сделала несколько кругов по комнате, затем упала в кресло и начала мурлыкать себе под нос выходную арию мистера Икса.

Цветы роняют
Лепестки на песок,
Никто не знает,
Как мой путь одинок...

Это отняло примерно пять минут.

Ещё пять — и хватит. Нужно успокоиться, а потом попробовать выйти ещё раз. К этому времени баг должны устранить. Наверное.

Однако прошло ещё десять минут, а выйти из игры по-прежнему не получалось. Марина попробовала связаться с админами — но никто не ответил.

Сначала на неё накатила волна холодного липкого ужаса. Но, поборов приступ паники, Марина сообразила: рабочая неделя закончена, все сотрудники разошлись.

Вполне может быть, что и тестеры, работающие в штатном режиме, тоже давно уже дома.

Конечно, должен остаться дежурный из техподдержки, но он может читать книжку, смотреть кино, дремать или, что ещё хуже, азартно резаться в какой-нибудь шутер. Особенно, если в игре сейчас только те сотрудники, что по трёхсуточному контракту.

Конечно, так делать не положено, и Павел с Петром так косячить не разрешают. Но она сама видела, как Олег, один из админов, во время дежурства клюёт носом перед телевизором в комнате отдыха.

Когда страх прошёл, Марина вспомнила про технический чат, создала гневную запись и стала ждать ответа, медленно наливаясь злостью.

Интерфейс не давал определить, прочёл кто-то сообщение или нет, но ответа и тут не было.

— Твою ж налево! Разгильдяи! — воскликнула она, прождав пятнадцать минут.

Марина вскочила из кресла и обвела комнату взглядом. Хотелось что-то разбить, швырнуть в стену так, чтобы осколки брызнули во все стороны, но на глаза ничего подходящего не попало.

Массивная напольная ваза явно не подходила. Как же, поднимешь её...

Марина всё же пнула тяжеленную вазу, ушибла палец на ноге и зашипела от боли. Ваза покачалась немного, но осталась стоять.

И Андрея всё не было. Как долго! Ну что он телится? Человека своего не может найти?

Раба не продают?

Марина вернулась в кресло и стала размышлять, куда же она вляпалась. А что если Пётр заблокировал ей возможность выхода из игры? Чтобы она не передумала и не слиняла домой. Ведь трое игровых суток — это целый потраченный выходной, затёкшие руки и ноги и ноющая спина.

Она выберется из игры только завтрашней ночью (это хорошо, учитывая выданные пассией Виталия волосы). И тихонько поедет домой.

Зато в понедельник — зарплата...

Это сколько же у неё набежало переработок за этот месяц? Во вторник она подменяла Диму. Это ещё один день премиальных, только в двойном размере...

Наконец служанка постучала и сообщила:

— К вам господин Андрей, госпожа. Он не пожелал сообщить свой титул.

— Веди его в малую гостиную! — нетерпеливо бросила Марина. — Сейчас спущусь.

Она так торопилась, что оказалась в гостиной раньше гостя. И по озабоченной физиономии Андрея, возникшего в дверях, сразу поняла, что что-то пошло не так.

— Ну? — спросила Марина, уже понимая: и тут всё плохо. — Не вышло ничего?

— Нет. — Андрей прошёл и сел в кресло у окна, наблюдая, как слуги быстро накрывают стол к ужину.

— А что случилось? — спросила Марина, устраиваясь рядом с Андреем и подбирая пышную юбку. Запылённую правда — она так нервничала, что забыла переодеться. — Аделаида отказалась продать нам раба?

— С Аделаидой пока никто не беседовал, — пояснил Андрей, разглядывая маринино декольте. — Я не смог найти своего человека, хотя проверил оба адреса, где он обычно бывает. Видимо, он надолго из игры вышел, никаких контактов не осталось. Решил обратиться к другому парню, но и его не нашёл. Возможно, из-за выходных сейчас многие повыходили из игры. — Он развёл руками.

— Ну не ждуть же понедельника! — Марине хотелось уже бежать самой и делать хоть что-то. — Может, ты сам поговоришь с Аделаидой?

Андрей неожиданно смутился:

— Нет, я не могу. Мы недавно поцапались. Мне она не то что раба — снега зимой не продаст.

Вот те раз! Марина вскинула бровь и посмотрела на собеседника непонимающим, как она понадеялась, взглядом.

Не помогло: Андрей ничего объяснять не собирался. Наоборот, лицо его стало совершенно непроницаемым, так что Марина даже усомнилась, действительно ли было секундное смущение или ей показалось.

— Мы не можем ждать, — сказала она. — У меня всего три игровых дня на всё про всё. Значит, с Аделаидой придётся разговаривать мне.

— Значит, тебе, — согласился Андрей. — У тебя репутация холодной и неприступной особы, поэтому, может, и так сойдёт. Главное, не дай ей заподозрить интимный интерес. Решит, что раб хорош в постели, а она до этого дела охочая...

В его глазах опять промелькнуло напряжение.

«Так вот что у них за конфликт! — осенило Марину. — Андрей — мужик симпатичный, видно, она на него глаз положила, а он отказался. У него же жена и дети».

А вслух она сказала:

— Какой уж там интимный интерес. Просто это мой раб, его у меня спёрли. И пусть докажет, что это не так. Сейчас вызову карету.

— Можем поехать в моей, — с готовностью предложил Андрей. — Ты говорила — Пётр его по ошейнику отслеживает? Вот и скажи, что ошейник на нём особенный, фамильный. Если не верит — тащи её в суд чести.

Марина кивнула и порывисто встала. Насиделась! Хотелось действовать — и немедленно.

— А ужин? — спросила она из вежливости.

— Потом, — буркнул Андрей.

Видимо, воспоминания об Аделаиде отбили у него аппетит.

Только в карете Марина с досадой поделилась с Андреем своими страхами:

— Хотела, пока тебя нет, ненадолго выйти в реал, но не получилось, что-то загнуло.

И дежурный админ не на связи, видно опять дурака валяет. Бесит!

Вместо ожидаемого проявления сочувствия, Андрей нахмурился:

— А через интерфейс пробовала?

— Ты что, совсем за дуру меня держишь? — не выдержала Марина. — Конечно, пробовала. И в чат написала.

Парень сосредоточенно глядел в сторону, видно копался в собственном интерфейсе, потому ответил с запозданием:

— Не заводись. Я выходил недавно. Ну, на пару минут — жене позвонил, что останусь на работе на выходные. И сейчас кнопка выхода у меня тоже активна, я проверил.

— У меня выглядит активной, но не работает! — выдохнула Марина. — Пишет, что действие недоступно. Но может быть это потому, что я Петру пообещала отработать три игровых дня? Может, он меня отключил со своего пульта?

— Ну, может, — согласился Андрей, но озабоченность из его взгляда не пропала. — Но если так — это уже произвол какой-то. Мы что ему тут, рабы?

Карета остановилась. Андрей отодвинул занавеску и констатировал:

— Приехали. А мы так и не обсудили тактику разговора.

— Так говорили уже, — фыркнула Марина. — Раб мой. Ошейник фамильный. Справлюсь.

— Давай, удачи... — напутствовал её Андрей. — Жду с победой.

Марина улыбнулась ему, и кивнула, хотя особо на удачу не рассчитывала.

Любвеобильная эффектная блондинка Аделаида Бейнвольская имела противный склочный характер, так просто она со своей добычей не расстанется.

Хотя... А что если пригрозить судом? Кража раба репутацию испортит крепко, тут даже титул не спасёт.

Господа у господ рабов не воруют. Вот поместья лишить, на бабки кинуть — это поступок благородный, особенно, если украсть так, чтобы в суде не подкопались.

Высокородных судил особенный суд чести, продажный и лживый, но жадный до конфуза. А украсть какого-то безродного парня? Фу...

Баронесса Аделаида Бейнвольская приняла дочку барона Эскобара с большим радушием. Она как раз пила чай и сразу пригласила гостью к столу.

Марина приглашение приняла, сочтя, что общая трапеза способствует нахождению

взаимопонимания.

В центре стола стояло блюдо со свежими фруктами и ягодами. Чай с добавками засахаренных фруктов и травок был удивительно вкусным, щербет таял во рту, вафли призывно золотились, а на взбитом белке, пышно укрывающем пирог, блестели капли сиропа.

Так и хотелось попробовать всё!

После нескольких минут поедания сладостей и милого светского щебетания наступила пауза, и Аделаида вопросительно поглядела на гостью. Пора было объявить о цели визита.

— Ваш приём любезен сверх меры, а блюда достойны всяческих восторгов, — сказала Марина. — Мне стыдно сознаться, но мой визит не только носит деловой характер, но это ещё и дело самого низкого толка.

— Вы меня удивляете, — надула губки Аделаида. — И чем же я могу вам помочь в этом гм... низком деле?

— Видите ли, у моего отца украли раба, — выпалила Марина и увидела, как глаза у Аделаиды стали цепкими и серьёзными.

Секунду назад казалось, что блондинка дура-дурой, и вдруг...

— Раб был молод и силён, — продолжала Марина, осторожно прихлёбывая горячий чай. Вот говорил же Андрей, что надо было заранее продумать каждую фразу! — Нетрудно догадаться, что отец ужасно огорчился. По счастливой случайности ему стало известно, что воры выставили нашего раба на рынок, где он был куплен вами. Отец хочет вернуть свою собственность и, разумеется, готов возместить вам моральный и материальный ущерб. История, конечно, некрасивая, и, чтобы не поднимать шум, он попросил меня выступить посредницей. Женщина с женщиной всегда договорятся, не так ли?

Она попробовала заглянуть Аделаиде в глаза, но та быстро их отвела. Недовольство на её лице мешалось со страхом, что Марина и в самом деле устроит шум из-за этой истории.

— Это очень разумно и тактично с его стороны, сразу обратиться ко мне, — кивнула Аделаида. — У вас, разумеется, есть доказательство ваших прав на этого раба?

С доказательствами было плохо, то есть их не было совсем. Только версия про ошейник.

— Разумеется есть, — нахально подтвердила Марина, мысленно обругав Петра.

Мог бы хоть что-то подкинуть, что помогло бы отбить у Аделаиды кошачьего вора.

Оставалось надеяться, что Аделаида испугается суда и громкого имени барона Эскобара. Не захочет портить отношения с одной из сильнейших семей города.

— Раб неклеймёный, — сказала Марина, подпустив извинений в голос. — Но можно проверить его ошейник. Это — фамильная ценность, редкий гм... магический артефакт! Есть свидетели, что ошейник принадлежит нам. Ну и, конечно, хоть мы пока и не поднимали шума, найдутся люди, которые могут чистосердечно подтвердить: раб принадлежит отцу. А также есть свидетели вашей покупки... Собственно, от них отец и узнал, к кому обращаться.

Аделаида задумалась.

Понятно, что подставных свидетелей барон Эскобар найдёт в пять минут, и подтвердят они что угодно. А вот ошейник — это уже серьёзно. На рабе действительно был какой-то странный железный ошейник, некрасивый и грубый, как этот самый барон.

Недаром она сомневалась на рынке! Вульгарная девица, у которой она совершила покупку, выглядела не настолько богатой, чтобы иметь собственных рабов, а чурбан рядом с ней был способен оглушить и утащить парочку, а то и тройку таких мужчин, как её новая

игрушка, такая забавная и неопробованная.

Ну вот что за невезение, а?

Аделаида вздохнула. Следовало проверить ошейник, но она и так почти не сомневалась, что гостя говорит правду.

Поколебавшись, баронесса всё же решилась и встала:

— Прошу простить, я вынуждена на несколько минут вас покинуть. Может быть, мальчик развлечёт вас игрой на флейте?

Марина благосклонно кивнула.

Слуги тут же привели мальчишку с флейтой, а Аделаида величественно выплыла из столовой, но, оказавшись в коридоре, подняла юбки и ускорила шаг, направляясь в крыло, где располагался гарем.

У дверей на глаза ей попала Лярис. Очень удачно!

— Эй! — баронесса сделала подзывающий жест, и когда девушка подошла, спросила: — Ошейник новому рабу уже поменяли?

Если поменяли, можно приказать уничтожить старый, а потом привести этого новичка к госте, пусть сама убедится, что...

— Да, госпожа, — почтительно кивнула Лярис.

— Я хочу посмотреть на старый!

— Ой... А зачем он вам? — растерялась охранница. — Это надо спрашивать у мага. Он взял его в счёт оплаты услуг и надел на крысу. Говорит, сильная магия на нём.

— Крысу! — Аделаида отшатнулась, словно Лярис могла вынуть крысу из кармана и предъявить её своей госпоже немедленно. — Какую крысу?

— Ма-маленькую такую, — растерялась Лярис. — Наверное, это был фокус, и он просто забрал ошейник с собой.

Аделаида поняла, что обман не удастся. Если маг спёр ошейник, он может всплыть в любой момент и свидетельствовать против неё. И тогда на суде её репутацию сравняют с землёй на цветочных грядках.

Неужели придётся отдать раба?

Она нахмурилась и пробормотала растерянно:

— Тут такое дело... У меня в гостях баронесса Эскобар, и она утверждает, что этот раб — краденый. Требует, зараза, вернуть.

— Как это вернуть?! — округлила глаза Лярис. Она даже побледнела от возмущения. — За него же такие деньги плочены!

— Да что деньги! Деньги-то возместят. А вот то, что он даже ни разу не опробованный... — Аделаида укусила губу и махнула охраннице: — Ладно, иди. Может, получится договориться, чтобы не сразу забрала.

Расстроенная баронесса в сердцах махнула рукой и вернулась к госте.

Вот же проклятый ошейник! А если на нём сильная магия, значит — всё обстоит ещё хуже.

Видно, делал ошейник известный в городе маг, а они наперечёт — и все работают на аристократические семьи. Нет, тут связываться — себе дороже.

— Простите, дорогая, что заставила вас столько ждать, — проворковала Аделаида, когда мальчик, увидев хозяйку, опустил флейту. — К сожалению, я не смогла проверить ошейник раба: его уже заменили. Но, разумеется, я не подвергаю ваши слова сомнению. Вы

сможете забрать вашего раба... Например, завтра... После полудня. С утра я как раз позову мага, который менял ошейник, допрошу его. И мы сделаем запись об этом происшествии, она мне нужна для отчёта. А сразу после обеда присылайте своих людей. Ну, или я сама доставлю раба в ваш дом, если вам так будет угодно. Надеюсь, вы поймёте меня как... женщина женщину и простите эту небольшую задержку. Гарем — это дело всей моей жизни, тут нужен строгий порядок в бумагах.

От заискивающей улыбки Аделаиды Марину едва не передёрнуло. Но она понимала, что спорить бесполезно.

Аделаида действовала в рамках принятого здесь этикета: я тебе уступочку, ты мне уступочку. Вот только глаза её лгали так явно...

Ну не хотела она отдавать раба! И явно надеялась придумать что-нибудь за ночь! А Марина даже не могла заявить ей об этом в лицо! Проклятый этикет! Такая же дрянь, как спаривание жабы с гадюкой!

— Вы, конечно, напишете расписку, что обязуетесь вернуть раба завтра, здоровым и невредимым? — спросила она.

— Расписку? — брови Аделаиды удивлённо взметнулись вверх, но глаза радостно заблестели. — Ну, конечно, можно и расписку.

Она позвонила слуге, потребовала письменные принадлежности и быстро написала несколько строк.

Марина перечитала, спрятала записку за лиф платья и поднялась из кресла.

— Я была счастлива встретиться с вами, леди Бейнвольская. Ваш чай выше всяких похвал! А флейта!.. Просто белиссимо!

Сев в карету, Марина хмуро сказала Андрею:

— Не собирается она его отдавать. Сказала, что завтра после полудня — но я ей не верю. Глазки у неё так и блестят от жадности! Сейчас увезёт парня в свой загородный дом, а мне скажет — сбежал. Надо выкрасть его сегодня ночью. Ты мне поможешь?

Глава 12. Побег

Знаете ли вы, что если золотую рыбку положить на сковородку,

то количество желаний увеличивается до пятидесяти?

Лярис в панике ворвалась в комнату подруги:

— Дора, Дора! Что я узнала! Зергиуса отдают!

— Как отдают? — оторопела Мидора. — Зачем? Кому?

— Нашлась его прежняя хозяйка. Он же раб!

— И что теперь делать? — Мидора даже представить себе не могла, как можно отдать этого прекрасного милого Зергиуса?

На глаза у неё навернулись слёзы. Да она раньше так ни с кем! Никогда!

Руки Мидоры потянулись к любимым клинкам, но тут же безвольно опустились. В бытовых делах она часто терялась. Вот если бы сейчас можно было просто кого-нибудь прирезать, а потом отрубить ему уши и!..

Лярис оказалась хитрее.

— А ну, вытри слёзки! — рявкнула она на подругу. — Мы убежим. Возьмём Зергиуса и пойдём вместе в лес! Будем жить в шалаше, ловить рыбу и учить его боевым искусствам!

Мидора вытерла слёзы и полезла в шкаф, выбирать оружие, которое надо будет обязательно прихватить с собой.

Нести тяжело, потому брать придётся только самое любимое: катану, арбалет и боевой молот. Ну и ещё сёрикены. И хотя бы один крис. Или оба?

Лярис несколько секунд стояла, глядя на неё с умилением. Затем, не доверяя практичности подруги, подсказала:

— Одежду собери. И мою тоже. Я — на кухню. Надо взять еды на первое время. Думаю нам придётся трудно.

— Неужели нет другого выхода? — расстроилась Мидора, роняя походную сумку, только что извлечённую из того же шкафа. — А наша работа? Кого же мы будем там охранять? Может быть, что-то можно придумать, не убегая?

— Нельзя! — отрезала Лярис. — Надо спешить, Дора. В любой момент хозяйке потребует Зергиуса к себе, а там уже, может, и не отпустит, пока за ним не приедут.

— А вдруг мы поторопимся и забудем что-нибудь важное? — тут же всполошилась Мидора, размахивая от волнения боевым молотом.

— Не забудем. Поторопись.

Лярис привычно поднырнула под летящий на неё молот и умчалась на кухню.

Ей казалось, что на кухне сейчас никого не должно быть: госпожа уже попила чай, а до ужина далеко.

Но расчёт не оправдался. Повар, стоял у дальнего стола, мурлыкая себе под нос какую-то неузнаваемо-фальшивую мелодию, и мариновал мясо. Как раз возле двери в ледник, где хранились продукты.

Лярис была не очень хорошей актрисой, и ей пришлось поднапрячься. Улыбаясь самой милой улыбкой, на которую была способна, охранница подошла к повару, виляя бёдрами, и проворковала:

— Привет, тудяга! Мы с подругой хотим устроить маленький праздник... Ты ведь выдашь нам немного продуктов?

— Продуктов? — глазки повара масляно заблестели. — Это можно... Погоди, сейчас закончу с мясом...

Как же неторопливо он двигался! Лярис всем существом чувствовала, как утекают драгоценные секунды.

— Мне нужен хлеб, мясо, лучше копчёное, сыр, что-нибудь из овощей, — нетерпеливо подсказала она.

Повар положил на мясо деревянный круг, сверху водрузил булыжник и вытер руки полотенцем.

— Ну вот и всё! — объявил он. — А на стол, разумеется, соберём. С удовольствием составлю вам компанию. Сладостей ещё возьму, вина бутылку прихвачу.

— Э-э-э... — проблеяла Лярис, не находя, что возразить находчивому нахалу. — Хорошо.

А сама подумала: “Этого только не хватало!”

Как только повар довольно кивнул и скрылся за дверью ледника, охранница торопливо огляделась, схватила топорик для разделки и отбивания мяса и шагнула следом.

Когда Лярис вернулась с продуктами, Мидоры в комнате не было.

На кровати лежало её оружие и две аккуратные котомки с вещами. Лярис сгрузила рядом большой узел с едой, потом добавила в общую кучу любимые метательные ножи, алебарду, меч и кинжал.

Окинула тоскливым взглядом свой арсенал. Жаль, что всё не унести!

Где же подруга? Наверное, пошла за Зергиусом?

Но тут в дверь проскользнула Мидора. Одна.

— Дора! Где ты была? — всполошилась Лярис.

— Вот! — подруга торжествующе потрясла маленьким свёртком. — Краска для губ, чёрные палочки для глаз, румяна, пудра, душистая вода — в уборной хозяйки взяла.

— С ума сошла! А если бы попалась? Зачем нам всё это?

— Ну мы же хотим быть для Зергиуса самыми красивыми? — удивилась Мидора.

Лярис на миг замерла, обдумывая неожиданные слова подруги, а потом кивнула:

— Да, ты права. А мне-то и в голову не пришло! Вот я дура! Бери мазюкалки! И пора забирать Зергиуса. Нам надо непременно успеть убежать до ужина. Поспешим!

Подруги сгребли вещи и потащили их на мужскую половину.

Как удачно, что новый раб ещё в карантине, в отдельной комнате. Тем более, что рядом кладовка, где можно разжиться сменой одежды и для него.

* * *

Переполненный новыми впечатлениями, я долго лежал в полупустой комнате на деревянной кровати, раздумывая о странных событиях, произошедших со мной.

Это надо же — попал в настоящий гарем!

А может, не торопиться с побегом? Хозяйка — тоже не такая уж страшная. А будет привередничать — Рыжик поможет, проконсультирует.

Буду жить в гареме с тремя девицами, одна другой симпатичнее...

Это же вроде как три жены? Одна кормит, вторая стирает, третья дежурит по сексу. И никакой сборки мебели с десяти до шестнадцати.

А что? Хобби себе придумаю. Буду... А что я умею? Может, и здесь можно собирать мебель? Какую-нибудь элитную, на заказ?

Размечтавшись, я и сам не заметил, как задремал.

Приснился мне варан Яша, взирающий на меня холодными рыбьими глазами. А потом вдруг возник Рыжик, рвущийся из-за пазухи и царапающий когтями бицепс... Больно, блин.

Я наполовину проснулся и ощутил цепкую когтистую хватку: меня и в самом деле трясли за плечо.

Открыл глаза и понял: хана.

Охранницы, склонившиеся над моей койкой, были увешаны оружием, а Лярис держала ещё и здоровенную алебарду Лица их были суровы и сосредоточены: никаких улыбок, ни следа былой приветливости.

Я ругнулся сквозь зубы и вскинул руки, защищая голову. Не рискнул даже спросить, что случилось. Надо же, как быстро вырабатываются рабские привычки!

— Вставай! — потрясла меня за плечо Мидора. — Идём, Зергиус! Быстрее!

На пальцах у неё были острые железные накладки, вроде когтей, на поясе болталась катана, а в правой руке был зажат боевой молот.

— Куда? — спросил я в ужасе. — Опять к палачу?

Мидора тихонько охнула, выпустила мою руку и выронила молот, чуть не попав себе по ноге.

— Это что же ты натворил, что тебя к палачу таскали? — воскликнула она с ужасом.

Только тут я окончательно проснулся.

Надо же было ляпнуть лишнее! Теперь начнут расспрашивать. А с такими когтями я быстро начну рассказывать и про палача, и про другой мир с котом и ящерицей...

Буркнул:

— Ничего я не натворил! Я раньше совсем в другом месте жил, там всё не такое. Я не помню, как здесь оказался. Где мы вообще, а?

Но я напрасно надеялся хоть на какие-то объяснения.

Мидора помотала головой и подняла молот, а Лярис взглянула на меня, как на слабоумного:

— В городе, где же ещё! Потом поговорим, Зергиус! Вставай, надо немедленно бежать.

Сообразив, что Мидора всё ещё угрожающе нависает надо мной со своими железяками, Лярис оттащила подругу.

Я осторожно сел, спустил ноги с кровати и спросил:

— Куда надо бежать и зачем?

— Нашлись твои прежние хозяева и хотят забрать тебя, — объяснила Лярис.

— Прежние хозяева? — переспросил я удивлённо.

Выходит, я не просто перенёсся в этот мир неведомым образом, но и раньше жил здесь?

Я на всякий случай потряс головой, может, всё ещё сплю? Но вокруг ничего не изменилось.

— А кто они, мои прежние хозяева?

— Барон Эскобар и его дочь.

Слово “эскобар” вызвало у меня в голове неуместные ассоциации, и я прыснул в кулак.

А потом меня осенило:

— Это рыжая такая? — Я вспомнил карету и девушку, похожую на хозяйку кота.

Стало не смешно. Мистика какая-то...

Почему в этом странном мире я вдруг стал рабом рыжей дуры? Бред какой-то. Всё чудесатее и чудесатее.

А может, я просто свихнулся? Выпил несвежего кофейку и лежу сейчас в коме, в больнице? Или вообще в психушке?

И не было никакого кота, никакой рыжей девушки... И этих двух девушек тоже нет, один обман.

Вот только что будет, если охранницы меня зарежут во сне? А вдруг я и в реале тоже умру?

Зачем они уговаривают меня бежать?

Беглый раб — существо со всех сторон незащищённое. Куда я пойду, в город? Это чтобы опять получить по башке и угодить на рынок?

— Никуда не побегу! — заявил я твёрдо. Ну, то есть, постарался, чтобы голос не задрожал. Попробуй тут права покачай, когда одна охранница с алебардой, другая с молотом. — Сначала разобраться надо, что здесь к чему. Сейчас я худо-бедно в безопасности, а беглому рабу любой человек — враг. Что хоть за люди эти прежние хозяева?

Подруги с отчаянием переглянулись.

— Ты не понимаешь! — воскликнула Лярис. — Это же Эскобары! Об их бессердечии ходят легенды. За тобой приезжала сама Мурена Эскобар, дочка барона. Наша госпожа добилась небольшой отсрочки, но завтра тебя отдадут. Нам надо бежать прямо сейчас. Мы с Дорой всё же охранницы и сумеем тебя защитить, если понадобится.

Надо же, имя у этой рыжей какое — Мурена... Ещё смеялась, гадина...

— Погоди-погоди, — я решил уточнить, чтобы окончательно увериться. — Говоришь, за мной приезжала сама дочка Эскобара?

Лярис кивнула.

И тут меня осенило.

Там, на улице, рыжая спрашивала, чей я! Она меня не узнала! Значит, я никак не мог быть её рабом!

— Врёт ваша Эскобариха! — заявил я охранницам, переминающимся с ноги на ногу от нетерпения. — Не знаю зачем, но врёт! Я не их раб!

— Вот! — нетерпеливо сказала Мидора. — Но тебя обязательно отдадут! Сам видишь, надо скорее уносить ноги!

— Надо, — я встал. — Куда побежим? И ошейник снять бы уже, а? — Я подцепил пальцами толстую кожу. — Его же можно просто разрезать?

— Нет, — покачала головой Лярис. — Ошейник магический. Мы с ним потом разберёмся. Пошли!

— А куда?

— Для начала в соседнюю комнату, там кладовая. Подберём тебе одежду попрличнее, чтобы в глаза никому не бросался. Хорошо если с высоким воротом, чтобы ошейник закрывал. Да шевелись же!

Кладовая оказалась больше похожей на склад. Вдоль стен тянулись ряды стеллажей со стопками чистой, но уже не новой одежды.

Я бы тут и за сутки не разобрался, но Лярис уверенно прошла к полке у правой стены, немного порылась там и швырнула мне белую рубаху и уныло-коричневую униформу — куртку и штаны.

Я бодро натянул штаны. Чуть коротковаты, но в целом сидят нормально. Рубаха оказалась с вышивкой по манжетам и вороту-стойке. И она почти скрыла ошейник.

— А дальше куда пойдём? — нетерпеливо спросил я, путаясь в узких рукавах куртки.

— В лес, конечно! В Озёрах людям делать нечего, русалки нас не любят. В деревне все на виду, нас там сразу найдут. В посёлке сектантов тоже нечего делать, да и не примут они нас. Для начала сделаем шалаш прямо в лесу, а там видно будет.

Куртка оказалась мала: тянула на спине и не застёгивалась на груди. Я попробовал было её снять, но рукава плотно обхватывали руки, стесняя движения, и самостоятельно выпутаться не получалось.

Лярис хихикнула. Мидора подошла и одним рывком сдёрнула с меня цепкую одежду, а затем скомандовала подруге:

— Найди что-нибудь пошире!

— А ваша родня не сможет помочь? — предположил я. — Что если укрыться у какой-нибудь тёти? Бабушки?

— Какая родня? — удивилась Лярис. И застыла, словно внутри у неё что-то замкнуло.

— Ну ты же была когда-то маленькой девочкой? — удивился я. — У тебя были родственники. Или ты их всех порубила в капусту, и теперь сиротинушка?

— Я всегда была охранницей, — тускло отозвалась Лярис, отвернулась от меня и снова склонилась над стеллажом.

— Нет у нас семей, — буркнула Мидора, глядя, как Лярис роется в тряпках. — Мы всю жизнь охранницы. Раньше в Охранной школе учились.

На миг мне стало неловко, но я подумал, что работа охранников, как ни крути, дело опасное и, быть может, правильно, что набирают для неё людей бессемейных, возможно сироток или отказников.

Я, видно, обидел девчонок. Задел за живое.

Беда-то какая — родных у них нет, семей тоже. Никого и ничего, кроме работы в доме взбалмошной баронессы.

Но почему же они с такой лёгкостью готовы бросить её, чтобы помочь бежать случайному рабу, с которым покувыркались в ванне?

Они что, первый раз в жизни удовольствие получили от секса? Крышу сорвало? Ну, Рыжик, ну гигант мысли и отец русской эротической школы.

— А если сбежать в другой город? — предложил я, решив, что странности девушек мне сейчас на руку.

И уж секс-то я им обеспечу, не вопрос, раз им так зачесалось. Мне они обе тоже очень понравились.

— Так ведь нет никаких других городов, — удивилась Мидора.

Я выронил башмак, который сунула мне Лярис.

— Как нет? Да не может такого быть!

— Ну, шевелись же! — прикрикнула Лярис. — В лес побежим. Лес — он большой. А город только один, что тут непонятного?

Вопреки подозрениям Марины, Аделаида Бейнвольская во время разговора с ней не замышляла никаких коварных планов. Ссориться с семьёй влиятельных Эскобаров — себе дороже.

Конечно, расставаться с новым рабом ей ужасно не хотелось.

Аделаида и сама не могла себе объяснить, чем её так зацепил молодой парень, с которым она даже переспать не успела. Вроде бы и внешность обычная — брюнет, глазёнки наивные...

Но почему-то именно с ним ей сейчас хотелось поскорей оказаться в спальне.

Баронесса представляла, как новый раб испугается хозяйку, как будет прижиматься к ней, целовать ноги, умолять о пощаде.

Его нужно будет сначала слегка приручить с помощью плётки, а потом погладить и потискать бедняжку.

Ну и всё остальное, разумеется. Обидно, что такую притягательную игрушку оставили ей всего лишь до завтра!

Сначала Аделаида решила, что прикажет привести нового раба в спальню сразу после ужина, чтобы не прерываться потом на еду. Но спустя время сообразила, что стоит сначала порасспросить парня.

Как он попал к Эскобарам, и как его украли? Может быть, найдётся зацепка, позволяющая если не оставить его себе насовсем, то хотя бы потянуть время?

Поговорить было нужно немедленно!

Аделаиду вдруг охватило такое горячее нетерпение, что она не стала звонить горничной, а схватила любимую плётку и сама отправилась к охранницам.

Бездельничают поди, лентяйки? Нет, чтобы самим догадаться и привести хозяйке нового раба!

Помещения личной охраны, в отличие от остальных комнат слуг, находились на том же этаже, что и личные покои Аделаиды.

Однако, к ее удивлению и досаде, в комнате, которую занимали Мидора и Лярис, никого не оказалось. Мало того, там царил невиданный беспорядок: шкафы распахнуты, сундук открыт, на полу тряпки!

«Похоже, охранницы в спешке собирались куда-то, — подумала баронесса, хмуря брови. — Но куда? Она никаких поручений девушкам не давала. Неужели решили развлечься без спросу?»

Аделаида взмахнула в воздухе плёткой — ну сейчас и они у неё получают! Нашли время устраивать бардак!

Но сначала она сама приведёт раба, а потом устроит баню нерадивым охранницам.

Недовольно поджав губы, Аделаида направилась в изолятор, где раб должен был находиться до окончания карантина.

В доме были и другие охранники, но баронесса пошла одна, не желая медлить ни одной лишней секунды. Чего ей бояться? Раб был в магическом ошейнике и не сумел бы даже помыслить о том, чтобы напасть на госпожу.

Каковы же были удивление и ярость Аделаиды, когда она обнаружила, что засов

изолятора не задвинут!

Она распахнула дверь и вскрикнула: комнатуха была пуста!

— Охрана! — взвизгнула Аделаида, но ни Лярис, ни Мидора её не услышали, а дворянники, что стояли у входной двери отсюда было не докричаться.

Тогда баронесса закусил губу, подобрала длинные юбки и широким кавалерийским шагом, свирепо постукивая рукояткой хлыста по растопыренной ладони, направилась в комнату мажордома.

Сейчас она задаст всем бездельникам!

Глава 13. Нападение на гарем

Ломать не кодить. Ломать — крякать!

«Раб, наверное, сбежал, потому что дуры-охранницы глюканули и смотались на пикник!» — размышляла Аделаида, вышагивая по длинному коридору.

Она их уже заставляла за этим программным сбоем! Вот же идиотки!

Но раб-то каков?! Ну нахал! Ведь видела же она, как нагло этот парень вёл себя на рынке! Ещё тогда надо было понять, что хлебнёт она с ним горюшка!

А от Мурены-то как теперь отбояриваться? Ведь она не поверит в побег! Решит, что Аделаида спрятала красавчика, чтобы не отдавать!

Разве способна эта плебейка оценить чистоту и твёрдость аристократического обещания? (О мутном происхождении дочки барона ходили пикантные слухи. Одни говорили, что барон прижил дочку с ключницей, другие — что с заезжей циркачкой.)

Нет, теперь неприятностей с Эскобарами не избежать. Чтобы хоть как-то минимизировать грядущий скандал, надо срочно поставить их в известность о побеге. Придётся послать кого-то с письмом...

Когда Аделаида, сердито размахивая плёткой, проходила мимо кладовой, ей показалось, что она слышит звонкий голосок Лярис.

Баронесса не колеблясь, шагнула к двери и прижалась к ней ухом.

— Зергиус, я не понимаю, что ты имеешь против шалаша? — это был голос Мидоры.

— Да всё! — возмутился хитрый раб. — В шалаше можно переночевать, а вот жить там мне не хотелось бы. Там комары, мухи, муравьи! Ну есть же за городом какие-нибудь дачи, которые сейчас пустуют?

— Наверное, есть, — неуверенно отозвалась Мидора. — Но мы знаем только про загородный дом госпожи.

— А почему бы нам не укрыться там? — спросил раб.

— Замечательно! — подхватила Лярис. — Ей и в голову не придёт искать нас в своём собственном доме!

Ошеломлённая Аделаида отшатнулась от двери. Она не могла поверить в происходящее. Что раб может сбежать — это вполне ожидаемо, но что охранницы готовят ему побег?

Этого просто не может быть. Это же неписи! В них заложена программа абсолютной функциональности и повиновения!

Ну они сейчас у неё получают!

Аделаида рванула на себя дверь.

На неё уставились три пары испуганных глаз. Лярис взвизгнула и уронила на пол баул с вещами и алебарду. Мидора сделала шаг навстречу хозяйке, размахивая молотом, но ступевалась и попятилась, заслоняя собой подругу и раба. Руки у неё затряслись, и молот грохнулся на пол, едва не отдавив ей ногу.

Аделаида обвела глазами кладовую, отметив и высокий ворот рубахи раба, скрывающий ошейник, и слишком много узлов с вещами.

Она просверлила глазами понурую Лярис:

— Значит, говоришь, замечательно? Значит, мне и в голову не придёт, искать вас в

собственном загородном поместье? — тихо и зловеще прошипела она, похлопывая по ладони плёткой, и вдруг сорвалась на визг: — Стервы! Вот вам! Вот!

Баронесса начала лупить неписей плёткой.

Проклятые девчонки ловко уклонялись от ударов. Лишь один раз хозяйке удалось достичь цели, и Лярис вскрикнула.

Нападать охранницы не пытались, программа всё же работала, хоть и не совсем так, как было нужно. Они только уворачивались и прикрывали руками чувствительные места.

Раб сначала оторопел от атаки хозяйки, а потом вдруг гаркнул:

— А ну стой!

От неожиданности Аделаида замерла, высоко задрав руку с плёткой.

— Стой, госпожа, — повторил раб уже потише, примиряюще улыбаясь. — Девчонки не виноваты. Я не раб Эскобаров. Они не имеют права меня забирать.

— Заткнись, а то и тебе влетит! — выпалила Аделаида. Не хватало ещё рабам учить её жизни! — Не виноваты они! Как же...

Она посмотрела на охранниц и всё-таки опустила руку с плёткой.

А что если это не баг программы, а чья-то подстава? Или какой-то незапланированный идиотский квест от идиотов-программистов?

Ну не могли неписи взбунтоваться против хозяйки. Вон как жалобно и растерянно смотрят.

Но что тогда здесь случилось?

— А ну, все за мной! — рявкнула Аделаида и пошла вперёд, косясь на зеркало, чтобы проверить, идут ли за ней охранницы.

Те безропотно подхватили упирающегося раба и двинулись за хозяйкой.

Значит, не совсем им крыши сорвало. Может, локальный сбой? Или всё-таки квест?

Возможно, квест уже был зашит в их программу, а потом появился потенциальный участник побега, вот этот никчёмный раб, и девки залагали?

Порыв ярости уже улёгся, и баронесса пошла на свою половину, гордо задрав голову. Она не представляла, что ещё могут выкинуть охранницы, но оборачиваться, показывая свою неуверенность, не хотела.

Напасть охранницы не должны, это против контракта. Но что же теперь с ними делать? Служба поддержки очухается хорошо если в понедельник, после планёрки.

Выйти из игры и ехать домой, и бес с ним, с этим сексом? Пусть охранницы сами отдадут Эскобарихе новичка и?..

Да никогда!

Аделаида всё-таки оглянулась на нового раба, которого охранницы называли, кажется, Зергиус. И тут же получила окситоциновый удар в самое сердце.

Он был такой милый, такая лапушка. Ей захотелось уложить его голову себе на колени, гладить её, чесать за ушками... И желание это было просто непреодолимым!

Ну как? Как отдать такую няшу? Да и в побеге он точно не виноват. Он-то тут при чём? Не надо его плёткой. Его надо погладить по пузику, почесать ему спинку...

А девок куда? Вот же неписи бесстыжие, убежать с ним захотели! Надо бы их самих куда-нибудь запереть!

Аделаида вошла в малую гостиную и обернулась, поджидая, пока войдут Лярис с Мидорой и новый раб.

В малой гостиной было две двери: одна вела во внутреннюю часть дома, другая выходила в нарядный холл, где всегда дежурили охранники.

Аделаида коварно улыбнулась: вот и решение.

Пройдя через комнату, она распахнула дверь в холл и жестом подозвала караульных.

Повернулась к девушкам, ухмыльнулась и кратко распорядилась:

— В чулан обеих! И накрепко запереть!

Лярис и Мидора растерянно переглянулись, но покорно ушли с дюжими охранниками. Нарушить прямой приказ они не могли.

— Подожди, госпожа, — начал раб, шагнув к ней. — Послушай...

Аделаида подняла плётку, и дурачок замер.

Она жадно рассматривала его напряжённое лицо и гибкую юношескую фигуру: не красавец, но что-то в нём есть очень милое. Что-то непонятно симпатичное и волнующее.

Интересно, это игрок или непись?

Аделаида могла привести доводы «за» и «против» обоих вариантов, но решила, что это неважно. Если это игрок, и он сам остался в роли раба на ночь — то должен знать и свойства магического ошейника. Сейчас он полностью в её власти.

— Потом, — усмехнулась она. — Разговоры потом. Марш в спальню!

* * *

Вернувшись в лесной лагерь общины, Андрей и Марина присели у костра обсудить дальнейшие действия.

— Раз уж мы решили брать штурмом гарем Бейнвольской, — тут Андрей нехорошо усмехнулся, — то нам нужны люди. Вдвоём мы такое не провернём.

— Но ведь ночью Аделаида увезёт этого раба куда-нибудь за город! — занервничала Марина.

— Вот именно! Поэтому и мы будем действовать ночью. И рассчитывать придётся на тех, кто сейчас онлайн. А это только Фашист и Пингвин.

— Кто? — удивлённо спросила Марина.

— Нормальные ребята, не дрейфь, — успокоил её Андрей и принялся водить в воздухе руками. — Сейчас я им меседж отправлю, если не заняты чем-нибудь срочным, то скоро будут здесь.

Андрей записал голосовое сообщение, смахнул невидимый для Марины интерфейс и повернулся к ней.

— А нам что делать? — спросила девушка, растерянно озираясь.

Если бы не похититель котлов, она бы сейчас завалилась спать. Ночь в игре короткая, рассчитанная на неписей. Если не лечь пораньше — вообще не отдохнёшь.

А вот неписям отдых не требовался. Лагерь был тих — никакой суеты. Они, наверное, даже ещё не ужинали.

— А мы пока покрафтим, — ответил Андрей и подмигнул Марине.

Он забрался в ближайшую палатку, достал большой котёл и приладил его над костром.

— Игровая механика приготовления горючей смеси пока ещё довольно примитивная, да и забагованная по самое не хочу, — пояснил Андрей, добавляя из инвентаря в котёл разные ингредиенты. — Но кое-что мы всё-таки можем.

Марина наблюдала за действиями Андрея, но мысли постоянно уносили её к предстоящему штурму.

В гареме имелась охрана. Она сама видела двух стражников-неписей у входа, и ещё неизвестно, сколько таких же сидит внутри. Нападающих же будет всего четверо. А один из бойцов Андрея — вообще... Пингвин. Неповоротливый, что ли?

— А почему у твоих “нормальных ребят” такие ники странные? — спросила она хмурясь.

Андрей рассмеялся и подсыпал в варево зелёных кристаллов.

— Ну, с Фашистом всё просто — он историк. Когда был помоложе, постоянно всем с пеной у рта доказывал, что нацистская идеология была не такая уж и неверная. Мол, с человеками иначе нельзя: отдельные умные особи должны править стадом. Потом Фашист понял, что и сам не шибко-то умный и править будут им. Он перевоспитался, но прозвище так и прилипло.

— А Пингвин?

— А, ну этот — ещё проще. Он линуксоид, — ответил Андрей, потом глянул в непонимающее лицо Марины, спохватился и пояснил: — Линуксом увлекается, на домашнем компе ядро каждый день пересобирает. Говорит только об этом. Достал!

Последнее слово Андрей произнёс, бросив в котёл последнюю порцию кристаллов.

Раздалось шипение, и из котла повалил вонючий зелёный дым.

— А пингвин тут при чем? — недоуменно спросила Марина и чихнула.

— Так на логотипе операционки Linux — кто?

— Кто? — она задумалась, вспоминая. — Пингвин?

— В точку! — засмеялся Андрей. — Помогай, сейчас будем бомбочки делать.

Готовое зелье они разлили по круглым склянкам с плотными крышками.

За этим занятием Марина не заметила, как начало темнеть.

Пустой с виду лагерь стал оживать, вокруг костровищ собирались люди: мужчины, женщины, дети, старики. Кто-то разливал похлебку по мискам, кто-то отчитывал ребёнка за перевёрнутую кружку с компотом.

Марина смотрела и не могла поверить в то, что видела. Люди в лагере были прописаны гораздо лучше горожан. Они вели себя... как живые!

Таких технологий и возможностей, насколько она знала, не существовало, по крайней мере, в России. Для сложного поведения неигровых персонажей должен быть разработан собственный искусственный интеллект. Это даже не то, чтобы дорого (хотя очень!), но и практически невозможно с тем оборудованием и программистами, которые работали сейчас в “Магнетик Инк”.

Команда совсем не хватала звёзд с неба, и вдруг — такое.

— Андрей, — тихонько позвала она мужчину, который уже почти закончил упаковывать в рюкзак боеприпасы. — А кто все эти люди в твоей общине? Это же не игроки, верно?

— Тоже заметила? — улыбнулся Андрей. — Ребятам скучно было, вот они и привели сюда неписей, а они обжились. Самообучаются и ведут себя, как продвинутый ИИ. Кое-кто из игроков даже семью тут создал альтернативную... Только тс-с-с, — он приложил палец к губам, — В реале никому не нужно знать, что у нас возможно такое. Все, что было в игре, остаётся в игре.

Андрей подмигнул, а Марине вдруг стало не по себе.

Что-то странное творилось в общине, да и Андрей всё-таки что-то скрывал. Что значит: ведут себя как ИИ? Ну не сами же по себе?

Может, в игре есть группа независимых программистов, которые прописывают персонажей? Но зачем? Это же куча работы, а выхлоп только на посмотреть.

Семьи создают? Это что-то вроде секса с резиновыми девушками, что ли? Массовое помешательство на детализации виртуальной жизни?

Хотя... Аделаиде же нравится мужской гарем из неписей, почему бы и мужикам не заводить себе в игре пассий?

Сама Марина не пробовала смотреть на неписей с сексуального ракурса, но люди-то разные. Надо проявлять толерантность, но бр-р...

Она решила не торопиться пока с расспросами.

Может, и у Андрея тут тоже «семья»? Вдруг ещё знакомиться поведёт? И тогда окажется, что Марину со всех сторон окружают одни извращенцы и извращенки.

Пусть развлекаются. Но только без неё. Выяснить подробности она и после успеет, когда община с её соблазнами останется далеко позади. Сейчас главное найти этого чёртова раба и хорошенечко расспросить.

К костру подошли двое. Один из них нацепил скин из базовых, типа “воин” — широкие плечи, мощная шея, кулаки размером с маринину голову. Второй оказался не так прост — высокий, гибкий, с целой копной непослушных светлых волос и сросшимися бровями. Его скин был кропотливой ручной сборки, как и маринин. Она знала, что подобных в “библиотеке” нет.

— А вот и наши герои, — Андрей поднялся навстречу пришедшим и пожал им руки. — Знакомьтесь, ребята. Это Мурена.

— Знакомы, — буркнул здоровый. — Виделись как-то на планёрке. Я — Пингвин.

— Очень приятно, — ответила Марина, пытаясь вспомнить парней, с которыми, доводилось пересекаться по работе.

Но по скину в игре сложновато понять, кто именно перед тобой.

— А я — Саня, но все зовут меня Фашист. Мы, вероятно, не встречались раньше, — улыбнулся белобрысый, крепко пожал руку Марине и присел на бревно у костра. — Ну что, идём в данж? Или пати на босса собираем?

— Ни то и ни другое, — ответил Андрей. — Присаживайтесь, господа, будем обсуждать штурм гарема.

— Звучит потрясно! Я в деле, — хохотнул Фашист.

— Это какого гарема? — прищурился Пингвин, — Адкиного? Да она на нас начальству настучит. Она же этот гарем выстраивала чуть ли не год. Меня Паша потом... — Он покосился на Марину. — Постирает и сушиться повесит!

— Не настучит, — уверенно заявил Фашист. — У неё задача была создавать внутри игры социальные группы, а не воплощать свои похотливые желания. Давно пора ее за вымя пощупать!

Марина надсадно кашлянула.

— Ну, ты и пошляк, Саня, — покачал головой Андрей.

— Так я ж не буквально, — развёл руками Фашист. — Но к Бейнвольской так просто не пробиться. Она своих жеребчиков хорошо охраняет. И стены у неё укреплены магией. Там

разве что “мёртвый огонь” может помочь.

Андрей молча открыл крышку рюкзака и показал содержимое присутствующим. В свете костра блеснули зелёные бока склянок с зельем.

Здоровяк присвистнул.

— Я даже спрашивать не буду, где ты столько зелёных кристаллов набрал, — покачал головой Фашист. — Дриады уже давно в свои владения никого не пускают. Агрессивные такие стали — жуть. Я всё не пойму, то ли это баг какой, то ли разработчики локацию закрыли... Да только кристаллов добыть теперь не получается.

— А что вам вообще в гареме понадобилось? — спросил Пингвин и поёрзал. Казалось, он в этом теле ощущал себя не в своей тарелке.

— Игрока одного вытащить надо, — объяснил Андрей. — Из новеньких. Прикинь, если бы ты сам на входе попал в гарем к Бейнвольской? В магическом ошейнике? Тебе не жалко сейчас, не?

* * *

Моя новая хозяйка, Аделаида Бейнвольская, — блондинка в пышном платье с соблазнительным вырезом — прямо-таки озверела. Она набросилась на девчонок с совсем не игрушечной плёткой.

Охранницы только успевали уворачиваться. А что им ещё оставалось делать? Хозяйка же.

Выглядела Аделаида дура дурой — лицо скривилось от злости, глаза выпучились. Но декольте так и летало, грозя освободить оба полушария.

Сначала я просто наблюдал: выпадет хозяйка из верхней половины платья или нет? Но когда Лярис вскрикнула от боли, не выдержал:

— А ну стой! — крикнул я и замер — ошейник сдавил горло.

Я смотрел на Аделаиду, и внутри у меня бушевала революция: моя прежняя жизнь требовала отобрать у этой больной бабы плётку и выписать ей хорошего оздоравливающего пинка.

Разоралась она, понимаешь. Пришла, рабовладелица!

Всё моё воспитание, все книги, прочитанные когда-то в детстве, требовали решительных действий.

Потому что одно дело — накачанные девки, балующиеся оружием. (В конце концов, если женщина увлекается холодным оружием, тренируется — то она просто молодец). А вот манерная блондиночка с плёткой — это пятьдесят оттенков дури! Хоть бы сначала махать как следует научилась.

Глава 14. Не в Караганде, к сожалению

Ах, это чувство, когда идёшь по улице, светит солнце, навстречу идёт симпатичный мальчик,

улыбается тебе и, поравнявшись с тобой, говорит:

— Бахилы сними!

Сила Аделаиды была лишь в её же уверенности в том, что так можно. Что ей все подчинятся, стерпят.

Извращенка какая-то!

Однако магический ошейник был иного мнения о моей свободе не подчиняться хозяйке. Горло давило всё сильнее, и я молчал, как столб, потому что легче было заорать от боли, чем сказать хоть что-нибудь связное.

Аделаида грозно смотрела на меня и яростно хлопала глазами. Наверное, пыталась развидеть моё наглое молчаливое сопротивление.

Я отступить тоже не собирался. Есть моменты, когда принципы важнее собственной шкуры. Ну не задушит же она меня, в самом деле, этим ошейником? Деньги-то приличные заплатила.

Лярис с Мидорой умоляюще глядели то на меня, то на хозяйку.

Я ощутил, что несмотря на удушающее действие ошейника, губы мои кривятся в улыбке.

Ну смешно же! Тётка в пышном платье с декольте и встопорщенными от усилий кудряшками машет плёткой, как пьяный казак. Если бы снизу платьишко подоткнуть, вышли бы шаровары!

Аделаида поняла, что я её не боюсь, и пережимать с угрозами — ещё больше уронить свой же авторитет, и плётку опустила.

Она велела нам идти следом, а в гостиной, уставленной дорогой мебелью с гнутыми ножками, вдруг вызвала стражу, и девчонок моих увели.

Я остался один на один с ошейником, дурой с плёткой и её требованием идти с нею в спальню.

Это вот с такой вот включенной? Мне на неё мешок надеть, чтобы морды лица не видеть?

Грудь-то у хозяйки, конечно, ничего, тут я и без Рыжика разобрался бы, но характер...

Делать, однако, было нечего — вслед за блондинкой я прошёл гостиную насквозь и нырнул под полог из бархата.

Никаких дверей, отделяющих спальню, в этом доме не имелось. Видимо, Аделаиде нравилась сама мысль о том, что слуги могут подсматривать за её развлечениями.

Я огляделся и понял, что это даже не спальня, а какая-то специальная комната для секса. Весь пол был пружиняще-мягким, а в центре стоял диваноподобный трон для хозяйки.

Аделаида одним ловким движением расстегнула и сбросила платье, оставшись в полупрозрачной рубашке, выступила из тuffлей, распинав их по углам, забралась на трон и

уоставилась на меня сверху вниз:

— Преклони колени, раб! — сказала она, хищно улыбаясь и похлопывая по ладони рукояткой плетки.

Ошейник предупредительно впился в шею.

Что делать?

“Как что? — возмутился в моей голове Рыжик. — Хватай её зубами за загривок!”

“Да она же убьёт меня! Посмотри, как вызверилась!”

“Ты идиот, — констатировал Рыжик. — Чем больше кошка шипит, тем больше ей хочется, чтобы её взяли за шиворот и как следует встряхнули. Покажи ей, кто тут настоящий хозяин!”

“А как?”

“Я же сказал, тупое ты человекообразное! Хватай её за загривок! И встряхни хорошенько!”

Наверное, в своей кошачьей жизни Рыжик был настоящим секс-гигантом. Но я-то как мог схватить хозяйку зубами за загривок?

Она довольно прилично возвышалась надо мной на своём дурацком троне, и я сделал глазки, как у кота из Шрека, чтобы усыпить её бдительность и шагнуть поближе.

Подкрался, поклонился...

А потом одним ловким движением сдёрнул Аделаиду с трона, швырнул на мягкий пол и как следует шлёпнул по заднице!

Блондинка завизжала и попыталась вывернуться. Но ничего у неё не вышло. Я крепко прижимал к полу стройное и неожиданно сильное тело, для страховки придавив коленом.

Сомнения в тактике у меня, конечно, были. Рук я Аделаиде не заламывал, и был готов в любой момент отпустить её, хотя это желание постепенно уменьшалось. Уж такова сила трения.

И тут Аделаида перестала визжать, выкрикнула что-то возмущённо-неразборчивое и... обмякла.

Она могла позвать охрану, могла скомандовать ошейнику, чтобы он меня придушил...

Но Рыжик оказался прав — властная госпожа больше всего хотела, чтобы кто-то стащил её наконец с трона и пару раз шлёпнул.

Я перевернул Аделаиду лицом вверх. Разумеется, она продолжала сопротивляться: стучала кулаком по моему левому плечу и вцепилась ногтями в правое, но разве ж это было сопротивление? Скорее, игра.

Раздался визг, и я торопливо закрыл её рот своим. Хоть бы не укусила, с неё станется!

Аделаида сначала оторопела от моей наглости, и вдруг ответила таким страстным поцелуем, что я отбросил последние сомнения.

Всё-таки коты разбираются в женщинах лучше людей!

Гибкие руки Аделаиды заскользили по моему телу, помогая избавиться от одежды, и я, помня совет Рыжика, сорвал с нее прозрачный халатик.

Аделаида зарычала и накинулась на меня, но я был настороже. Нет уж, накидываться сегодня я планировал сам.

Блондинка то атаквала, то притворно сдавалась. Стройные руки и ноги оплели меня, как кольца питона.

Глаз она не закрывала. Они почернели, так расширились зрачки. Дыхание стало

тяжёлым и хриплым, потом перешло в стоны.

Наслаждение накатывало на нас волнами и, наконец, накрыло ослепительным опустошающим взрывом...

Через час мы решили, что нужно бы выпить винишка и чего-нибудь перекусить.

Да и охранниц пора было выпускать — хорошие же девчонки?

Аделаида не возражала, она мурлыкала, развалившись на упругом полу.

— Ты гигант, Зергиус...

“Это не я, это Рыжик...”

Но вслух я, конечно, не сказал ничего.

— А что ты там начал про Эскобаров? — спросила Аделаида. К ней потихонечку возвращалось критическое мышление.

— То, что я никак не могу быть рабом Эскобаров. Я только сегодня сюда попал. Кто-то нацепил на меня ошейник — но это просто обман.

— А ты не подумал, что мог быть сразу прописан её рабом, этой рыжей эскобарихи? — промурлыкала Аделаида.

— Прописан? — не понял я.

— Ну да, — расслабленно улыбнулась Аделаида. — По условиям квеста.

— Квеста? — я немножечко обалдел. — Слушай, а где я вообще?

Она рассмеялась:

— А то ты не знаешь, глупышка. Иди ко мне, я тебе пузико почешу...

— Стоп! — Я сел. Наконец-то я нашёл человека, который хоть что-то понимает в происходящем! — Давай сначала поговорим, Ада! Я хочу знать, где я?

А в голове билось: квест! Ах ты ж, зараза! Разыграли, всё-таки!

Значит, эти трое меня усыпили и начался квест, как в кино? И смотрят сейчас, чем я занят? Вот гады, вот мрази патентованные!

— Зергиус, — Аделаида недовольно поджала губы: от неё моя внезапная злость не укрылась. — Ты портишь игру!

— Игру? — Это она про секс, что ли? Я строго посмотрел на голую зеленоглазую блондинку, явно хотевшую продолжения и пояснил терпеливо: — Я сейчас не про нас с тобой, Ада, а про то, что вокруг. Где я? — Для убедительности я обвёл руками комнату. — Что это всё?

— Ты что, новенький? — вздохнула Аделаида. — Да ну его, это недоработанный сеттинг! Почему вы, мужики, всё время обсуждаете после секса игру? Мир как мир. В меру шальной и испорченный. Ну, баги, конечно, есть, как без них... Но нельзя же всё время про работу и про работу? Сейчас ты мог бы и подыграть вообще-то... Весь настрой сбил.

Похоже, она даже расстроилась.

Я решил опять поиграть в кота Шрека:

— Слушай, но я и вправду ничего не понимаю. Пожалуйста, объясни мне, что тут происходит?

Аделаида устало потёрла переносицу и спросила уже без игривого тона:

— Ты хоть инструкцию перед погружением прочитал?

— Инструкцию? — Я задумался. Никакой инструкции на железном ящике не было. Был варан Яша и три скота в человеческом облики. Стоп. Инструкция! — То есть ты тут — добровольно?

— Ещё как добровольно! Я тут вообще-то деньги зарабатываю! Можно подумать, что ты тут не за деньгами! — выпалила Аделаида и почему-то начала оправдываться: — Но я не вижу ничего предосудительного в том, чтобы развлечься! Этого никто не запрещал!

— Постой! — перебил я блондинку. — Ты можешь не заводиться, а по-человечески мне объяснить? Мы вообще — где?

— Где-где, — передразнила меня Аделаида. — В гнезде! В “Магнетик Инк”, забыл, что ли или дурачком прикидываешься? Тестируем игру для богатеев. И, между прочим, получаем за это неплохие бабки!

Аделаида несла какую-то чушь. Я вспомнил вывеску “Магнетик Инк”, но там ничего не было про игры и квесты.

Вздыхнул: ещё ей, что ли, по заднице надавать? Госпожа из неё так и лезла.

— Давай серьёзно поговорим? — Я сел и подобрал штаны, показывая: игры кончились. — Не знаю, врёшь ты мне или нет, но “Магнетик Инк” я видел. Меня сегодня туда позвали собрать железный ящик. Я собрал. А меня потом затолкали в этот ящик. И всё. Больше я ничего не знаю. Понимаешь? Ни-че-го!

— Совсем ничего? — удивилась Аделаида.

— Совсем ничего! — отрезал я и стал одеваться.

Аделаида уставилась на меня так, что её глаза округлились как две ягоды крыжовника, а потом хихикнула:

— А ты нарочно повторяешь мои последние слова? Может, ты непись?

Она взмахнула ладонью перед лицом и хмыкнула:

— Да нет, ты игрок. Ты что-то напугал, наверное, — она помотала головой. — Бессмыслица какая-то. Тебя разве не тестировщиком пригласили? Мы здесь тестируем игру. Да, очень реалистичную, но причём тут железные ящики?

— Да какой я тестировщик? — чуть не заорал я на Аделаиду.

А в голове билось: “Игру? Вот весь этот мир — игра?!”

Мне чуть плохо не стало. Вот, значит, до чего уже наука дошла! Человека засовывают в игру, а её и не отличить!

Я-то тут с ума схожу, понимаешь! А у них — игры такие!

Ну, Герман, держись! Я выберусь, обвяжу твои яйца проволокой и в розетку её вставлю! У меня тоже игры. Трудное детство, деревянные игрушки!..

Я-то думал, что чуть не погиб, когда от палачей убегал, а скоты из “Магнетик. Инк” сидели в своём кабинете и ржали надо мной!

— Ты никогда не тестировал игры в стиле реалити? — Аделаида разглядывала моё потерянное лицо, и оно ей не нравилось. — Ты побледнел, милый. Что, всё так серьёзно? Ну, ты же играл, хотя бы? В «Ведьмака» какого-нибудь, а?

— Да я! Я!.. — у меня просто голова шла кругом. — Я только в энгри бёрдс на телефоне умею играть! Я — сборщик мебели, понимаешь?! С утра было три нормальных заказа, а потом...

В общем, я рассказал ей всё. Как получил поздний заказ, как попёрся на другой конец города, как толстый и тощий...

— Это Пётр и Павел, — подсказала Аделаида.

— Не знаю я, как их звали! Они меня развели и затолкали сюда. Я уже всё передумал, чуть с ума не сошёл! Я стражнику в тюрьме нос откусил!

Во рту снова появился металлический привкус, но я только головой встряхнул.

Если это игра, обман ощущений — то никого я и не кусал. Всё это иллюзия. Надо будет — вообще башку оторву! Вот гады, а?

— Ну и дела... — Аделаида помолчала, задумавшись. — Я даже не знаю, что тут сказать. Проект закрытый, и я сама многого о нём не знаю, но... Чтобы похищали людей и совали их в ящики... Это уже уголовщина какая-то.

— Если это игра... — я задумался. — Ты же можешь как-то выйти из неё и проверить? Я собирал мебель на втором этаже, недалеко от выхода на лестницу. Вторая дверь от лестницы. Железная. Если всё верно, я там сейчас и лежу. То есть там лежит моё тело. В ящике.

— Понимаешь, милый... — Аделаида как будто немного смутилась. — Я сейчас на суточном контракте. Я не могу выйти, пока он не закончится. То есть могу, но меня оштрафуют. Давай попробуем как-то иначе это решить? У тебя же тоже должен быть свой интерфейс? Ну-ка, проведи рукой вот так.

Она помахала в воздухе ладонью слева направо.

Я хмыкнул и тоже помахал. Мелькнуло какое-то пятно, потом оно стало чётче, и я прочитал: “Доступ закрыт”.

— Не выходит, — ответил я. — Пишет, что доступ закрыт. — И тут я кое-что вспомнил: — Слушай, Ада, а эта рыжая, Мурена Эскобар... Мне кажется, я её уже видел. Там, в нормальном мире. Я... Ну, в общем, мы с ней поцапались, и я потом уже вошёл в “Магнетик Инк”. Может, всё это было подстроено, и она не просто так хочет меня купить?

— Маринка? Да она вообще с боссами на короткой ноге, — пояснила Аделаида. — Кто её знает? Может, она заодно с ними, а может, и свои цели преследует. Но я бы держалась от неё подальше.

— А ты точно не сумеешь выйти из игры на пару минут?

— Штраф большой, — развела руками Аделаида. — Давай подождём до утра понедельника? Всё равно сейчас в здании никого нет, даже группа поддержки слиняла. Если что-то загрузит — вот тогда мы попали.

— А насколько большой штраф?

— Жутко.

— Ну так я тебе потом заплачу! Выберусь и верну деньги. Хоть сколько! Выйди, а? Это же пять минут?

Аделаида с сомнением смерила меня взглядом. Может, она сейчас думала про секс в реале? Вот же облом будет, когда она увидит меня настоящего!

— Ну, увижу я железную дверь? — нахмурилась она. — А ключи?

Нет, душой эта блондинка не была.

— Может, у вахтёра есть запасные? — предположил я.

— А время? В реале пройдёт двадцать минут, зато тут — как минимум час. За это время с тобой может случиться всё, что угодно.

Я кивнул. Аделаида была права.

Даже мой спинной нерв чувствовал, что рыжая котомучительница не успокоится и до утра ждать не будет.

— Ты думаешь, надо срочно бежать? Из-за Мурены? — спросил я.

— Охранницы сразу сообразили, что с ней нечисто, а у них — программа. Может, даже такой квест существует — «нападение на гарем». Давай сделаем так! — Она тоже подтянула

к себе платье. — Сначала доберёмся до какого-нибудь безопасного места, а уж потом я попытаюсь выйти незаметно и проверю твою историю с ящиком. Может, сумею добыть ключи и выпустить тебя.

— Что же ей надо, этой Мурене, — бурчал я, натягивая куртку.

Ну не из-за кота же она за мной гоняется?

— А лично ты ей насолить случаем не успел? Или успел? — Аделаида прищурила глаза, а потом повернулась ко мне спиной: — Корсет затяни!

Я подёргал её за верёвочки и спросил:

— Не больно? Ещё тянуть?

— Туже не надо, — тряхнула локонами блондинка. — Нам же в дорогу. И так в платье трудно ехать... Но иначе нельзя. Я — баронесса.

— А эта рыжая Эскобариха — тоже?

— Ага. Чего же она до тебя докопалась?

Я вспомнил, как Марина неслась на мазде за Рыжиком, и пожал плечами.

— Дура она просто. Да ещё и рыжая.

— А может, от тебя вообще все бабы с ума сходят? — блондинка посмотрела на меня прицельно. — То охранницы, понимаешь...

— А что охранницы? Они что, не люди?

— Эти? — Аделаида фыркнула. — Неписи они! Ну, в смысле — неигровые персонажи. Ты что, не различаешь игроков и неписей? Неписи — часть программы. Хотя, в последнее время ведут себя очень уж странно. Может в коде что-то меняют...

— Программы? То есть я сегодня с двумя программами?..

— Ой, тоже мне, событие! — рассмеялась Аделаида. — Никогда в “вирт” не играл? А, ну да... Ты ж у нас не по этим делам...

— Я “у вас” нормальный! Придумали, понимаешь, какую-то херню! — Мне тут прямо уже нехорошо стало. Игра, неписи... — Может, я всё-таки умер в ящике?

— Это вряд ли, — отрезала Аделаида. — Если бы ты умер, соединение оборвалось бы. Хотя, знаешь, этого пока никто не проверял.

— Думаешь, они на мне и решили проверить, что будет, когда я тут сдохну? И эта, рыжая, просто хочет меня убить? Эксперимент такой?

Я вспомнил, как Мурена смеялась, когда меня повели к палачу. Думала, всё будет просто? Ну уж нет! Я ещё побегаю!

— Я не знаю, но чем черти не шутят, — помотала головой Аделаида — Давай-ка убираться отсюда, пока можем. Берём Дору и Лярис... И вещи они уже почти собрали. Только еда...

— А ничего, что Дора и Лярис, они... Ну, такие?.. — к девчонкам я теперь относился с опаской.

— По сюжету они — мои охранницы и подчиняются мне беспрекословно, — Аделаида видимо вспомнила, как застучала нас за попыткой побега, и поморщилась. — Ну или почти беспрекословно. В общем, их помощь нам по пути не мешает.

— Значит, сражаться Мидора и Лярис будут за нас?

— А то!

Глава 15. Штурм

Если на вас напал водолаз.

1. Выдерни шнур. 2. Выдави стекло.

Мы вышли из спальни и отправились за охранницами.

Я уже заблудился во всех этих дурацких коридорах, пришлось пропустить Аделаиду вперёд. Она опять напялила своё парадное платье и вышагивала как баронесса.

Если это игра, то она нормальная вообще — так ходить?

Насколько человек может заиграться в другую реальность я регулярно видел по ящику: политики, артисты, телеведущие жили там в какой-то другой России.

Они явно зависли в ролёвке и не понимали, что зрители уже двести лет как не хлопают.

Но программа? Компьютерная игра?

В голове у меня был дикий сумбур. Я не очень понимал, что значит “программа” — образования не хватало.

Вернее, понимал, но в очень упрощённой теории, а не вот так, когда охранницы на вид совершенно живые, и вдруг — ненастоящие.

Но для Аделаиды всё казалось привычным. Она действовала чётко и собранно.

Подойдя к запертой комнате, баронесса остановилась и подняла палец:

— Часть охраны придётся оставить здесь, в доме, — предупредила она. — Вдруг шпионы Мурены следят за гаремом? Мы уйдём через подземный ход. Даже если она о нём знает, не разорваться же ей? Но мы будем готовиться пробиваться с оружием.

Я покивал с умным видом.

Аделаида выпустила охранниц, преданно взирающих на госпожу и умильно — на меня.

— Собирайтесь! — приказала она. — Мы уезжаем в поместье! Что вы успели собрать?

Обрадованные охранницы стали наперебой показывать ей вещи: какие-то пудреницы, тряпочки.

Я косился на них сначала, а потом плюнул.

Это в реале они ненастоящие, а здесь — мягонькие и прикольные. Девчонки совсем... К оружию своему бросились, как к игрушкам...

Аделаида тем временем перерыла все вещи и теперь деловито осматривала припасы.

— И это еда? — хмыкнула она. — Дора, собери мои украшения. Лярис — возьми яды и магические кристаллы. А мы с Зергиусом пойдём на кухню. Надо покушать перед дорогой. Может, и повара с собой захватим. Не голодать же нам... Набрали вяленого мяса и сухарей. Фу!

Лярис на миг замерла у двери, затем обернулась и с потупленным взором проямлила:

— Боюсь, что ужин не готов. Я подумала: вдруг повар поднимет тревогу и помешает нам спасти Зергиуса? И я его обезвредила.

— Ты убила повара? — Аделаида вытаращила глаза. — Да что это за день такой, а?! А что мы будем сегодня есть, ты подумала? А если он обидится, и вообще не будет теперь на меня работать? Дура ты безголовая, а не охранница!

Я сначала оторопел от такой её реакции, а потом понял. “Убить” в игре — значит, просто вывести из игры. Повар, наверное, психанул и там, в реальности, домой уехал.

— Я не убила, — залепетала Лярис. — Я просто его обезвредила. Заперла в леднике. Я не дура...

Аделаида сверкнула глазами в её сторону, но поджала губы и сдержалась.

— Давай-ка, руки в ноги, — повернулась она ко мне. — Он там промёрз до костей, бедняга.

Кухня находилась в полуподвале и казалась огромной.

Я даже позавидовал. В моём хруще и один человек толком развернуться не может. Неведомый проектировщик постарался «на славу»: окно и трубы располагаются так, что поставить стол и холодильник одновременно — совершенно невозможно.

А здесь — громадный стол в центре помещения на всю длину! И всё равно оставалось полно места!

Мы прошли мимо очага, где над кучкой остывшей золы висел великанский котёл и остановились у двери, запертой на засов.

Я понял, что это ледник, где сидит повар.

— Тихо, — констатировала Аделаида, с некоторым испугом взглянув на меня. — Надо сначала под дверью послушать. Вдруг он уже замёрз? А я покойников с детства боюсь!

Ох уж эти бабы!

Я отодвинул её плечом и рванул засов.

В лицо дохнуло холодом. Разглядеть я почти ничего не смог, только каменные ступени, спускающиеся в темноту.

— Эй, есть кто живой?! — крикнул я вниз.

И почти сразу заметил движение.

Внизу появилось умеренно светлое пятно, в котором почти не угадывалась человеческая фигура.

Пятно приблизилось. Я слышал тяжёлое дыхание и стук зубов, за которым смутно различались не самые вежливые слова.

Мужик в белом халате и поварском колпаке оказался довольно молодым, канонически полным и очень злым.

— Руки развяжите! — сразу потребовал он. — К чёрту такие игры! Вы что забыли, что со связанными руками я даже из игры не могу выйти! Уволюсь к бешеной матери!

Узлы на его запястьях были затянуты на совесть.

Пока я над ними трудился, Аделаида начала ворковать мягким умоляющим голосом — я даже не думал, что она так может.

— Нет! Только не это! Как я без тебя? Ты мастер высшего класса, универсал. Где я найду такого гениального повара?

Мужик, не обращая внимания на увещевания хозяйки дома, нетерпеливо бросил мне:

— Нож лучше возьми. Вон, на столе.

— У тебя контракт! — с отчаянием воскликнула Аделаида.

С ножом дело пошло веселее. Освободившись от верёвки, повар растёр запястья, и только тогда удостоил блондинку ответом:

— Я на такое не подписывался! Готовить — да. А чтобы по голове лупили — этого в контракте не было. Я человек сугубо мирный!

— Ну, баг случился с охранницами, кто ж виноват? Я сама удивилась. Мы же здесь для того и есть, чтобы баги выявлять. Может, премия теперь будет. Не хочешь же ты из-за одной

нелепой случайности лишиться вот этого всего? — она широко взмахнула рукой.

Но повар её, похоже, не слушал, всё ещё переживая неприятное приключение. И говорил подчёркнуто только со мной.

— Скажу вам, молодой человек, маршировать и прыгать со связанными руками — то ещё удовольствие. Но это ладно, что я очнулся довольно быстро, сумел встать и начать двигаться. А останься я без сознания — замёрз бы на хрен! — бурчал он.

Аделаида заметила, что интонации повара изменились и восприняла это с воодушевлением.

— Мы напишем в техподдержку! — заявила она. — Уверена, больше ничего подобного не повторится. Главное, что мы вовремя тебя обнаружили!

— Это да, — нехотя согласился повар.

— Хотелось бы поужинать перед отъездом, — вкрадчиво промурлыкала блондинка. — Ну и ты собирайся, поедешь с нами...

— Ужин... Ну, быстро — разве что яичницу, — лицо повара приняло брезгливо-снисходительное выражение. — А ехать... Куда ещё? О поездках в контракте не было.

Он отошёл к очагу и начал его разжигать.

Я уже видел, что он сдался. Поедет, как миленький! Сделает всё, как блондинка скажет.

Аделаида тоже это поняла и радостно затараторила:

— Продуктов много брать не придётся, едем впятером. Я, Зергиус, Лярис с Мидорой, ну и ты.

— Лярис с Мидорой? — повар повернулся и поморщился.

— Без охраны нельзя. Зергиус зачем-то нужен Эскобарам. Возможно, придётся защищаться.

— Вот как? — мужик опять помрачнел. — Нет уж, хватит с меня! Останусь здесь. Продуктов вам в дорогу соберу, конечно.

Аделаида опять принялась его уговаривать, но повар упёрся и только молча мотал головой, как лошадь, отгоняющая мух.

Это не мешало ему работать. Руки жили своей самостоятельной жизнью: перебирали, резали, перекладывали.

На большой сковороде зашкворчало сало, затем к нему отправились овощи, зелёный лучок, домашние колбаски и, наконец, яйца.

Я отодвинул от стола тяжёлый стул и сел, в предвкушении постукивая по столу вилкой. Ел я последний раз вообще непонятно в какой реальности.

Аделаида нервно расхаживала по кухне, надоедливо мелькая перед глазами.

Пришли Дора и Лярис, сгрузили у двери вещи и скромно встали рядом с узлами, сумками и кучей оружия.

Повар покосился на них, показал кулак Лярис и недовольно сказал:

— Что встали истуканами? Миски доставайте, готово уже.

Это и впрямь была яичница, но я в жизни не ел такой вкуснотищи. Теперь мне было понятно желание блондинки оставить повара при себе!

Проголодался не я один, и через пару минут на сковороде ничего не осталось. Еда была, как я теперь понимал, игровая, но на вкус — совсем как настоящая.

Пока я раздумывал, прилично ли попросить приготовить ещё, во дворе что-то полыхнуло.

Посмотрел в окно: над забором поднималось зелёное зарево.

— А это что такое? — спросил я озадаченно.

— Где? — Аделаида тоже посмотрела в окно и изменилась в лице.

— Уходим, быстро! — взвизгнула Лярис и начала судорожно хватать с пола узлы и оружие.

Мидора справилась быстрее, навалив на себя кучу груза, и с готовностью спросила:

— Прорываемся?

— Нет, уходим подземным ходом, — скомандовала блондинка. Она уже пришла в себя и выглядела собранной и решительной. — Убери тут, — велела она. — Скажешь, если что, что мы уже давно уехали.

Я захлопал глазами и только потом сообразил, что обращается она не ко мне, а к повару.

Он выглядел растерянным: просто стоял и пялился, то на нас, то в окно.

Я слегка пихнул его:

— Действуй, чего стоишь?

Повар, очнувшись от столбняка, начал сгребать со стола грязную посуду.

Аделаида тем временем умело разожгла от очага факел и устремилась в ледник, где недавно был заперт повар.

Вот дура! Ведь не отсидишься, если и впрямь по нашу душу. Хотя нет, что-то говорилось про подземный ход!..

Я пошёл за блондинкой, а Ля и Дора — за мной.

Лестница оказалась без перил и непривычно крутая. В неверном свете факела метались тени...

В общем, я навернулся, хотя, кажется, внимательно смотрел под ноги.

Мидора успела схватить меня за ворот, и я не полетел вниз с громадной высоты. Хотя, может, и не громадной, но пола видно не было.

Мне удалось удержаться на ногах, хотя одна из них подвернулась.

Щиколотку прострелило болью. Я упал назад, то есть просто с размаху шмякнулся задницей на ступеньку, и от души выругался.

Аделаида обернулась:

— Что расселся?

— Кажется, ногу вывихнул, — испуганно доложил я.

Лярис обошла меня, склонилась, осмотрела больную конечность и сказала:

— Ерунда, растяжение. Можешь идти.

Зря она это сказала, идти я не мог. Стоило перенести тяжесть тела на больную ногу — щиколотку, словно пламенем обжигало, а перед глазами начинали вспыхивать искры.

Кое-как я спустился по лестнице, оттуда доковылял до стены с грубыми деревянными полками, где лежали всякие заготовки.

Тут стояли кадушки, бочонки, корзины, над головой болтались колбасы и окорока. Я подумал, что теперь неизвестно, когда доведётся пожрать, сдёрнул с крюка кольцо колбасы и сунул за пазуху.

Тем временем Аделаида поколдовала в углу, и стена с полками поехала в сторону.

Открылся проход, из него пахло теплом, и она первая шагнула во тьму, подсвечивая дорогу факелом.

Я поковылял следом, куда деваться. Не сидеть же в леднике! Повар хоть маршировать и прыгать мог, а я тут быстро очокурюсь.

В проходе и в самом оказалось деле заметно теплее, чем в подвале.

Стена встала на место, теперь надо было идти вперёд по узкому ходу, а вот как раз идти я и не мог.

Хорошо, что проход был узкий, а стены неровные. Я хватался за них, чтобы не вставать на растянутую ногу всем весом.

Из-за меня наш маленький отряд еле тащился, и о бегстве из гарема не могло быть и речи. Разве что об уползании.

Аделаида ушла вперёд, и без её факела стало заметно темнее.

— Зергиус, давай быстрее! — умоляюще произнесла Лярис мне в плечо.

Услышав крик охранницы, Аделаида остановилась и нетерпеливо, притопывая ножкой, прикрикнула:

— Шевелитесь же, мать вашу! А ну — руки в ноги!

Услышав приказ, я демонстративно привалился к стене. Совсем охренела: так гнать травмированного человека!

Поджав губы, блондинка направилась к нам.

И в этот момент почти над её головой громыхнуло, и сверху, туда, где она только что стояла, посыпалась земля.

* * *

План был простой, как три копейки — Марина с Андреем должны будут зайти прямо с парадного входа и уничтожить магическую защиту здания. А тем временем Пингвин и Фашист покараулят у чёрного хода — это на случай, если кто побежит.

Андрей проинструктировал, что хватать и вязать всех подряд совсем не обязательно — им нужен только один.

Но на пальцах было не объяснить, как выглядит этот загадочный тестировщик, поэтому Фашист предложил сначала “повязать всех, а потом уж и разбираться будем”.

— Хорошо, что Адкин гарем стоит в зоне ПВП, — пробухтел Пингвин. — У неё там не только неписи, там и игроков хватает. Извращуги! Давно пора было их повязать!

— А если они будут серьёзно сопротивляться? — забеспокоилась Марина.

— Ты, главное, хватай и вяжи, — успокоил её Фашист, — Там по уровню все равно нубы одни. Одной левой!

Ночь тут была очень красивой — синее небо, полное незнакомых созвездий и яркая полная луна давали столько света, что в дополнительном освещении не было нужды.

От лагеря сначала ехали верхом, но не доезжая до улицы, на которой стоял дом Аделаиды, спешили и отпустили коней.

Привязывать их никто не стал — транспорт все равно окажется в точке респауна.

Дальше пошли пешком. Каждый из четвёрки был вооружён, даже Марине выдали небольшой колдовской жезл, заряженный дюжиной огненных стрел. В инвентаре у неё болтались ещё меч и лук, но по классу она не была полноценным магом, поэтому ребята поделились тем, что у них было.

— Так, я уже вижу отсюда объект! — Андрей остановился и снял с плеч рюкзак.

Он нахлобучил на голову шлем, похожий на древнерусский, и начал доставать склянки

из рюкзака.

Хитроумным жестом фокусника он растворял их в воздухе.

— Марина, чего стоишь? Предлагаю и тебе тоже добавить “мёртвый огонь” в меню быстрого доступа, — деловито предупредил он. — В горячке сражения нам будет не до копания в инвентаре.

Марина тряхнула волосами, выходя из оцепенения, и принялась убирать склянки в слот, который активировался специальным жестом руки — меню быстрого доступа.

— Ну всё, ребята, — сказал Андрей, отбрасывая пустой рюкзак. — Мы с Мариной пошумим немного, а когда крысы побегут с корабля, вы уж не подведите.

Фашист кивнул, и они с Пингвином растворились среди деревьев.

— Ну что, вперёд? — Глаза Андрея азартно блеснули.

“Мужики все — как мальчишки! — мысленно фыркнула Марина, — Никогда не меняются и не вырастают. Только игрушки становятся опасней и дороже”.

Около роскошного длинного здания гарема было тихо, и только в одном окне горел свет.

У ворот никто не стоял, хотя днём Марина видела, что охраняют это место довольно много нпс.

— Смотри, — прошептал Андрей и подул через кулак прямо перед глазами девушки.

Заблестел серебристый порошок, частички его залетели Марине в нос, и она тихонько чихнула.

Сквозь пыльцу стало видно, что над зданием мерцает сплошной купол охранного заклинания.

— Целься прямо вон в тот флюгер, там защита как будто тоньше. А где тонко, там и рвётся, — подмигнул Андрей и сложив пальцы щепоткой, дёрнул кистью.

В руке у него тут же появилась зелёная склянка с “мёртвым огнём”. Размахнувшись, как заправский бейсболист, он швырнул её прямо в здание.

Колба разлетелась, полыхнула зелёным облаком, наткнувшись на невидимую преграду, но содержимое не стекло вниз, а, как кислота, принялось разъедать защиту.

Марина тем же жестом достала свою склянку. Помешкала, но тоже бросила и довольно удачно.

Тут же во всех окнах разом загорелся свет. Раздались крики: мужские, женские — не разобрать.

— О, ну вот эту песенку я знаю, — ухмыльнулся Андрей и кинул вторую склянку. — Сейчас начнут выбегать, стреляй из жезла. Не бойсь! Стрелы на полумощности, только парализуют.

Пингвин сидел в засаде. С его места хорошо просматривался чёрный ход и дверь в жилые помещения прислуги. В руках у качка был жезл. Почти такой же, как у Марины.

Фашист прятался где-то ближе к зданию, Пингвин потерял его из вида.

Когда Андрей с Мариной начали пробивать защиту, он невольно залюбовался всполохами зелёного магического огня на фоне звёздного неба.

Всё шло по плану, защита медленно таяла под пожирающим её “мертвым огнём”.

И вдруг что-то резко жажнуло, заставив гарем содрогнуться. Причём жажнуло довольно близко.

— Что за хрень? — пробормотал Пингвин, когда снова смог принять сидячее положение.

Он прищурился и заметил Фашиста, у которого на плече блестело что-то, напоминающее базуку.

— Ах, ты, читер! — покачал головой Пингвин. — Моды протащил. Вот за такое тебя начальство по головке не погладит!

Фашист откинул бесполезное однозарядное оружие и, повернувшись к тому месту, где сидел напарник, помахал рукой.

— Давай сюда, — громким шёпотом позвал он. — Ща полезут, как тараканы на свет. Пингвину ничего не оставалось, как, чертыхаясь, бежать к чёрному ходу, дверь которого уже приоткрывалась.

Когда раздался взрыв и дом Аделаиды вздрогнул, Марина заметила, как неподалёку от ворот, земля шевельнулась и стала проседать.

Пара минут, и образовалась воронка. Дерево рядом с ней сильно накренилось, грозя завалиться.

Марина обернулась к Андрею, но он сосредоточенно разглядывал крышу. Зелёные пятна защиты над зданием постепенно испарялись, а у него всё ещё было полно склянок с “огнём”.

— Быстро что-то, — недоверчиво протянул Андрей.

Сказать ему про воронку, Марина не успела — мимо его лица что-то просвистело и вонзилось в дерево.

Андрей непонимающе обернулся. Из ствола, воткнувшись в него почти до середины, торчала... морковь.

— Это что, мор... — только и успел произнести он, как его что-то звонко ударило по голове.

Снаряд отскочил от шлема, и Марина увидела, что это свекла, довольно крупных размеров.

Андрей схватился за треснувший шлем и заорал:

— Ложись!

Глава 16. Индрик-зверь

Сегодня из банка пришла СМС-ка о просроченном платеже за кредит.

Написал им в ответ: “Денег нет! Но вы держитесь!”

Марина упала на землю, и очень вовремя. Над ней просвистело ещё несколько стремительных овощей.

— Они там что, спятили, что ли, от страха?! — закричал Андрей. А потом взревел ещё громче: — Сдавайтесь, овощи!!!

В доме сделалось тихо.

Андрей осторожно приподнялся, выпрямился, сделал пару шагов и... был сражён здоровенной картофелиной, угодившей в лоб!

— Блин! — простонал Андрей.

Несмотря на шлем, удар вышел мощный.

— Ложись! — крикнула Марина. — У него там ведро этой картошки!

— Почему это ведро? — донёсся из дома обиженный голос, усиленный магией. — Целых два! Подходите поближе! Будет на ужин картошечка с мясом!

— Кто это? — прошептала Марина, прижимаясь к земле.

— Какой-то боец, — прошипел Андрей.

— У Аделаиды сроду бойцов не водилось! — возмутилась Марина и заорала: — А ну, сдавайся! А то мы тебя самого запечём с картошкой и укропом!

— Да разве можно картошку с укропом запекать?! — возмутился голос. — Надо её отварить, добавить свежего сливочного масла и уже потом обвалить в мелко нарезанном укропе!

— Это что, повар? — удивлённо спросил Андрей. И, понимая, что его не слышат, крикнул: — Мужик, ты повар?

— Ещё какой! — донеслось в ответ. — Сунетесь ближе, у меня для вас есть котёл горячущего борща!

— Что будем делать? — спросила Марина.

Андрей пожал плечами. Борща ему хотелось, но не в виде котла на голову.

— Он нам зубы заговаривает! — осенило Марину. — Борщ — не оружие. На штурм! Мочи повара! Из дома наверняка есть ещё один ход! Подземный!

* * *

Я вообще не очень люблю подземные ходы. А когда громыхнуло, и за шиворот посыпалась земля — и вовсе струсил.

Если меня сейчас здесь засыплет, что тогда станет с телом? А вдруг оно задохнётся в своём ящике, если я здесь задохнусь?

Я остановился, опираясь на любимую алебарду Лярис. Она сунула её мне, чтобы я мог хоть как-то передвигаться.

— Быстрее! — крикнула Аделаида, бросаясь во тьму, прямо туда, где росла куча земли.

И вдруг баронесса завизжала, как сумасшедшая.

Ей навстречу высунулась огромная клыкастая морда. Она была волосатая, глаза — узкие чёрные щели, а на лбу торчал здоровенный рог.

Я захлопал глазами. Зверюга была похожа на носорога с львиной пастью. Только рог торчал не на носу, а на лбу, и не вверх, а вперёд.

Неловко шархнувшись, я ступил на травмированную ногу и сел от боли. И понял, что двигаться не могу — окаменел от страха.

Мидора прыгнула на зверя, пытаясь врезать ему катаной в маленький щелястый глаз, и тварь отшвырнула её лапой, толстой, как дерево, поросшее чёрными волосами.

— Кто это? — крикнула Лярис.

— Э-это мифический индрик-зверь, — пробормотала Мидора, кое-как поднимаясь. — Его только заклинанием можно взять. Специальным!

— Зергиус, отступаем! — заорала хозяйка. — Я такого заклинания не знаю! Я вообще маг только сексуальный, я боюсь со зверями сражаться!

Но ни наступать, ни отступить я сейчас не мог. Сидел, не в силах поднять отяжелевшие от страха руки.

Тварь заревела, набычилась, наставила на меня рог и танком полезла вперёд, готовясь наколоть, как кусок шашлыка.

— Зергиус! — заорали девочки. — Беги!

Тварь прыгнула.

Мидора кинулась ко мне, схватила за шкуру и дёрнула вбок.

Промахнувшийся зверь взревел над самым ухом, и это вдруг пробудило меня от ступора.

Я взревел в ответ, ещё более грозно.

Зрение стало вдруг ясным и чётким. Я увидел подземный ход в мельчайших деталях: до каждого камушка и корешков травы на потолке.

Теперь было понятно, что индрик-зверь рыл ход, перпендикулярно нашему. И тоже наткнулся на злобных неведомых зверушек.

Он был больше ошарашен, чем хотел драки. Тушка у него была мощная, примерно как у белого медведя, но туннель зверь занимал не весь, и обойти его было можно, если с умом.

А ещё я ощутил, что это был мой подземный ход. Мой! Моя территория.

И я — тоже очень большой зверь. И ещё неизвестно, кто тут кому должен уступить дорогу!

Я хотел сказать об этом зверю, но из горла вырвалось что-то вроде:

— Мням-мям, э-э... Р-р-ру!

Зверь тоже зарычал, но уже с тщательно скрываемым недоумением.

Я медленно и грозно поднялся, шагнул к нему и зарычал ещё страшнее.

Зверь сначала попятился от удивления, но потом мотнул головой и пригнул рог, намереваясь меня пощупать.

Ах так?

Я возмущённо рявкнул, схватился за рог и прыгнул ему на шею. В руке у меня была алебарда, и я долбанул зверя древком между глаз.

Чудовище вздыбилось, пытаясь раздавить меня об потолок, я скатился с него и загнал алебарду прямо в клыкастую пасть. И стал пихать её зверю в глотку.

Тот сипел, пытался мотать головой, колотил в панике копытистыми лапами, но куда-там. Я теснил его к выходу из туннеля. И мало того — не особенно даже злился.

Странно, но убивать индрик-зверя мне не хотелось. Мне нужна была его покорность и

признание моего авторитета.

Индрик-зверь не пугал меня от слова совсем. Я почему-то считал, что главный хищник в этом туннеле я. И нечего тут с рогами и копытами субординацию нарушать. (Видимо, так думал в моей голове варан Яшка.)

В какой-то момент яшкино сознание слегка ослабло, и я начал орать на зверя по-человечески, не переставая пихать его алебардой:

— Ты против кого попёр, сямка? Ты на кого батон крошишь? Забыл, кто тут босс? Сапоги мне лизать будешь!

Зверь жалобно пучил глаза, хрипел и пятился, пятился, пятился.

Потом в конце туннеля забрезжил свет, и я вытолкал зверя на полянку.

Там меня совсем попустило.

Я вытащил алебарду из пасти индрика и сказал наставительно:

— Чё огрёб?

Зверь жалобно заскулил.

— То-то же!

На поверхности уже наступила ночь, но я легко разглядел зверя как следует: чёрный, лохматый, клыкастый и рогатый, с мощными короткими лапами, украшенными аккуратными намёками на копыта, вроде носорожьих.

Я смотрел на индрика без страха, даже с какой-то необъяснимой симпатией. Потом шагнул к нему, похлопал по морде, почесал спинку и голый крысячий хвост.

Зверь выпучил глаза, видимо, такой фамильярности он от двуногого не ожидал. А потом лизнул меня и шлёпнулся на землю, подставляя для чесания бок.

— Вот так-то, — усмехнулся я. — А то разорался тут, понимаешь.

Из дырки в земле высунулась катана, а потом выглянула Мидора.

— Вылезайте, — позвал я. — Он никого не тронет. Самый большой зверь тут я! — И топнул ногой.

Больной ногой, на которую пять минут назад не мог наступить.

Что за чудо? Я топнул ещё раз, проверяя, куда подевалась боль? Потом почесал индрика пяткой.

Нога не болела ни капельки.

Стоп. Как такое могло случиться? Ногу-то я подвернул совершенно по-настоящему. Или нет?

Я её подвернул в игре, вот оно что! А переключаясь на Яшу, сбросил часть личной истории, или как это называется? И травма затёрлась.

Красота-то какая!

Аделаида выбралась последней, посмотрела на покорно лежащего у моих ног индик-зверя и пробормотала:

— Даже не слышала о таком. Про то, что какой-то кретин вводит в игру незаявленных монстров, слышала. А чтобы они игрокам руки лизали...

— Тебе хотелось бы, чтобы он нас съел? — уточнил я.

— Мне хотелось бы понять, что происходит в этой долбанной игре, — огрызнулась Аделаида. — Может, ты её просто сломал? Может, у тебя психика для игры не подходящая? Чего я вообще на тебя повелась? А ну, на колени перед своей госпожой!

Ошейник дёрнул меня вниз, возмущённый индрик-зверь взревел и, как собака, готовая защищать хозяина, вскочил и оскалился на Аделаиду.

Мощная тушка напугала блондинку подвижностью и плотоядными клыками.

— А! — заорала она и сломя голову понеслась в лес.

— Держите её, она же заблудится! — Лярис бросилась за хозяйкой.

А вот Мидора почему-то никуда не побежала. Она положила на землю свои котомки и улыбнулась мне ясной-ясной улыбкой:

— Пусть они пока побегают, да, Зергиус?

Мощная волна женских феромонов накрыла нас с индриком. Он обиженно покосился на меня и чихнул.

Я бросил растерянный взгляд в сторону деревьев, за которыми скрылась вторая половина нашего маленького отряда. Надолго они, интересно, удрали?

Против Лярис я ничего не имел, а вот возвращения вредной блондинки категорически не хотелось.

Уродилась же зараза: чуть что — и хватается за ошейник! Надо бы его как-нибудь снять. Но как? Колдуна искать, что ли?

Рыжик, почуяв, что секса у меня в мыслях критически не хватает, недовольно пробурчал в голове:

«Учу тебя, учу — всё без толку! Какие же эти люди тупые! Ты что, не видишь, чего хочется твоей самке?»

«Брысь!» — цыкнул я на нахального кота и улыбнулся Доре, которая даже не заметила этой крохотной заминки.

— Пусть побегают, — согласился я с улыбкой, шагнул к ней и заключил в объятия.

Вдруг вспомнилось, что она не настоящая, а какая-то непись...

Что за ерунда! Женщина, которая ко мне прижалась была самой что ни на есть подлинной: живой, горячей. И желанной.

Я решил, что раз Аделаида не вернулась сразу же, значит, Лярис придётся за нею побегать, поэтому можно не спешить, а насладиться процессом.

Травка под ногами была ностальгически мягкая, полянка милая и уютная, окружённая густыми кустами, за которыми поднимались ели, серо-голубые от густого сумрака. Никто нас здесь не увидит, никто не помешает.

Индрик лежал темной мохнатой кучей, развернувшись башкой в ту сторону, куда умчалась блондинка. Если что, предупредит о приближении госпожи и её охранницы.

Ага, наивняк!

Мы ещё целовались, а мои руки только-только начали скользить по податливому телу, освобождая его от лишней одежды, когда вновь раздался визг — не рядом, но и не слишком далеко.

Я не прервал поцелуя, но Мидора решительно отстранилась и подхватила меч:

— Это хозяйка кричит! Бежим на помощь, вдруг на неё кто-то напал?

Логика у Мидоры была убийственно крепкая: если хозяйка испугалась индрика, то пусть себе бежит, но если кто-то на-па-а-л...

Я нерешительно взглянул на груды узлов и оружия.

Мечи меня пугали: даже будучи полным дилетантом, я понимал, что в ближнем бою от меня и меча толку не будет, разве что ногу себе подрублю. Лучше брать палку.

Вот копьё — ещё куда ни шло. Уж ткнуть им я в случае необходимости сумею. Наверное.

Мидора уже продиралась сквозь кусты, и я, подхватив копьё, неохотно порысил за нею.

Когда за спиной затрещали ветви, невольно шарахнулся, но оказалось, что это индрик-зверь ломанулся следом, как верный пёс. Я уже и думать забыл о нём, но присутствие такого соратника сразу прибавило бодрости.

Похоже, мы взбирались на холм. Тропа всё круче шла вверх. Я совсем запыхался, и, когда мохнатая туша индрика поравнялась со мной, недолго думая, вскочил на мощную холку.

Ехать верхом, держась одной рукой за жёсткие чёрные пряди на шее зверя, напоминающие редкую гриву, было гораздо веселей, чем бежать.

Копьё цеплялось за ветки и ужасно мешало, но бросить его я не рискнул.

Индрик пёр вверх, как танк, он легко обошёл Мидору и целеустремлённо потрусил на непрекращающийся визг Аделаиды.

Может, она там на змею наступила или в муравейник?

Я понадеялся, что зверь придерживается правильного направления и не прогадал. Впереди посветлело: мы приближались к опушке.

Только тут стало понятно, что солнце ещё не закатилось полностью, а висело на самой кромке горизонта, забрасывая тенями лес под холмом.

Выезжать на открытое место мне не хотелось, но как управлять своей скотинкой я не знал, а потому только покрепче вцепился в шерсть одной рукой и сжал копьё другой.

— О, великолепный Го, заходи со стороны Заката! Мы её окружаем! — раздался совсем рядом азартный мужской голос.

Я начал крутить головой, пытаюсь обнаружить какого-то “го”, и тут индрик вырвался на простор, остановился и стал медленно поворачиваться, словно специально давая мне оглядеться.

Людей я не увидел, только кусты подозрительно шевелились.

Стояли мы на невысоком холме, поросшем деревьями и кустарником, а внизу, через полосу леса, простирался город, обнесённый крепостной стеной.

Сверху отлично просматривались остроконечные крыши, нарядные башенки... А за ними блестело море — красивое, зеленовато-бирюзовое, в котором кровавой полосой отражался последний свет заходящего солнца.

— Глуши их! — раздался женский вопль.

Я узнал голос Аделаиды.

Зверь подо мной заурчал и рванул на звук, а я от неожиданности едва не упал, уронил копьё и обеими руками вцепился в жёсткую «гриву».

Спереди неумолимо надвигался колючий кустарник. Пришлось зажмуриться и пригнуться пониже, чтобы не лишиться глаз и не слететь со спины индрика. Зачем я, болван, вообще на него полез?

Я получил веткой по затылку, другая — в кровь расцарапала щёку.

«Стой! — мысленно орал я зверю. — Стой!» Но он пёр, как танк.

Когда ветви перестали хлестать по лицу и бокам, я осторожно приподнял голову и приоткрыл один глаз.

Мы снова неслись по лесу, теперь уже вниз, по утоптанной звериной тропе. Стволы вокруг так и мелькали.

Что ж я, лопух, буду делать без копья?

Прямо по курсу торчал, заметно накренившись, тонкий сухой ствол с вывернутыми корнями. Длины в нем было метра четыре.

Я примерился и вырвал ствол, когда мы неслись мимо.

Боялся, что потеряю равновесие, но удержался: сухая дубинка оказалась довольно лёгкой.

И тут же прямо передо мной появился крепкий, почти квадратный мужик. Я даже не заметил, откуда он взялся. В память врезались только выпученные глаза и искажённый в крике рот.

Мужик попытался замахнуться на меня какой-то блестяшкой, но не преуспел: я ударил первым.

Ствол, что я держал, переломился пополам, мужик отлетел в сторону и пропал в кустах.

Я так и не понял, что за штука была зажата в его руке. Было уже совершенно темно, Яшка во мне то засыпал, то пробуждался, и моё ночное зрение было неустойчивым.

Не меч, точно. А что? Кинжал?

Я оглянулся, и мне показалось, что за деревьями мелькнула блондинистая шевелюра, похожая на баронессину.

Попытался направить индрика туда, но ничего у меня не вышло.

Может, и к лучшему. Из-за дерева показался ещё один невысокий, но крепкий мужик, на этот раз с коротким мечом, вроде римского гладиуса. На мужике был почти рыцарский доспех: шлем и нагрудник.

В моём обломке ствола осталось метра два, я держал его почти посередине — неудобно для замаха.

Стал перехватывать ствол — и уронил на врага.

Тот увернулся с воплем. И тут же ему на подмогу из кустов вылетел огненный шар.

Шар в меня не попал, взорвался в воздухе. Вокруг разлилось зелёное сияние и стало быстро расползаться вокруг, словно туман.

Мужичок взмахнул гладиусом, заорал:

— Сюда, я его поймал!

И кинулся на меня, размахивая своей железкой.

Приспособить под оружие мне было решительно нечего. В отчаянии я сорвал с шеи колбасное кольцо и швырнул в рыцаря.

— Это же свинина! — отшатнулся он, отбивая колбасное изделие плоской стороной клинка.

Индрик обиженно рявкнул и кинулся выручать колбасу, отлетевшую куда-то во тьму.

Мы промчались сквозь мутновато-зелёное сияние. Меня как будто парализовало, я не мог шевельнуться, даже мысли замедлились: стали вязкими и тягучими.

Но на индрикe эта дрянь никак не сказалась. С глухим рычанием, вытянув рог, он скакал всё быстрее, спускаясь с этого дрянного холма.

Снова замелькали деревья. Сбоку мелькнула фигура с факелом. Индрик шарахнулся...

Вот тут-то я с него и навернулся.

Понимаю, что стопудово должен был приложиться о землю, но онемевшее от зелёного сияния тело ничего не почувствовало.

Я кулем плюхнулся в сухие еловые иголки, сквозь которые кое-где пробивались чахлые стебли травы и смотрел, как со всех сторон надвигается темнота.

Очнулся я без особых проблем. Ну, если не считать того, что моя голова лежала на коленях причитающей Лярис, шея была свёрнута под неудобным углом и уже затекла, а в бок, задрав камзол и рубаху, больно упиралась острая ветка.

Я приподнялся и обнаружил, что это вовсе не ветка, а рог индрика. Мидора безуспешно пыталась отпихнуть зверя в сторону, но у неё, конечно, ничего не получалось.

Заметив, что я шевелюсь, зверь удовлетворённо хрюкнул, немного попятился назад и лёг.

— Ну, наконец-то! — воскликнула Мидора, вытирая вспотевший лоб. — Тупая скотина! Он вроде и мирный, а как начал об тебя тереться, как начал! Я боялась, что он проткнёт тебя своим рогом! Зергиус, как хорошо, что ты очнулся!

— Угу, — ответил я и повернулся к индрик-зверю, погрозив ему пальцем: — Что ж ты делаешь, Вася?

Он, разумеется, не ответил, только шумно вздохнул и положил тяжёлую голову на выступающий корень.

Я огляделся, моргая. Зрение постепенно приспособлялось к ночной темноте, и я различил тропу и деревья. И блондинка тоже была здесь, только стояла поодаль.

— Аделька, иди сюда! — позвал я. — Вася мирный, он не обидит.

Аделаида сделала пару шагов, покосилась на индрика Васю и сварливо заметила:

— Не очень-то он и мирный!

— Ты, главное, сама первая не начинай, — посоветовал я.

Хозяйка поморщилась. Эх, воспитывать её ещё и воспитывать!

Зато охранницы смотрели на меня с обожанием, глаза у них просто светились любовью.

Лярис сказала с придыханием:

— Зергиус, ты настоящий герой! Без твоей помощи мы бы не отбились. А ты один всех разогнал!

— Не один, а с Васей, — буркнул я, растирая затёкшую шею.

Я даже не понял, кто на нас напал и зачем. Неужели это был отряд рыжей Мурены, пытающейся выкрасть меня из гарема?

Надо будет попросить девчонок, чтобы научили с оружием нормально обращаться, что ли? Только не сейчас, когда они так восторгаются моим воинским искусством, а чуток попозже.

А сейчас надо валить, пока нападающие не опомнились и не притащили сюда целую армию.

Вот послушаю ещё пару минут, как все меня любят, и валим.

Глава 17. Добыча

Не спрашивай у мужчины про его доходы, у женщины про возраст,

а у патриота — откуда у него американский паспорт.

— А как красиво ты назвал этого зверя! — Мидора от умиления сложила ладони лодочкой. — Такое изысканное уникальное имя!..

Аделаида фыркнула, но ничего не сказала. И это было уже неплохо.

Я вздохнул. Вставать было надо, как ни крути.

— Ну, вот что, девчонки, расслаживаться некогда! — скомандовал я. — Быстро собираем вещи и продолжаем поход. Надо отойти подальше, чтобы нас не выследили ещё раз. Что этим гадам надо? Кто они вообще? Это игроки?

— Вообще-то, это я должна здесь командовать! — заявила блондинка, надув губы.

Ужасно хотелось сказать ей что-нибудь едкое, но я решил, что отношения обострять не стоит и мирно отозвался:

— Считай, что я тебя представляю, моя госпожа.

— Так из-за тебя мы и страдаем! — ехидно напомнила она. — Это ты им и нужен. Наверное, это были неписи, но их точно послали Эскобары!

— Тем более хорошо, если я буду командовать. Ты же знаешь, что в бою командиры гибнут первыми? Возьму на себя, так сказать, весь риск.

Хорошо хоть, что соображала Аделаида быстро. На мгновение поджала губы — и сразу бросила девчонкам:

— Выполняйте!

Охранницы помчались куда-то в чащу. Наверное, именно в той стороне была поляна, где мы бросили вещи. И как они только сумели сориентироваться в темноте? Потому что неписи?

Я посмотрел на пышное платье Аделаиды, изорванное и измазанное зеленью, и сказал:

— Постой здесь. Тебе же трудно носиться по лесу в баронской одежде? Но именно постой, не садись. Платье у тебя заметное, светлое. Ориентиром будешь.

Я сходил за колбасой — примерно помнил, куда она приземлилась. Индрик потащился за мной и, что досадно, обнаружил круг первым, но половину я отобрать успел.

Потом мы вместе отыскивали копьё. На опушке трава стояла почти в пояс, и найти его оказалось непросто: вроде выронил я его перед самыми кустами, а нашёл на добрую сотню метров дальше.

Когда вернулся к Аделаиде, девчонки уже были там и ждали.

Сначала я хотел уложить вещи в два больших узла и приспособить на мощную Васину спину, но после некоторого размышления отказался от этой идеи. Мало ли что ему в голову взбредёт? Вдруг индрик как прибился, так и удерёт, оставив нас без припасов?

Узлы я распределил по-честному: самый тяжёлый взял сам, самый лёгкий отдал subtilной блондинке (она злобно зыркнула, но возразить не посмела), а оставшееся поделили Дора и Лярис.

Мы тронулись в путь, и Вася охотно потрусил за нами.

От угроз боевого повара Аделаиды Андрея и Марину спас неожиданный шум внутри дома.

Вернее, шум был вполне ожидаемый — Марина предполагала, что вторая часть группы захвата проберётся в дом с чёрного хода, пока они отвлекают внимание.

Видимо так и произошло.

— Давай внутрь! — скомандовал Андрей и сбросил треснувший, уже бесполезный, шлем.

Они быстро забежали в дом.

Марина водила перед собой жезлом, готовая отразить любую атаку. Андрей же был расслаблен и даже убрал оружие.

— Можешь прятать пукалку, — сказал он Марине. — По игровым правилам, если мы уже внутри, то штурм завершён.

Марина опустила жезл, но в инвентарь его убирать не торопилась. Её напрягало, что из глубины дома доносятся громкие мужские голоса.

— Пойдём, узнаем, что там? — предложил Андрей и быстро зашагал по коридору.

Марина пошла за ним след в след.

Коридор окончился просторным помещением, где столпилась кучка мужчин.

Очень странно одетых мужчин. Одни были в свободных брюках, другие носили подобие набедренной повязки. И почти все щеголяли голыми накаченными торсами.

В центре этой толпы возвышался Пингвин — его держали за руки двое полуголых здоровяков.

Мужчины громко спорили и махали руками.

Андрей протиснулся поближе к Пингвину и рывкнул, стараясь перекричать всех:

— Мужики, хорош! Крепость пала, добыча наша! Вы же знаете правила?

— А ты кто ва-аще такой? — раздался голос из толпы. — Хозяйка вернётся — тебе не поздоровится!

Вперёд вышел крепыш в длинном белом халате и колпаке. Марина поняла, что это тот самый повар, что так ловко швырялся в них овощами.

— Кажись, я знаю тебя, — повар ткнул пальцем в Андрея. — Ты из общины. Я покупаю там свежую зелень для кухни.

Повар был человеком, а не неписью. Не испытателем, как Марина, а простым игроком. За это тоже платили, пока игра была в разработке. Но совсем немного.

Мужику нравилось кулинарить, и стряпал он для Аделаиды с удовольствием. А в свободное время развлекался в магическом мире с неписями и такими же игроками. Только женского пола. Можно сказать, жил параллельной жизнью в отрыве от семьи.

В реале, Марина знала, повар был в разводе и помогал дочери-студентке деньгами. А тут он завёл внешность пышущего здоровьем ловеласа и отрывался в своё удовольствие.

— Отпустите моего человека! — приказал Андрей. — А второго штурмовика куда дели?

Мужчины, кажется все они были неписями, тут же отпустили Пингвина. Тот задёргал плечами, поправляя на себе доспех.

Марина даже восхитилась неволью. Вот уж действительно Андрей — прирождённый лидер: сказал, и все послушались.

— Какого второго? — спросил один из мужчин. — Этот один был.

— Ладно, разберёмся, — отмахнулся Андрей. — Где Бейнвольская? А ещё мне нужен новенький. Он есть среди вас?

Толпа загудела. Один из мужчин, обладатель длинных черных волос, собранных в хвостик, жестом остановил гомон, и Марина поняла, что он в гареме, наверное, главный. Если не считать эту сумасшедшую нимфоманку — Аделаиду.

— Госпожа отсутствует, — приятным баритоном произнёс мужик с хвостиком. — Забирайте добычу и можете выметаться.

— Какую ещё добычу? — возмутился повар. — Я на них половину запасов извёл! Пусть возвращают цену продуктов!

— В этом случае твои продукты являлись боеприпасами, а поэтому не засчитываются за потери, — легко парировал Андрей.

— Боеприпасы, найденные в захваченном помещении, не являются добычей, а потому — должны быть возвращены правообладателю! — Повар упёр руки в бока.

— С хрена ли баня-то упала? — возмутился Андрей. — Ты правила-то давно читал, нубяра?

Марина поняла, что этот спор может затянуться, поэтому набрала в лёгкие побольше воздуха и проорала:

— А ну прекратите тут письками меряться! Мы не за добычей пришли. Сегодня в гарем привели новенького. Он не может быть рабом! Это не непись, он тестировщик. И парень в большой беде — у него... э-э... отказал интерфейс! — Марина выдумывала на ходу, а что делать? Нужно было, чтобы неписи поверили и согласились сотрудничать. — Мне админы поручили его найти. Буду рада любой посильной помощи.

Она обвела взглядом замолчавших мужчин и нашла глазами повара:

— А за помощь я попробую выбить для вас у начальства двойную оплату за сверхурочные и дополнительные внутриигровые ништяки.

— Ну, это другой разговор, — буркнул повар. — Мне не помешало бы кое-какое оборудование в кухне, а ещё я хочу сковороду-вок.

Марина кивнула и перевела взгляд на Андрея: вид у него был лукавый, а на губах играла полуулыбка.

Разгадал её игру, но решил не вмешиваться? Молодец! Ну до чего умный мужик, хоть и задрот, каких поискать!

— Может, мы поговорим в каком-нибудь более удобном помещении? — спросила Марина повара. — А остальные могут подходить туда по одному и сообщать всё, что им известно.

— Давайте, расходитесь, — Пингвин принялся махать руками на неписей. Ему было стыдно, что он им попался.

— Можно пройти в гостевую, — предложил повар. — Меня, кстати, Эдгар зовут.

— Мурена Эскобар, — вежливо наклонила голову Марина. — Поддерживаю ваше желание использовать только игровые ники.

— А это я и есть, — повар развёл руками. Вид у него был смущённый. — Честно говоря, я и в реале Эдгар. Это же ничего?

— Все в порядке, Эдгар, — лучезарно улыбнулась Марина. — Твоя помощь будет оценена по достоинству.

Они зашли в одну из комнат, где на стенах, на полу, и всех прочих поверхностях

ворсились ковры.

— А это?.. — Эдгар как будто растерялся. — Этому Зергиусу точно грозит опасность?

«Так вот как зовут здесь котовьего вора!» — подумала Марина. А вслух сказала: — Ещё какая! Он не может выйти из игры без посторонней помощи, а Аделаида думает, что у парня квест такой, вот и вцепилась в него мёртвой хваткой.

— Мне показалось, что он совсем не нуждается в помощи. Больше того, он с ними добровольно пошёл, — пояснил свои сомнения повар.

— С ними — это с кем? — оживилась Марина. — Куда?

На лице повара читалась нешуточная борьба между обязательствами перед хозяйкой и совестью. Но, видимо, совесть все-таки перевесила, и он заговорил неуверенно:

— Ада сказала, что Эскобары... Ну, то есть, наверное, ваш папаша...

— Эдгар, он мне такой же папаша, как и тебе. Барон — непись, а мы сейчас уже не играем. Тут реальная жизнь человека на кону. Если Зергиус недооценивает опасность — это не значит, что его не надо спасать. Он новичок, понимаешь? Наверное, ещё просто не понял, что самому ему из игры хода нет. — Марина сделала ужасно серьёзное лицо.

— Ну если так, — повар вздохнул. — В общем, Ада, этот Зергиус и двое охранниц-неписей собрали продукты и ушли подземным ходом через ледник. Я думал, что они в квесте. Говорили про Эскобаров, про нападение на гарем. Я подыгрывал. Покидаться в вас картошечкой было весело, но вообще-то я человек мирный.

— Они говорили, куда пойдут? — перебил Андрей.

— Не прислушивался, — пожал плечами повар. — Они меня с собой звали, да я не пошёл. У меня скоро экзамен на шеф-повара, я тут тренируюсь. Не до квестов мне.

— Ясно, — вздохнул Андрей. — Ну, показывай, где тут этот подземный ход...

* * *

Идти в темноте было большой глупостью, и мы решили искать место для ночёвки. Но для этого всё равно была нужна хотя бы полянка.

Пришлось топтать. Аделаида шла первой и бурчала, что устала, что в длинном платье идти тяжело, что я пользуюсь её мягким характером и слишком много командую...

— Ну, так скажи мне, где твоё поместье и возвращайся? Мы сами дойдём, — предложил я. — А ты попозже приедешь, в карете.

Баронесса замотала головой, и двинулась дальше с лицом мученицы.

Она не хотела говорить мне, где находится поместье, решив, что я и так уже захватил в пути слишком много власти. А девчонки этой дороги не знали.

Однако шагов через пять в подол платья Аделаиды вцепился малиновый куст, и наша процессия встала.

Вася, он брёл последним, недовольно хрюкнул.

— А ещё ты можешь взять самый тяжёлый мешок, ты же хозяйка, — подначил я. — Ты даже можешь меня нести! Я слабый и беспомощный усладитель женщин!

Аделаида фыркнула и сдалась. Она пропустила вперёд охранниц и указала им направление, в котором следовало двигаться.

Пару раз мы останавливались, Мидора и Лярис падали на траву и слушали, приникая к земле, но преследователи отстали.

Дорога шла под горку, и шагали мы бодро. В какой-то момент я даже песенку затянул:

Мы идём, нас ведут, нам не хо-о-чется!

До привала ещё далеко!

Труп туриста в ущелье полощется,

Где-то там далеко-далеко!

Клюнул Дору жареный петух!

Мидора с Лярис мигом подхватили припев. Аделаида сморщила губы:

— Ты где такой ерунды набрался?

— Как будто ты в турпоходы никогда не ходила? — фыркнул я. — И в летний лагерь тебя родители на всё лето не сдавали?

— В летний лагерь сдавали, — вздохнула баронесса. — Может, из-за него я и гарем завела.

— Ты поди с вожатыми там крутила? — развеселился я. — Или сама была вожатой? Ай-я-яй!

Я вспомнил про “Пьяную помятую пионервожатую”, но и про ошейник тоже. И сумел промолчать.

— Не была я вожатой, — вздохнула Аделаида. — Страшная я была, и ноги у меня были толстые. Никто из мальчиков со мной не дружил и на танец ни разу не приглашали. Когда у нас устраивали танцульки, я потом весь вечер в кустах ревела.

— А гарем тут причём? — не понял я.

— Потом я выросла и стала вполне себе ничего, — пояснила Аделаида. — Тут многие себе игровую внешность приукрашивают, а я — примерно такая и есть. Только я теперь точно знаю, что мужчины — красивеньких любят. И теперь они у меня под сапогом! Все! Все!

Она в раздражении топнула ногой и... пропала.

И тут же тропинка подо мной начала рассыпаться на песок и ветки, и я закричал, проваливаясь в яму:

— Мидора! Лярис!

Охранницы шли по бокам от тропинки и в яму не свалились. Вот только в кустах ещё и засада сидела.

Раздался звон мечей, яростные крики девочек.

Мы с Аделаидой им уже ничем не могли помочь. Вылезти-то никак.

Яма была не очень большая, но глубокая, и я не мог достать руками до края. Вместе с нами в яму свалились и ветки, но тонкие и не пригодные для лестницы.

— Ну вот, — тихо и жалобно сказала Аделаида. — Теперь они нас поймают. И отыграются на мне, за весь мой гарем.

— Кто? — удивился я.

— Не знаю, — сказала Аделаида. — Наверное, Эскобариха с бандой. В этой игре всё совсем не по правилам! Никто не смел на меня нападать! Так не честно!

И она зарыдала.

Наверху закричала Лярис. Это был крик боли.

Я ощутил, как внутри меня всколыхнулась злость, всё тело подобралось, зрение

прояснилось, как в подземелье. Пальцы скрючились, превращаясь в когти.

Я зарычал, разбежался и, взлетел по отвесной стене ямы шагов на пять. А дальше вцепился пальцами в корни растений, рванулся и вылетел на поляну!

Перед ямой Мидора и Лярис, спина к спине отбивались от дюжины мечников совершенно разбойничьего вида.

Одежда была на них разномастная, околосредневековая. Из защиты — на ком кольчуга, на ком кираса или просто стёганная рубаха.

Мечи у них были короткие, однако орудовали они ими ловко: плечо у Лярис уже пересекала окровавленная царапина.

Меч, говорите? Не пробовал?

Яша во мне оскалился и прыгнул на ближайшего противника, сбивая его с ног, а я выхватил оружие.

Не умею, говорите, мечом?

Я распрямился над поверженным телом и швырнул меч, словно метательный нож, в толстяка, который наседавал на Мидору.

— Он вылез! Вылез! Слава Закату! — заорали мечники, увидев меня.

И всем скопом полезли в драку.

Они были странные. Небольшого роста, самый высокий — на полголовы ниже меня. И трупы их вообще не пугали.

— Васька! — заорал я, не понимая, куда подевался индрик-зверь. — А ну сюда, скотина ленивая! Дави их! Мидора, Лярис, прикрывайте меня со спины!

И врубился в жидкий строй нападавших, размахивая мечом как придётся и сбивая с ног сразу двоих.

У третьего я выхватил меч, четвёртому врезал лбом в лицо так, что кровь брызнула во все стороны.

— Васька-а!

Сзади донеслось возбуждённое хрюканье. А потом мимо меня пронёсся индрик-зверь, как танк расшвыривая нападавших.

— Что, съели?! — заорал я, увидев, что на ногах уже только пятеро. — Кто вы такие? Чё вам надо?

Кусты заволновались, и оттуда появилось ещё полдюжины мужичков с мечами и копьями.

Индрик-зверь развернулся и стал не спеша наступать на них, наклонив рогатую голову.

Мужики были без щитов, а потому выставили копья и стали так же медленно отступать под защиту кустов.

Схватка застопорилась, и я наконец смог рассмотреть нападавших.

Они были похожи на неписей, все какие-то одинаковые, стриженные под горшок. А вот оружие было разномастное — у кого-то короткий меч, типа гладиуса, а у кого-то — натуральное мачете или казацкая сабля.

— Сдавайся, Закат тебя раздери! — донеслось сзади.

Это очухались те, кого раскидали мы с Васей.

— Зергиус! Там кусты шевелятся! — закричала Мидора. — Там ещё кто-то в кустах! Я не вижу! Темно!

Я обернулся. Яша и в темноте видит не хуже, чем днём, и я надеялся разглядеть новых нападающих.

И вдруг света стало больше, и глаза заломило.

Я прищурился, смаргивая слёзы, и увидел, как из-за деревьев выходит колдун, что надел на меня ошейник.

Он злобно скалился и держал на ладони пылающий шар.

Глава 18. В которой в плен попадают примерно лишь все

— Это ракета НАСА?

— Конечно, наса ракета. Сья же есё?

Я, признаться, просто офигел от этого зрелища.

Одно дело в кино смотреть на всякие файерболы, а тут... Стоит настоящий живой человек, и просто держит огонь в руке!

Нет, я знал, конечно, что это игра и всё тут не по-настоящему. Но в этот момент забыл. А сознание привыкло доверять органам чувств, и всё в лесу казалось мне совершенно реальным: бандиты, кровь на плече Лярис...

И вдруг — такое!

Я остановился в полном смятении.

А ещё я вспомнил, что именно этот колдун безо всяких огненных шаров управлял мною, да так, что я и пикнуть не мог. И ошейник он мой напялил на крысу. И уменьшил его.

Колдун тоже стоял себе спокойненько и с ухмылкой глядел на меня. Явно тоже узнал.

Файербол неспешно катался по его ладони, а иногда даже подпрыгивал сантиметров на десять, ненадолго зависал в воздухе и снова опускался, тревожно потрескивая.

Страшно было подумать, что колдун может с нами сделать, если даже с огнём так управляется!

А вот фиг ему!

Я вспомнил, что блестящие предметы как-то там действуют на мозги, облегчая гипноз, и с трудом, но отвёл глаза от пылающего шара.

Ничего хорошего не увидел: Дора и Лярис замерли, словно восковые статуи. Мужики вокруг тоже не двигались, они стояли с оружием наизготовку, глядя на индрика.

На индрика гипноз не подействовал. Он сердито рыл копытистой лапой землю и хрюкал, собираясь пощупать рогом колдуна. Похоже, подземного зверя раздражал яркий свет файербола.

— Ты зверюшку-то свою успокой, раб? — недовольно сказал колдун, перебрасывая шар на другую ладонь.

Ошейник на мне ожил, сжался — и снова отпустил. Очень недвусмысленно.

— Сам ты — раб, — зло огрызнулся я и заорал: — Вася, фас! Куси его!

Индрик взревел, повернулся всей тушей и поскакал на колдуна. Морок упал с мужичков, и они с воплями устремились на моих девчонок.

Колдун швырнул огненный шар в Васю, но не попал. Зато в кустах полыхнуло, и столб пламени поднялся до макушек сосен.

Колдун взмахом руки потушил волшебный огонь. В ладонях у него тут же вырос ещё один шар. В три раза больше прежнего!

— Испепелю! — заорал он.

— Вася, беги! — крикнул я, бросаясь колдуну наперерез и размахивая руками, чтобы отогнать индрика.

Мы встали друг против друга. Колдун грозно перекатывал свой шар по ладоням,

пылающий и страшный.

А Вася...

Я услышал, как за спиной кто-то с треском ломится сквозь кусты.

Бедный зверь испугался такого большого огня. Как бы он вообще не ослеп ото всех этих вспышек.

Завизжала Мидора, потом Лярис. Похоже, мужики схватили девчонок.

— Сдавайся! — прошипел колдун. — Иначе мы их убьём. Мы умеем убивать рабов. Они умрут, и никогда не станут людьми.

Проклятая игра!

Неужели мерзкий колдун работает на Эскобаров?

А как же он тогда завёл свою комнатку у Аделаиды в гареме? Он же деньги брал!

Продажная тварь!

Ошейник сжался на моём горле, как рука великана.

— Сдавайся! — повторил колдун!

Я ощутил, что ноги у меня подкашиваются. Он бы просто меня задушил. Пришлось прохрипеть:

— Сдаюсь.

Но я успел скрестить за спиной пальцы.

Это же игра? А со скрещёнными пальцами сдаваться нещитово. Так я и сдался немытому колдуну! Удери при первой возможности!

Колдун торжествующе осклабился, и невидимая рука на моём горле ослабла.

Я обернулся. Мужики суетились вокруг Лярис и Мидоры, забирали оружие, связывали беспомощно обвисшие руки девочек.

Пришлось подступить к колдуну:

— Ведь вам только я нужен, верно? Отпустите хотя бы девчонок?! Зачем они вам сдались?

Колдун хмуро зыркнул и отбросил файербол через плечо. Тот отлетел метра на полтора и с лёгким хлопком взорвался, осыпая траву искрами. Как фейерверк.

— Это рабы, — пояснил колдун хмурясь. — Мы решили, что возьмём рабов из мёртвого города, чтобы сделать из них живых людей. Это милостивее смерти.

— Чего? — обалдел я. — Это почему наш город — мёртвый?

— В нём нет ничего живого, — пожал плечами колдун. — Если мы берём ваш хлеб, он не насыщает воинов, если берём ваш овёс — наши кони отворачиваются от него. Но если мы берём ваших рабов, со временем они становятся живыми людьми. А вот мертвецов, вроде тебя — мы не берём.

— Ну тогда и меня отпустите, если не нужен! — нагло заявил я.

— Ты — не такой как все. Правителю будет интересно взглянуть на мертвеца, для которого закрыта дверь вашего мира. На мертвеца-раба, что носил ошейник с глазом!

— Так мой ошейник исчез!

Колдун рассмеялся:

— Ты не только мёртвый, но ещё и глупый!

Ага, значит, ошейничек-то мой он прикарманил, обманув меня фокусом с крысой!

— И куда ты хочешь меня вести? — Я понял, что колдун начинает меня бесить. — Где сидит ваш правитель?

— В городе, разумеется. — Колдун посмотрел на меня, как на дебила. — В нормальном

живом городе. Ты — мёртвый человек, мы не выпускаем таких за границы вашего города. Не пускаем в свои города. Но ты не такой, как другие мертвецы. Возможно, ты тоже можешь стать живым, если этого захочет Закат.

— Бред какой-то, — рассердился я. — Ты работаешь на Мурену Эскобар?

— Я служу Закату. — Колдун торжественно сложил на груди руки. — Ибо грядёт смерть, и скоро будет великая битва.

— А зачем тогда вы напали на нас?

— Вы сами напали на гвардейцев при исполнении. Осквернили их дурным мясом грязного животного.

Это он, что ли, про колбасу? Значит, в лесу на нас напали эти же мужики?

Колдун указал на два мёртвых тела, что его люди укладывали на сделанные из жердей носилки.

— Только двое успели очиститься сегодня от скверны. Хорошо, что и ваше грязное мясо — ненастоящее.

— Так это не вы на нас, а мы на вас напали? — возмутился я. — Да не было такого!

— Го? — позвал колдун.

Чернявый мужичок в кольчужной рубашке выскочил как из-под земли.

— Мы патрулировали мертвецкий город, — доложил он бодро. — По периметру бродили, значит. Я только пристроился, чтобы отлить. Глядь, дамочка из городских мертвецов бежит по тропе прямо куда не надо, в самую нашу чашобу, куда, по повелению правителя, мертвякам ходу нету. А эта рабская девка с арбалетом её преследует. Мы начали девку-рабу окружать, добыча-то верная, границу она нарушила, а тут вторая раба подоспела, и этот странный мертвец на звере примчался...

И тут я сообразил, что произошло недоразумение. Эти неписи были из какого-то другого квеста! Они нас с кем-то попутали!

Я выдохнул. Главное, что они не от Эскобаров!

— Вы всё не так поняли! — радостно сообщил я колдуну. — Да и мы тоже! «Дамочка», как вы её назвали, это её светлость Аделаида Бейнвольская. И никто её не преследовал. Она побежала, потому что случайно испугалась моего зверя, а девушка-телохранительница её сопровождала, чтобы не заблудилась и не обидели. А мы подумали, что это вы на них напали, и бросились на помощь. Её светлость сама подтвердит! Она вот там, в яме. Её надо вытащить!

Колдун выслушал мою пылкую речь с непроницаемым видом и повернулся в сторону ямы, где ждали дальнейших указаний мужики, уже связавшие охранниц.

Видок у них был самый что ни на есть разбойничий. Тоже мне, гвардия!

— Достаньте из ямы мёртвую! — повелел колдун.

Один из мужиков сделал пару шагов к краю, заглянул вниз и недоуменно пожал плечами:

— Господин Раст, — обратился он к колдуну. — Никого нет!

Я подбежал к яме и посмотрел вниз: там действительно было пусто.

В первый момент я вообще не мог понять, что произошло, а потом вдруг как понял!.. Едва не заматерился!

Проклятая блондинка! Она вышла из игры и бросила нас на произвол всех этих неписей!

Господи, если ты есть! Пусть Аделаида в реале столкнётся с той, рыжей, и они повыдирают друг другу лохмы!

Я бросился к колдуну.

— Ну вы же работаете на Бейнвольскую, правильно? Значит, вы всё равно сможете всё узнать непосредственно от неё. Потом, когда вернётесь в город!

Раст выслушал меня без особого интереса.

— Мы не работаем на мертвецов, — сказал он. — Мы лишь принимаем знаки их власти, чтобы они не нарушали наши границы.

Я попытался апеллировать к его совести, но колдун отмахнулся и скомандовал своим людям:

— Возвращаемся!

Отряд змеёй вытянулся по тропе. Я шагал во главе, сразу за колдуном, освещавшим дорогу своими огненными шарами. Лярис и Мидора тащились в самом хвосте, их стерегли трое дюжих мужиков.

Меня к девчонкам не подпустили.

Ну, ничего. Потом колдун всё равно разберётся, и нас отпустят. Всё же Аделька здесь баронесса, а не хухры-мухры. Да и вообще мы из другого квеста.

Придумали тут... Мертвецы... Бредятина.

Руки мне тоже связали, и идти со связанными руками было ужасно неудобно.

Как же мне убежать?

Погоди-ка! Снять ошейник может только колдун. Если он не из нашего квеста, отчего бы не попробовать склонить его на свою сторону хотя бы в этом? За спрос денег не берут!

Я прибавил шаг и поравнялся с фигурой в чёрном балахоне:

— Господин Раст, разрешите обратиться?

— Чего тебе, раб? — обернулся он.

— Я не раб. Это недоразумение. Ошейник на меня нацепили обманом! Да вы же и сами почувствовали, что с ним что-то не так!

Колдун бросил на меня колкий взгляд и подтвердил:

— Сильно не так. Мёртвые не носят ошейники, через которые за ними следят.

— Ну вот, я про это и говорю! Вы ведь можете избавить меня от ошейника, правда?

Я даже дыхание затаил, ожидая ответа. Ненадолго, правда: шли мы быстро, и воздуха не хватало.

Колдун размышлял. Не отказал сразу — это дарило надежду.

— Снять ошейник — это работа, — наконец проговорил он. — Сложная. Я не занимаюсь частной благотворительностью.

Я обрадовался. Всё-таки это была надежда.

— Благодарю, господин Раст! Я отработаю, не сомневайтесь!

* * *

Когда Зергиус неожиданно быстро и ловко выбрался из ямы, Аделаида обратила, наконец, внимание на раздражающий звон в ушах.

Сначала она подумала, что посторонний звук слышит из-за удара об землю, всё-таки яма была глубокой, повезло, что рук-ног не сломали. Но оказалось, это пицит вызов её интерфейса.

Открыв панель, она увидела секундомер и предупреждение, которое большими красными буквами перечёркивало игровое меню: “Критическая ситуация. Активирован протокол “Возврат””.

Секундомер показывал, что обратный отсчёт уже начался.

Бейнвольская мысленно выругалась. Она и забыла, что настроила портал, который должен был сработать, если её жизни будет грозить опасность. Только вот сейчас это было совсем не кстати.

— Да отключайся же ты! — Аделаида безуспешно давила на кнопку отмены — она уже перешла в режим “заморожено”.

Сверху раздавались звуки битвы, крики и рычание странного зверя-индрика. Аделаида несколько раз громко позвала охранниц по именам, но её никто не услышал.

А потом раздался хлопок, и Бейнвольская шлёпнулась пятой точкой на кровать с балдахинном в одной из спален на втором этаже своего городского дома.

Апартаменты казались нетронутыми, хотя она была уверена, что неписи уже сдались противнику. Может грабителям хватило той добычи, что они взяли на первом этаже? Или (Аделаиду прошиб холодный пот) грабители все ещё в здании!

Баронесса осторожно подошла к двери и прислушалась. Вроде тихо.

Она вышла из комнаты, подошла к лестнице и стала медленно спускаться вниз.

Подол её грязного изорванного платья печально полз за нею по ступенькам. Что же она не переделала сначала?

Когда до конца лестницы оставалось всего ничего, Аделаида услышала негромкие голоса:

— Разбирать завалы мы уж точно не будем. — Это был голос Эскобарихи.

Ей ответил мужчина:

— Если их завалило, то выкинуло из игры.

Голос мужчины был смутно знакомым, но Аделаида никак не могла его вспомнить.

— Ну и как нам тогда найти этого тестировщика, мать его? — продолжал голос. — А если он помрёт там, в своём ящике? Раз ты говоришь, что он тут — на других условиях, так, может, и после завала его не выкинет из игры?

— Ну и дура эта Аделаида! — в сердцах выпалила Эскобариха. — Заигралась в госпожу, а человеку реальная опасность грозит!

Бейнвольская вспомнила рассказ Зергиуса и почувствовала, что краснеет.

“Так он ещё и преуменьшал опасность? Ох уж эти мужчины... Откуда ж мне было знать?” — подумала она и приняла решение выйти из своего укрытия.

Баронесса преодолела последние ступеньки и вошла в гостиную.

Посреди комнаты стояли двое: Мурена и тот, кого она с ней увидеть не ожидала.

Сердце у Аделаиды сначала забилось сильно-сильно, а потом бух — и провалилось куда-то вниз.

Он обернулся к ней, а Эскобариха даже направила на неё свой магический жезл.

— Стойте, — Аделаида выставила перед собой руки. — Я без оружия. Стоп-игра! Давайте обсудим...

Мурена опустила жезл.

— Конечно-конечно, — сказал Андрей, обаятельно улыбаясь. — Иди к нам, и мы всё с тобою обсудим!

Чем дальше мы забирались в лес, тем страннее мне казалась ситуация.

Если до этого момента ещё можно было предположить, что всё вокруг игра, то сейчас происходящее стало больше похоже на обострение алкогольного психоза.

Мертвецы какие-то? Я — мертвец? Бр-р...

Ну и мирок! Зачем меня только сюда запихали! Если это у нас, в России, подобное создали, то такой проект наверняка денег немалых стоит. Я о такой реалистичной виртуалке даже не слышал никогда, не то чтобы играть.

Хорошо, что я не геймер. Я — мебельщик!

Может, мне этому колдуну предложить стол сколотить? Или это я тоже уже спятил тут с ними со всеми?

Знать бы ещё, зачем я здесь, и как выбраться?

“Яша? — прошептал я умоляюще. — Яша!”

Но противная ящерица просыпалась исключительно сама по себе. А ведь сейчас можно было как кинуться в темноту, как...

Вот только ошейник...

У мужиков с мечами на поясе, что сопровождали меня, были такие суровые рожи. А маг этот, Раст, сделался такой надменный и неприступный.

Совсем не таким он был у Бейнвольской, скотина хитрая.

Я обернулся, ища глазами девчонок, но они сильно отстали. Попытался снова обратиться к магу: тот даже ухом не повёл. Тогда я повернул голову к одному из этих нелепых гвардейцев и спросил:

— Долго ещё идти?

— Прилично, — нехотя отозвался стражник. Было видно, что болтать с пленником в его планы не входило, но идти ему скучно.

— А куда мы вообще идём, если не секрет? — рискнул поинтересоваться я. — Где он сидит, ваш правитель?

— Известно где — в городе, — Мужик сплюнул на дорогу, мол, так ему противно со мной говорить, что тьфу!

— Но город в другой стороне, — возразил я.

— Это ваш город в другой стороне. Мёртвый. А мы в наш идём, — сквозь зубы процедил стражник, выделив голосом слово “ваш” и “наш”.

Я задумался. Какой такой наш-ваш? Тут что, два враждующих клана в игре?

И почему мужики заладили про то, что наш город — “мёртвый”? Может, готовятся на него напасть и поубивать всех? И потому мы у них заранее мёртвые?

Что, черт возьми, тут вообще происходит?

Я прислушался к себе. Ни варана, ни Рыжика я в себе не чувствовал, а значит, посоветоваться было не с кем.

Где же вы, когда вы так нужны?

Мы всё шли и шли, и через недолгое время я увидел, что на востоке забрезжил свет.

Это что же получается, мы всю ночь шли? Или здесь просто ночи такие короткие? Как стемнело, может быть, час прошёл. Ну, или два.

Хотя, если это игра, то такое, наверно, возможно.

Я решил ничему не удивляться, а то пока рот раскроешь, тебя кто-нибудь по башке стукнет.

Го, мужик, что командовал караулом, крикнул: “Привал”, и я устало повалился на траву. Виртуал виртуалом, а ноги я стёр по-настоящему. Обувь-то — с чужой ноги.

Кто-то сунул мне в руки флягу с водой, и я жадно приник к горлышку.

Сидевшие рядом стражники закурили вонючую дрянь. Синий дымок от неё вился кольцами и потихоньку растворялся в сыром утреннем воздухе.

Раста я потерял из виду, но потяжелевший ошейник намекал, что колдун где-то рядом.

Я вернул стражнику флягу, и заметил в кустах подозрительное шевеление. Зрение у меня сейчас было человеческое, но мне показалось, что я различил знакомый рогатый силуэт.

Неужели Васька? Не бросил, дружище! Идёт следом, не нападает. Понимает, зверюга что с колдуном у него нет шансов справиться.

Я приободрился. Васька: хоть и дикий зверь, но сильный и умный. А такой союзник мне сейчас не помешает.

Что же делать? Раз я мертвец — может, трупом прикинуться? Но что если колдун разозлится и додушит меня?

А может, пусть душит? Может, умерев, я выйду наконец из этой дурацкой игры?

Аделаида же куда-то исчезла из ямы? Наверное, сидит сейчас в “Магнетик инк”, пьёт кофе и ржёт надо мной.

Может, набраться смелости и в самом деле попробовать тут убиться?

Глава 19. Эх, дорога...

— Яша, надеюсь, вы понимаете, шо после "этого", как честный человек, вы просто обязаны на мне жениться?

— Софочка, мне, таки, очень жаль разочаровивать ваше, лестное мнение за мою честность...

— Да вы что себе позволяете? — верещала Аделаида Бейнвольская, пока Андрей связывал ей за спиной руки.

Марина молча стояла рядом.

— Ты — та ещё змея, Аделаида! — Андрей проверил узлы. — К тебе никакого доверия нет.

— Я же сказала, что жив ваш Зергиус, но его схвати-или, — ныла баронесса, даже не пытаясь вырваться. — А я не знаю — кто-о...

— Ага, рассказывай! — усмехнулся Андрей. — Небось спрятала его где-нибудь в тайном укрытии. У, похотливая жаба! Мало тебе! Вон у тебя какой здоровенный гарем из неписей, но тебе надо нормального игрока туда запереть!

— У меня в гареме не только неписи! Просто сегодня рабочий день кончился, они по домам разбрели-ись!

Баронесса уже чуть не плакала, но Андрей только поморщился:

— Вот-вот, ещё и извращенцы.

Связав Аделаиду, он повернулся к Марине:

— Давай завал разгрести? А если она не врёт, и его там нет... Ты в городе лучше меня ориентируешься. Как считаешь, где его искать? Ты бы сама, куда человека спрятала?

— Ты нас не равняй, — фыркнула Марина, — Если бы мне надо было спрятать человека, я бы попросила Мальвину или Лоринду пристроить его в своих домах. Ну или к тебе привезла бы. А у баронессы Бейнвольской друзей нет. Вот, разве что... в загородный дом увести могла. Говорят, есть у неё такой. Идеальное решение: сама здесь и вроде как знать ничего не знает, а если прижмут, скажет, мол, раб сбежал или похитили.

— Что она и сделала! — подытожил Андрей, взглянув на пленённую баронессу.

Аделаида даже зашипела от бессилия. Ну как этой упёртой парочке объяснить, что Зергиус в реальной опасности?

Рассказать его историю? Так он же ей, вроде, доверился, а эти трое — враги. Это они сейчас говорят, что хотят спасти новичка, а что у них в головах — даже начальство не знает.

А если про мужиков в лесу рассказать? Нет, не поверят. А если про индрика — тем более не поверят! И время терять нельзя.

Что бы там не думали Андрей и Марина, Аделаида совсем не хотела, чтобы Зергиус пострадал. Она же не знала, что всё так серьёзно. Все эти рассказы его про железный ящик казались немного игрой. Они же все в игре, квест...

И вдруг...

Аделаида выпрямилась, приосанилась. Она знала, что иногда самая прямая дорога к правде — враньё.

— Нет его под завалом! — презрительно сказала она. — Мы успели проскочить. Потом я вернулась, а Зергиус с охраной поехали дальше, в мой загородный дом. Только вам его не

найти!

Марина быстро проверила интерфейс и сказала Андрею:

— У меня на карте нет такого маркера. Дом скрыт, похоже.

— У меня тоже скрыт, — буркнул он и обратился к пленнице: — Сама отведёшь?

— Ну, вот ещё! — Аделаида гордо вскинула подбородок. Если сразу согласиться, они почувствуют подвох. Надо подождать, пока угрожать начнут, и уже тогда...

Долго ждать не пришлось. Андрей в задумчивости пожевал губами, а затем тихо сказал:

— Значит так. Или ты сейчас ведёшь нас к этому игроку, или мои люди разгонят всех твоих мужиков к ядрёной фене, да с таким треском, что больше никого не уговоришь. Будешь тут с одними неписями кувыркаться!

— Не надо! — воскликнула баронесса, не на шутку перепугавшись. Угроза оказалась куда весомей, чем можно было ожидать. Этот ненормальный Андрей действительно мог за несколько минут перечеркнуть труд нескольких месяцев. — Я покажу дорогу!

— Не покажешь, — сказал Андрей наставительно. — А сама отвезёшь нас, лично!

Аделаида опустила голову, не в силах выдержать его тяжёлый взгляд:

— Ладно, — выдавила она. — Отвезу. Только туда в карете не проехать. Седлайте лошадей.

* * *

Солнце вставало стремительно, словно им выстрелили из пушки.

Разномастные гвардейцы попадали на колени и стали громко молиться, повернувшись к светилу спиной.

— Пусть скорее наступит Закат нашего грешного мира! — орали они. — Пусть все поскорее умрут и возродятся лишь те, кто достоин! Уйди, Восход, приди, Закат!

Бред какой-то. Какой жуткий махровый бредище.

— Отче наш, иже еси на небеси, — прошептал я. — Если ты есть, ну пожалуйста, хоть ты вытащи меня отсюда, а?

Однако вытаскивать из игры меня никто не собирался: техподдержка, наверное, разбрелась по домам, а у бога уже сто лет как шла не приёмная вечность.

После молитвы мы снова тронулись в путь. Сначала я крутил головой по сторонам, выискивая Васю, но лишь однажды заметил шевеление кустов возле тропы. Был это индрик или другой какой-нибудь зверь — непонятно.

Завтракать мужики не стали, и жрать я хотел, как крокодил. Вроде бы, ужинал вечером, но, наверное, организм подстроился под игровое время и с рассветом потребовал новой еды. Ну, или мне не хватило той вкуснящей яичницы в доме Аделаиды.

Мужик в короткой драной кольчуге, что шагал впереди, жевал на ходу. Я поглядывал на него и только слюни глотал.

Вот он в очередной раз запустил руку в сумку, висевшую на боку, и потащил кусок в рот. Но тот разломился, и немного упало в траву.

К счастью, руки у меня были связаны перед грудью. Я наклонился и поднял что-то, похожее на обломок сухой лепёшки, только совсем не съедобной на вид.

Обломок был, примерно, с половину спичечного коробка, пористый, как пемза, а на

ощупь — словно затвердевшая замазка. Да и цвет был неприятный — коричнево-серый.

Я бы не стал пробовать, если бы не понюхал. Пахло съедобным, и я решился. Откусил чуть-чуть и начал жевать.

К моему удивлению и радости лепёшка оказалась хоть и не слишком вкусной, но вполне съедобной — что-то вроде грубого хлеба, только без соли.

Уже не колеблясь, я засунул в рот весь обломок и заметил напряжённый взгляд колдуна. — Мёртвые не должны есть пищу живых! — провозгласил он строго.

Я только сейчас заметил, что Раст как-то резко схуднул, глаза ввалились, и балахон висел на нём слишком свободно.

Ещё отберёт! С него станется...

Я торопливо высыпал в рот последние крошки, проглотил и только тогда спросил:

— А почему?

Не то, чтобы мне это было интересно, но я как-то по телеку слышал, что заложники должны разговаривать с похитителями, типа налаживать контакт, и подумал, что и в моём случае это будет не лишним.

Раст посмотрел на меня, как на слабоумного:

— Нас не насыщает ваша еда, я же говорил. А мёртвым, значит, не подходит наша.

В его словах был смысл, и я на всякий случай прислушался к организму.

Но организм был сыт и уже радостно захотел спать.

Не знаю, как насчёт «подходит», но я не просто наелся этим крохотным кусочком, а чувствовал себя слегка обожравшимся, будто только поднялся из-за праздничного стола.

— Вроде нормально пошло, сытно... — неуверенно пробормотал я.

Колдун оглядел меня неприятным таким взглядом, оценивающим. На рынке меня так осматривали. Потом отвернулся и снова прибавил шаг.

Может, я сказал что-то лишнее? Может, зря ляпнул, что сыт?

Если меня можно накормить одним крошечным кусочком, значит, содержание такого раба почти ничего не стоит. Кто ж меня теперь так просто освободит?

И кто только меня за язык тянул, а?!

Я ужасно расстроился, а тут ещё лопнула кожа на стёртых ногах, и каждый шаг стал отзываться жгучей болью.

Я сначала замедлился и стал отставать от колдуна, а потом остановился, сел и освободился из обуви. Подрыгал ногами, и башмаки разлетелись по траве.

Мужики, идущие сзади, догоняли и обгоняли меня. Большая часть прошла мимо, но человек пять столпились вокруг, разглядывая мои окровавленные ноги.

А тут и Го подоспел, он шёл замыкающим.

— Живей! — прикрикнул он на меня.

Я огрызнулся:

— Не могу больше, хоть на мелкие кусочки режьте!

Резать меня не стали. Го заорал:

— Господин Раст!

И отряд остановился.

Подошёл колдун. Посмотрел на мои ноги, скривился как от лимона:

— Чего раньше молчал? Мёртвые ещё глупее, чем я думал!

И тут мои ноги словно кипятком ошпарило. Я вскрикнул и вскочил, с ужасом глядя на них.

Но ничего ужасного не случилось. Наоборот, там, где сочились кровью сорванные мозоли, ярко розовела молодая кожа.

Я, не веря своим глазам, наклонился и потрогал её, а потом осторожно пошевелил пальцами ног.

Жар постепенно уходил, и в тело вливалась бодрость.

— Обувайся и марш вперёд! — недовольно скомандовал колдун. — И так столько времени потратили на тебя!

— Спасибо, господин Раст, — от души сказал я ему в спину.

Ошейник сдавил горло, поторапливая, и моя благодарность быстро сменилась досадой и злостью.

Пришлось торопливо засовывать ноги в неуклюжие башмаки, а обуваться со связанными руками труднее чем разуваться, и догонять колдуна.

Только тогда хватка ошейника ослабла, давая вздохнуть полной грудью.

Я отдышался и стал раздумывать, с каким разговором можно подступиться к Раству, чтобы снова не обозлить.

Ничего в голову не приходило. Эх, не силён я в дипломатии, сюда бы Рыжика!

Тем временем лесная тропа вывела нас на опушку. Впереди было поле, засеянное метельчатыми злаками, вроде проса, а за ним возвышалась мощная крепостная стена.

Я захлопал глазами: город был близнецом того, из которого мы сбежали.

Может, имелись небольшие различия, но ничего существенного я не заметил, разве что моря тут не было, зато рядом протекала река.

Мы пошли через поле по утоптанной грунтовой дороге.

Когда весь отряд вышел из леса, я стал оглядываться, надеясь увидеть Дору и Ля. Но, похоже, их повели в другое место.

Не заметить охранниц я не мог: девки были крепкие, рослые, гораздо выше здешних маломерков.

Только один мужик отличался от остальных высоким ростом и светлыми лохмами. Шёл он в самом хвосте, и рассмотреть я его толком не смог.

Зато на опушке в стороне от тропы я высмотрел на фоне светлой зелени чёрное пятно: индрик провожал меня, но на поле выходить не стал.

Когда весь отряд подтянулся и столпился перед воротами города, тяжёлые створки медленно распахнулись.

«Ну, ни фига себе!» — ошарашенно подумал я, увидев в просвет ворот городские улицы.

* * *

Они выехали из гарема вчетвером — Аделаида, Андрей, Марина и Пингвин.

Фашист, к сожалению, как сквозь землю провалился. Предположили, что тот по неосторожности погиб и может сейчас находиться на любой из точек респауна, а потому не стали задерживаться и двинулись в путь.

Андрей только оставил для Фашиста внутриигровое сообщение.

Аделаида быстро привела своих пленителей к злополучной яме, в которую упала вместе с Зергиусом, и остановила лошадь.

Андрей и Пингвин спешили, а Марина осталась сидеть на лошади. Так было проще осматривать местность.

Короткая игровая ночь ещё не закончилась, но свет луны, вышедшей из-за облаков, хорошо освещал лесную тропинку, поперёк которой была вырыта яма.

— Похоже на ловушку, — сказал Пингвин. — После того, как в неё кто-то попался, маскировать по новой не стали. Вот ветки валяются, они явно были навалены сверху, и в темноте можно было запросто навернуться.

— Это и есть ловушка! — заявила Аделаида. Она неловко спешила, помогая себе связанными впереди руками. — Вот тут они нас и поджидали. Их много было, такой топот был! Я вам говорила, а вы не верили! На этой тропе я видела свою охрану и Зергиуса в последний раз. Потом раздался звон оружия, крики, и Зергиус как-то сумел выскочить.

— Высоковато, — недоверчиво присвистнул Андрей. — Говоришь, он сам выбрался?

Пингвин подошёл к краю ямы и заглянул внутрь.

— Свежо предание, — продемонстрировал он знание классики.

— Я своими глазами видела, — заверила его Аделаида. — Прямо как... Как... Как ящерица взлетел! И жопой так же вилял! Наверное, сразу в бой кинулся.

— А ты, значит, смылась? — усмехнулся Андрей. — Бросила товарища в беде... Как не стыдно?

Бейнвольская вспыхнула, словно бенгальский огонь, разве что искры из глаз не посыпались:

— Да у меня “эвакуатор” сработал! Что я могла сделать? Драться я не умею! А если бы меня недоноски с той стороны в плен забрали?

Тут она прикусила язык, поняв, что сболтнула лишнего. Но Андрей-то был не глухой.

— С какой ещё “той” стороны? — спросил он, пристально уставившись на баронессу. — А ну, отвечай? Кто тут ещё влез? Что за группировка?

— Я не знаю, — испугалась его напора Аделаида. — Тут конец игровой карты, потому, наверное, “эвакуатор” сработал. Он у меня одноразовый. У меня усадьба у самой границы, чтобы никто ко мне не лез. Но иногда тут какие-то типы странные ходят. Наверно, они на нас и напали.

— Здесь везде трава вытоптана! — крикнула Марина. Она осматривала поляну около ямы. — Дерево обгорело! И кровь! Отряд был большой, здорово всё притоптали! И следы ведут дальше!

— Странно, — задумчиво сказал Андрей. — Но ведь эти игроки, которые ловушку устроили, должны были вернуться назад, в город?

— Может, они знают, где дача Аделаиды? — предположил Пингвин. — Туда и поёрлись?

— Если дом пустой, могли и туда, — согласилась Марина. — Далекое он?

— Уже совсем рядом! — заверила Аделаида.

— Тогда сначала проверим дом! — решил Андрей. — Вперёд, только осторожней. Тут могут быть другие ловушки.

Они объехали яму и двинулись по тропе.

Андрей поехал рядом с Аделаидой, чтобы продолжить расспросы:

— Так что за недоноски на вас напали? Кто такие? Неписи? Игроки?

— Похожи на игроков, только они низенькие такие, — тихонько рассказывала Аделаида, бросая на Андрея жадные взгляды. — Может... они с какого-нибудь китайского

сервера, потому им нельзя в наш город ходить? У меня дом на самом краю города... И усадьба прямо на границе карты... Ну и ихние иногда к нам приходили... м-м-м, поторговать...

Аделаида терялась, путалась в объяснениях, но Андрей видел, что она, скорее всего, не врёт. Гладко рассказывают как раз придуманное.

Марина подъехала поближе и прислушалась к разговору.

Насколько она знала, эта игра не разрабатывалась в другой стране, и никаких международных серверов не было предусмотрено. Или Пётр и Павел снова ей чего-то не договорили?

Вскоре и Пингвин подъехал поближе. Уж больно странно выглядели нападавшие, если верить описаниям Аделаиды.

— Китайский сервак? — недоверчиво переспросил он. — Это возможно. Но такой бесшовный переход из локации в локацию... Невероятно. — Он похлопал коня по шее. — Андрей, я, пожалуй, на случай ловушек, вперёд поеду. А вы — дистанцию держите.

Пингвин пришпорил коня и оторвался от основной группы, но вскоре остановился на развилке, поджидая.

— Нам куда? — спросил баронессу Андрей.

Аделаида показала на неширокую тропу, которая уже начинала зарастать травой:

— Мой дом там. Но никакой развилки здесь раньше не было!

Марина с удивлением уставилась на разветвляющуюся тропу. Травинки были так хорошо различимы, что она поняла — они пропустили рассвет.

Он подкрался тихо и незаметно. То ли прежнее, то ли новое солнце уже давно выбралось из-за горизонта, но из-за плотно стоящих деревьев его не было видно, просто вокруг постепенно светлело.

И вот теперь солнце поднялось над деревьями так высоко, что стало ясно: уже вовсю идёт игровой день.

«Интересно, солнце непрерывно движется по нарисованному небу, или в момент “ночь” время просто перезагружается, и солнце каждый раз новое?» — подумала Марина.

— А дорога направо, между тем, натоптана куда лучше, — отметил Андрей, тоже разглядывая тропу. — Опять врешь?

Аделаида жалобно глянула на него и замотала головой.

Андрей колебался, не зная, верить ей или нет, а Марина с удивлением приглядывалась к лесу.

Лес вокруг неизвестно откуда появившейся дороги и в самом деле был нетипичным для этой игровой вселенной.

Модели деревьев и кустов в городе и окрестностях были похожего вида и цветовой гаммы, но такой индивидуализации и «прорисованности», как здесь, Марина ещё не видела.

“Может, внедряют новый вид окружения? — подумала она, но эта мысль даже ей показалась не очень правдоподобной. — Или просто локацию расширяют?”

Она подъехала к Андрею, желая указать ему на эту особенность, но тот выслушал рассеянно, почесал подбородок, кивнул, и вновь повернулся к несчастной Аделаиде, которая выглядела так, что вот-вот заплачет.

— Ты сказала, что “с той стороны” ходят к нам торговать. Ты знаешь кого-то лично?

— Одного только. Он маг, помогал мне с... усмирением населения моего... гм, проекта.

— Да-да, помним мы твой “социальный” проект, — рассмеялся Андрей.

— Некоторые неписи иногда норовили покинуть мою локацию, — опустив глаза, пролепетала Аделаида. — Ну, и Раст предоставлял мне магические ошейники, чтобы привязать моих мальчиков к определённом месту. Он и Зергиусу ошейник менял...

Аделаида запнулась.

— Ошейник менял? Игроку? — удивился Андрей.

— Я знаю, как его найти! — вдруг выпалила баронесса. — Ошейник! На Зергиусе ошейник этого мага, Раста. Он магический, и на нём есть система слежения. Я попросила так сделать, чтобы знать, где мои... неважно! Мы можем попробовать отследить Зергиуса... Сейчас!.. Только руки уже развяжите, а?

Андрей хмыкнул и развязал верёвку.

Аделаида открыла видимый только ей интерфейс и принялась делать сложные пассы руками в воздухе.

— Вот! — Она развернула карту в формате трансляции.

Над головами четвёрки повисла полупрозрачная объёмная карта, на которой мигали синие точки.

Большая часть точек была сосредоточена в одном месте.

“Это гарем”, — догадалась Марина.

Лишь одна точка мигала на самой границе объёмного изображения.

— Вот он, Зергиус! — торжествующе указала Аделаида на точку, и та тут же погасла, скрывшись за границей нарисованной карты.

— Направление понятно, — кивнул Андрей и скомандовал: — Едем по новой дороге! Посмотрим, что за недоноски рулят у края карты.

* * *

Удивительно, но за створками высоченных ворот город оказался совсем не таким, каким я увидел его с поля.

Над воротами словно бы висела отвлекающая иллюзия средневекового города с ратушей и двух-трёхэтажными домами, а въехали мы в царство домов-башенок с красными и коричневыми крышами, похожими на шляпки грибов.

Одни башенки были высокими, в несколько этажей. Другие, и их было больше, напоминали домишки в два-три человеческих роста. И никакого фундамента я не заметил — дома словно бы росли из земли.

Эти забавные дома-грибы с окошечками и покатыми крышами тянулись от ворот вдоль широкой улицы из пружинящего покрытия, вроде коричневого асфальта.

Я только головой успевал вертеть, когда вдруг, вместо очередного “грибка”, увидел мрачное каменное здание с плоской крышей. Потом ещё одно, и ещё.

Получалось, с улицы домов-грибочков мы свернули на улицу каменных ящиков?

И ещё одна тайна — жители города. Дома-грибы казались пустыми или спящими. Я даже подумал, что ещё слишком раннее утро.

Но на топот и звон оружия из каменных домов тут же вывалили низкорослые темноволосые мужички с жёнами и детишками. Они смотрели на меня с каким-то недобрым интересом.

Я стал оглядываться и пропустил главное — местную тюрьму — такую же каменную, как и дома вокруг, и тоже с плоской крышей.

Тюрьма была окружена забором из грубо кованых прутьев, сквозь них был виден обширный тюремный двор с помостом, наверное, для палача. Только ворота оказались целиковые, и тоже железные.

— Ну вот и прибыли, — осклабился колдун, когда передовые воины остановились у железных ворот тюрьмы.

Я поморщился. Мне реально надоело сидеть по здешним тюрьмам.

— А что? — спросил я. — Иначе-то никак нельзя? Накормить там, например, в баньке попарить? Спать уложить? Я всю ночь не спал!

Колдун посмотрел на меня с удивлением.

— А разве ты воин? — спросил он.

Я тоже посмотрел на него с удивлением: за ночь Раст похудел вдвое! Из упитанного мужичка он превратился в поджарого.

Что это с ним случилось? Извёл пузо на своё огненное колдунство? Ну и ну...

— Конечно! — быстро соврал я. — Ошейник на меня надели враги. Я же сказал тебе, что не раб. Я гм... великий воин Зергиус из далёкого мира... — Эх, врать так врать! — Там, в своём мире, я был не только воином, но и правителем. У меня было десять жён, чёрный гелендваген и... И... — Я даже задумался, а о чем я всегда мечтал? В чём было моё человеческое счастье в моём родном мире? — И четыре квартиры, — добавил я. — С евроремонтом.

Глава 20. Воин

— Ужасная страна, ничтожные пенсии, никакой свободы!

— А кем вы работали?

— А что вы понимаете под словом "работать"? Мы не рабы!

Раст слушал меня с некоторым обалдением. Он, конечно, не знал, что такое евроремонт, но проникся уже самим списком неведомых благ.

— Ну, если ты воин... — пробормотал он, и мужички, внимательно слушавшие наш разговор, подступили поближе, разглядывая меня. — Тогда я дам тебе приют в своём собственном доме.

Я расплылся в улыбке: «А чё, так можно было? Сразу сказать ему, что я — воин — и опаньки?»

И чего же я раньше молчал? Это же игра! Ой я Ва-а-ся...

Раст сдержанно поклонился мне, а потом сказал буднично:

— Снимите с него верёвки! Скоро он сразится с двумя нашими лучшими воинами, и если победит обоих — отправится к правителю как достойный вельможа — на коне и с оружием.

Я ощутил, как холод охватывает руки и ноги, хотя руки мне как раз в это время освобождали от надоевших верёвок.

— А когда нужно будет сражаться? — спросил я, скрывая дрожь в голосе. — Я сейчас не могу. Я... не выспался.

— Ты успеешь отдохнуть, — пояснил колдун. — Сражение будет в полдень, сразу после того, как мы принесём в жертву богам одного из мёртвых.

— Из мёртвых? — испугался я. — Неужели он про Мидору и Лярис? Но Раст же сам говорил, что они не мёртвые и ещё могут ожить? — А кого? — спросил я, тщательно делая вид, что это не поджилки мои дрожат, а просто нога чешется.

— Вон того, беловолосого!

В этот момент железные ворота открылись, и мужички-стражники потащили в тюрьму высокого парня с копной светлых волос и сросшимися бровями.

— А-а, — протянул я, не узнавая его. Похоже, это был тот парень, которого я заметил на марше. — Этого можно. А как вы будете приносить его в жертву?

— Очень просто, — пояснил колдун. — Он же мёртвый. Мы отрежем ему голову, и он вернётся в свой мёртвый мир. А наш бог, Закат, поставит ещё один крестик. Вместе с богом Восходом бог Закат делит наш мир на белые и черные клетки, и они ставят крестики на чужое поле. Чёрные клетки — имущество бога Заката, белые — бога Восхода. Убьём мертвеца — и поставит наш бог в белую клетку свой крестик. А кончатся белые клетки — тут добро победит, и наш мир погибнет.

— Странное у вас какое-то добро, — пробормотал я.

— Уж, какое есть, — ухмыльнулся колдун и сделал приглашающий жест. — Идём в мой дом, воин. Мои слуги окажут тебе необходимые почести, омоют твоё усталое тело, напоят твои уста и накормят твой рот. Раз ты воин — тебе дозволено быть гостем в моём доме. Тем более что хлеб ты уже ел и не издох.

Раст весело зарысил по улице из каменных домов с плоскими крышами. И с десятков воинов двинулись за ним. Ну и я — тоже, уже с развязанными руками.

По дороге меня ждал ещё один сюрприз — на соседней улице снова были другие дома. Они походили на китайские пагоды, были разноцветными и весёленькими, и от улицы их отделяли заборы, за которым цвели деревья, похожие на яблони.

К сожалению, эту улицу я разглядел только мельком, мы не свернули на неё, а пошли дальше по каменной.

— А что это у вас с домами? — не выдержал я. — У ворот росли натуральные грибы, у тюрьмы...

Я чуть не сказал: “стояли гробы”, но кое-как сдержался. Вдруг колдун Раст обидится?

— А разве у вас не так? — удивился колдун. — В вашем настоящем подземном мире? Ведь ты же сказал мне, что воин?

Он пристально и нехорошо на меня поглядел.

— В подземном мире у нас вообще всё иначе, — пояснил я. — Дома у нас — выше самых высоких деревьев, крыши у них железные и покрыты замёрзшей водой. А в домах у нас вообще живут только воины. Остальные ютятся в коробках, прямо на улице.

Колдун испуганно вытаращился на меня.

— Какой безумно великий мир, — прошептал он. — Другие мёртвые нам никогда этого не рассказывали!

— Ну ты же сам сказал мне, что я — особенный! — быстро парировал я. — Так что у вас за дома?

— У самых ворот живут те, кто ходит за город охотиться и обрабатывать землю, это шуры, самые низшие из людей. В каменных домах живут воины. В ярких и самых красивых — колдуны и правители.

— И всё? — уточнил я.

— Есть ещё торговцы, — поморщился Раст. — Они живут в шатрах и тоже имеют право носить оружие. Проклятые торговцы!

Я хмыкнул: торгашей не любили нигде. И это мне было, наконец, хоть как-то понятно.

Дом Раста был недалеко от тюрьмы и такой же приземистый и мрачный.

Я почему-то подумал, что он живёт в весёленьком доме. Он же сам сказал, что колдуны и правители живут в таких, а я уже знал, что он самый настоящий колдун.

Как бы спросить, чтобы вопрос не выглядел оскорбительным?

— Господин Раст, вы же великий колдун, почему ваш дом, как у воина?

Он слегка насупился, но почти сразу снисходительно усмехнулся:

— Мёртвым этого не понять.

— Может быть, — согласился я, а сам решил, что, похоже, не такой уж он и великий.

Вероятно, среди воинов Раст может чувствовать себя крутым, а по сравнению с другими местными магами — так, мелкая сошка.

Это меня приободрило. Ненадолго. Пока не подумал, насколько здесь могущественны другие маги, если Раст, бросающий огненные шары, для них не авторитет.

В доме Раст со мной нянчиться не стал, а сдал старому хромому слуге.

Несмотря на увечье и возраст, это был могучий мужик ростом мне по плечо, как и многие из местных, но при этом чуть ли не вдвое шире.

Я, признаться, этому малорослику обрадовался. Сражения в мои планы не входили, и без надзора колдуна был шанс сбежать.

Магический ошейник осложнял это мероприятие, но я надеялся, что достаточно будет удалиться от Раста на некоторое расстояние — и он уже не сможет мною управлять. Ведь в гареме-то я никакой его власти не чувствовал.

Дом выглядел уныло. Меня провели по длинному коридору. С одной стороны были окна, с другой — занавешенные арки.

Там, где занавески отсутствовали, я увидел комнаты. Мебели в них почти не было, одни лавки, сундуки да циновки. И ещё странные штуки, что-то среднее между гигантскими катушками, на которые наматывают кабели, и тумбами для афиш. Только на них ничего не было ни намотано, ни наклеено.

Я заметил две такие катушки, но назначения их не понял, а у слуги спрашивать не стал, слишком мрачно и неприветливо он выглядел.

Для обещанного омовения меня перепоручили служанкам, но не симпатичным девчонкам, вроде Доры и Ля, а трём суровым жилистым старухам.

Ух, они за меня и взялись! Как начали мочалками драить!

Зато после мытья выдали чистую одежду, а то я вывозился в яме и поизорвался.

Рукава и штанины новой одежды были коротковаты, местные люди были пониже ростом. Но я обрадовался, что не буду теперь слишком отличаться от жителей города хотя бы одеждой и смогу удрать.

Потом слуга привёл меня в комнату-нишу с занавеской вместо дверей, где стоял низенький стол, накрытый на одного, и угрюмо спросил:

— Господин прикажет постелить постель? Прислать женщин?

— Стели, — согласился я и поинтересовался на всякий случай: — А что за женщины?

Нет, я, конечно, не то чтобы заглядываю под каждую юбку, но вдруг предложат что-нибудь интересное?

— Из тех, что вызвались прислуживать вам во время мытья, господин, — ответил слуга, недовольно зыркая на меня.

Мол, какие позарились, те и мыли.

Ну что ж, это было ожидаемо. Рыжик уснул, котяра ленивая, а без него девушки на меня и здесь реагируют примерно как дома.

В реальном мире на меня западала исключительно тёща. И совсем не в плане любви и ласки.

— Ладно, — разрешил я ему. — Стели, а баб придержи пока. Господин будет копить перед поединком мужскую силу.

Я сел за стол и стал разглядывать то, что мне принесли: серо-жёлтое хручево в миске и камень с кулак размером на широком листе вроде лопуха.

Ещё были вино и вода в высоких сосудах. Ну и пемзоподобная лепёшка — я обломок такой уже пробовал.

Выглядело всё это странно и не слишком аппетитно.

— А господин Раст говорил, мёртвым местную еду есть не положено, — сказал я в слабой надежде, что подадут что-то более привычное.

— Господин Раст сказал, что ты воин, — напомнил слуга. — Воинам можно есть пищу в любой земле. Их наша еда не убьёт, их боги — самые сильные.

Он достал из длинного сундука матрац, раскатал на циновке, покрыл дерюгой и сверху

положил пёстрое тканое покрывало. Даже подушки не дал, зараза.

От мрачных косых взглядов слуги мне стало неуютно. Здесь вообще все слуги такие или этот конкретный что-то имеет против меня?

Да и постель не манила. Похоже, что воин должен быть аскетичным.

Слуга закончил стелить постель и мрачно уставился на меня исподлобья.

Я торопливо сказал:

— Можешь идти. Со стола потом уберёшь.

Он вышел, задёрнув занавеску, а я с тоской оглядел стол и приступил к обеду.

Залез рукой в миску, достал кусочек, попробовал...

Хрючево на вкус оказалось вполне съедобным. Похоже на кашу, вроде перловой, вот только я терпеть не могу перловку, особенно не солёную.

Пожевав каши, я рискнул попробовать камень с листа. Тюкнул его, как яйцо, и он заблагоухал совершенно сногшибательно!

Оказалось, что под тонким слоем глины находилось запечённое мясо. Тоже несолёное, немного жестковатое, но неожиданно вкусное.

Съесть я смог меньше половины — и вновь почувствовал, что объелся.

Какая здесь невероятно сытная еда!

Вино я пить не рискнул, сделал несколько глотков воды. Вытер рот рукавом.

После еды стало клонить в сон, но я понимал, что спать нельзя. Умирать мне пока не хотелось, а назначенная битва сулила верную смерть.

Оставался побег. Тем более, что в моей комнате не имелось даже дверей, почему бы и не удрать?

Выглянул за занавеску — в коридоре никого.

Я уверенно направился к выходу. Если кто заметит, скажу что заблудился. Ну или ищу, где отлить.

Никто меня не остановил, и я беспрепятственно добрался до входной двери, закрытой на обычный засов.

Открыл, выскочил на улицу. Тоже никого! Прекрасно!

Дорогу я запомнил, тут и идти-то до городских ворот всего ничего. Другое дело, что там может стоять стража. Даже наверняка стоит...

Ладно, вовсе и не обязательно ломиться в ворота. Стена не так уж и высока. Осмотрюсь, может получится залезть на неё и спрыгнуть.

В этих оптимистичных размышлениях я прошёл по улице шагов десять, и вдруг ошейник начал сжимать горло. И с каждым шагом всё туже.

Я остановился, задыхаясь. Что же теперь делать? Вот же подлюка Раст, как заколдовал!

Прислонился к стене соседнего дома и замер, раздумывая. Вернуться? Вот же позорище! Сбежал, называется!

Город потихонечку просыпался, похоже, мы и в самом деле приехали ранним утром, когда земледельцы уже ушли на работу, а воины ещё спали. Кроме тех, кто в карауле, разумеется.

Из дома напротив вышла женщина. Ушла. Потом появились двое детей лет пяти — мальчик и девочка, и стали играть прямо у дороги короткими палочками.

Потом девочка заревела, а мальчик смеясь убежал в дом.

— Ну и чего ты ревёшь? — спросил я её.

Девочка уставилась на меня чёрными круглыми глазами. В руке её были зажаты палочки и верёвка.

— Колодец! — сказала она, размазывая слёзы. — Поломался!

Я поманил её, взял палочки, повертел в руках.

— Колодец, говоришь?

Палочки были одинаковой длины и толщины. Наверное, они были связаны в виде детской игрушки — колодца. Я быстро сложил из палочек маленький колодец, перехватывая “бревна” верёвкой.

— Такой? — спросил я.

Девочка улыбнулась, протянула за игрушкой грязную руку.

Я отдал.

— Это мне? — спросила она, разглядывая игрушку. И подняла на меня чёрные бусинки глаз. — Ты подарил мне колодец?

— Конечно тебе! — улыбнулся я.

Девочка с сомнением поглядела на коротковатые рукава моей рубашки.

— А разве ты воин?

— Я воин из другой, далёкой земли! — уже привычно соврал я. — Меня зовут Зергиус. А вот одежда на мне чужая, моя изорвалась. Вот доберусь до своих и надену красивую одежду.

— А ты на мне женишься?

Глаза-бусинки смотрели так строго, что я рассмеялся. Ну что за дети, а? Придумают же.

— Конечно, женюсь. Вот вырастешь, будет тебе лет... Э-э, восемнадцать.

Девочка просияла улыбкой, стянула с пальца колечко и сунула мне. Я попробовал показать, что оно не залезет на мой палец, но кольцо растянулось и село как влитое.

Я дёрнул его — никак. Кольцо просто приросло ко мне. Я улыбался девочке, а сам исподтишка всё пытался его стянуть. Тщетно!

Девочка, оценив бесполезность моих усилий, прижала к пузу колодец и убежала в дом.

Огляделся: не видела ли мамаша?

Ну вот что это было, а? Какая-то детская игра, вроде “любит-не любит, плюнет-поцелует”? Никогда не понимал женщин!

Я пожал плечами и ретировался в дом колдуна.

Ну его, этот побег. Может, меня не больно убьют на этом проклятом поединке, и я очнусь в ящике рядом с Яшей вараном и Рыжиком за пазухой?

Скорей бы.

По дороге мне снова никто не встретился, ну и хорошо. Свидетелей такого “побега” мне на дух не надо.

Раздосадованный, я завалился на матрас, сунул под голову свёрнутую дерюгу и стал думать, что ещё могу предпринять, но почти мгновенно уснул.

Устал я ночью по лесу бегать. Ну, не железный я человек. Я из... Знать бы ещё, из чего.

Разбудил меня всё тот же хромой слуга — и пробуждение было нерадостным.

Я сразу вспомнил, что впереди меня ждёт жертвоприношение, а после поединок. А значит, и собственная смерть.

Вся разница, что того неизвестного мужика казнят сразу, а я ещё смогу немного размяться и побегать.

— Господин зовёт своего гостя, — важно сказал слуга. — Одежда для твоего поединка

готова.

Я даже не сразу сообразил, что гость — это я сам.

Переоделся в штаны и рубашку с нормальной длины штанинами и рукавами, трофейные, видимо, и потащился к колдуну следом за стариком.

К моей досаде Раст сразу спросил:

— Куда ты выходил и зачем?

— Город хотел посмотреть, — буркнул я. — У нас-то всё не так.

Он кивнул, сочтя объяснение достаточным и, ухмыльнувшись, спросил:

— Далеко уйти сумел?

— До соседнего дома, — нехотя признался я.

— Ну пойдём, посмотришь, что на соседней улице, — обрадовался колдун.

Ещё и подкалывал, гад!

Я помнил, что тюрьма была недалеко от дома Раста, но теперь мне показалось, что дорога к ней стала ещё короче.

Всего-то несколько домов до поворота — и вот оно, серое приземистое здание, окружённое кованым забором.

Пока шли, я думал о том, а не попытаться ли мне спасти белобрысого игрока? Это же больно, наверное, когда голову будут рубить? Неужели он и на такое подписывался как испытатель?

В тюремном дворе оказалось неожиданно много народу, целая толпа воинов при оружии, и я выкинул из головы дурацкие планы по освобождению узника.

На этот раз мужички были разодеты во всё лучшее и уже не напоминали толпу бандитов. Ну их всех на фиг. Даже с Яшей я не справлюсь с такою толпой. И вообще, это не настоящая казнь, а игра!

Повторил это себе несколько раз — немного помогло.

Перед колдуном расступались — и мы беспрепятственно прошли в первый ряд.

Я сначала подумал, что палачи — наверняка неписи. Кем надо быть, чтобы казнить беспомощного человека?

Впрочем, испытателями в подобные игры могут записываться и те, кто в реале стреляет в бродячих собак или метелит “недрузгов” после проигрыша любимой футбольной команды. В нашем мире это чревато, а вот в игре можно и оттянуться.

Раст сказал мне, что это должно быть жертвоприношение, а не просто казнь. Я покрутил головой, но ничего похожего на алтарь не заметил.

Толпа начала выкрикивать: “Закат! Закат”, и на помост вывели блондина со сросшимися бровями.

Руки у него были связаны за спиной, нос посинел и распух, глаза превратились в щёлки, но парень с презрительной усмешкой смотрел куда-то вверх голов.

— Закат! Закат! Пусть придёт твоя тьма! Пусть возьмёт недостойных! Пусть мир очистится! — орали воины, подняв мечи, палаши, сабли.

А потом они двинулись вокруг помоста и нас с Растом, и голоса их слились в единый гул. Они один за другим выкрикивали: “Закат!”, передавая это слово как эстафету.

От мелькания и гула мне стало нехорошо.

И вдруг молитва закончилась, и кто-то из этих, ходивших по кругу, вспрыгнул на помост, замахнулся и нанёс рубящий удар.

Глава 21. Казнь и поединок

Змея, ужалившая Валуева, встретила с ним взглядом

и тут же всосала свой яд обратно.

Мне показалось, что ударил тот, на ком закончился текст. Эдакий последний воин Заката.

Блондин был начеку. Молитва чужому богу не одурманила его. Он сделал шаг назад и уклонился от удара саблей, потом ещё раз!

В конце концов у него всего лишь были связаны руки, ноги-то свободны, а воин был ниже его на полголовы.

И тут воин заорал:

— Закат! — и пырнул беднягу в грудь.

Блондин упал на колени, и воин занёс саблю.

— Фашисты! — из последних сил выкрикнул блондин.

Блеснул металл и голова его неожиданно легко, словно в шее вообще не было костей, отлетела в сторону и покатила по помосту.

Я бы отвернулся, но рядом стоял Раст, которому я соврал, что воин. И пришлось смотреть, как обезглавленное тело заваливается на бок, а кровь толчками выплескивается из шеи.

От вида крови мне слегка поплохело, но к этому моменту отвести глаз от жуткого зрелища я уже не мог.

А потом тело блондина вдруг как-то буднично побледнело и растворилось в воздухе.

Я сглотнул кислый комок и понял, что самое главное испытание выдержал. Теперь можно и дальше валять дурака, что я воин. Пока не убьют.

Тем временем настоящие воины встали на колени и начали орать: “Слава Закату!”, а я, заметив, что кровь — и та исчезла, с облегчением перевёл дух.

Это была игра. Только игра.

* * *

Скоро Аделаида принялась канючить:

— Ну зачем я вам? Ну, отпустите меня обратно, пожалуйста? Я уже показала вам дорогу, вы и так без меня справитесь. Мне ещё гарем после вашего нападения восстанавливать и мужиков разбежавшихся собирать.

Руки баронессе связывать больше не стали, и она постепенно наглела.

— Куда им бежать? — усмехнулся Андрей, лошадь которого трусила рядом. — На них же Джи Пи Эс местного разлива.

— В кабак, куда же ещё? — дёрнула плечами Аделаида. — Нажрут, начнут буянить и в тюрьму попадут, выкупай их потом. А я, между прочим, научную работу пишу по социологии. Мне без гарема никак!

— Ой, ну надо же! — Андрей всю веселился. — Куда ни плюнь — научные работники

и профессиональные повара.

— А что ты смеёшься? — обиделась Аделаида. — У нас тут многие совмещают. Кто карьеру развивает, кто диплом пишет. Писатель один есть — материал прямо вокруг себя генерирует. Для фэнтези.

Марина ехала чуть позади и вполуха слушала разговор Андрея с Бейнвольской. Пингвин ускочил вперёд, чтобы разведать дорогу, а ей оставалось только плестись в хвосте их маленького отряда и обдумывать происходящее.

Лошадка шла неровно, Марина натёрла попу о седло и начала размышлять о том, почему бы Андрею одному не продолжить поиски? Ну или вместе с Пингвином. Они же всё-таки мужики, а она... Ой.

Марина уставилась на лес, и даже притормозила коня, давая отдохнуть попе. Ей показалось, что через дорогу прыснула какая-то неведомая зверушка — тельце голое, по спине иглы. Бр-р-р.

И деревья становились всё страньше и страньше. Вот кто такое нарисовал? У них не иголки, не листья, а пушинки, как у одуванчиков. “Аватара”, что ли, программисты насмотрелись? Или они так подчёркивают, что местность эта засушливая?

Марина окликнула Андрея, но тот, увлечённый разговором с Аделаидой, никакого зверя не заметил. И Пингвин не заметил. Может, Марине уже мерещится от усталости всякая дрянь?

Пейзаж её тоже не переставал удивлять, и она всё же начала склоняться к мысли, что предположение Андрея про “китайский сервер” не такое бессмысленное.

Слишком уж детализация отличалась от тех локаций в игре, где ей приходилось бывать. Даже прекрасное озеро с русалками возле поселка уступало невероятной древности и волшебству этого леса.

Вокруг поросших мхом корней исполинских деревьев вились ранние разноцветные бабочки. Густая сине-зеленая трава доходила бы лошадям до брюха, если съехать с тропы.

Марина подняла голову и посмотрел на небо. Идеально синее небо! Чистый ультрамарин! Где ещё такое увидишь?

Голос Аделаиды вновь вернул её «в реальность», если так можно было назвать этот искусственный мир.

— Ну так что? Отпускаете меня? Мне нельзя так далеко заходить за край карты. И вам, между прочим, тоже, — укоризненно добавила она. — Вы договор-то читали, который подписывали? Дальше идут неустойчивые локации. Неизвестно что там с нами может произойти.

— Я думаю, ничего не случится, если мы доедем до города. Потом скажем, что заблудились. Город-то один в один походит на наш, — ответил Андрей. Может, его просто копировали. Я давно хотел глянуть.

— Ну вот вы и блудите, а я — домой хочу! — заныла Аделаида.

— А ты, если не успокоишься, дальше поедешь связанная. Так понятно? — пригрозил Андрей.

Аделаида посмотрела на него исподлобья и больше спорить не стала.

— Смотрите, тут похоже был привал, — указала Марина на примятую траву и множественные следы.

— И правда, не заметил, — с досадой покачал головой Андрей. — Меня наша “госпожа” совсем заболтала. Следы совсем свежие! Значит, мы на верном пути. Давайте-ка

прибавим немного скорости.

С этими словами Андрей пришпорил коня и резко вырвался вперед.

Марина облизала пересохшие губы — солнце уже почти добрело до полудня — и со вздохом приказала лошадке набрать скорость.

* * *

Загремели фанфары, и я вздрогнул. Над площадью раздался громкий, слегка охрипший голос:

— Воины! Свершилось дело, угодное Великому Закату! Мы отправили мертвого в его загробный мир! Пусть душа его обретёт покой в мёртвом мире и не вернется вновь! Теперь же состоится бой! Невиданное дело — наш мир посетил один из мёртвых воинов! Он не подставит покорно шею под меч! Он будет биться и доказывать Закату свою верность! Он сразится, чтобы жить в нашем мире и ходить по нашей земле!

Воины повернулись ко мне. Они разглядывали меня, жестикулировали, обсуждали рост и телосложение.

Более неловко в своей жизни я себе ещё ни разу не ощущал. Я тут что, первый человек, который будет биться с неписями? Местные, наверное, такими делами не мараются?

Я поднял руку и помахал ею, глупо улыбнувшись. Раст подтолкнул меня в спину, я непроизвольно сделал шаг вперед.

— На помост! — заорал колдун, и толпа расступилась, пропуская меня к помосту.

Я огляделся. На лицах воинов был восторг. Они не жалели ни меня, ни тех, кто будет со мной биться. Схватка была для них развлечением, вроде цирка, только повеселее.

Воин, сыгравший роль палача, спрыгнул, присоединяясь к зрителям, а я взобрался по не струганным деревянным ступенькам на круглый дощатый помост.

Раст встал возле помоста, покрутил руками, вызвав вспышку огня, и воины заревели от предвкушения битвы.

“Яша! Чертова рептилия! Помогай!” — тщетно молил я своё подсознание.

Но Яша спал. И надо было срочно его разбудить!

— Первый бой без оружия, в рукопашную, — пояснил мне Раст. Снизошел-таки до объяснений. — Если победишь в этой битве, то второй бой будет железом, до первой крови.

— Не до смерти? — тут я почувствовал надежду.

— Далее будет магический поединок, — важно произнес колдун. — Мы определим, чей воинский бог сильнее. Но это если кровь прольёшь ты. А проиграешь — отправишься к своему богу прямо на месте.

Умирать я уже расхотел, уж больно жутко было смотреть на блондина.

Да и кто знает, как там мое тело в ящике на такой стресс среагирует? Вся надежда была только на Яшу. Только как мне его включить?

На помост прыгнул здоровенный детина, голый по пояс. Я с грустью посмотрел на его бицепс, который в обхвате был как моя голова.

Детина поиграл грудными мышцами и встал в стойку, широко расставив ноги.

Я остался в рубахе. Не захотел пугать зрителей синевой своего тощего тела.

Мой соперник издал утробный рык и двинулся на меня.

“Убьет, как пить дать, убьет”, — думал я, пытаюсь представить, что всё-таки в игре, и

мне не могут причинить какого либо серьезного урона.

И тут детина двинул мне «кувалдой» по голове.

Вернее, это я подумал, что кувалдой, потому что огромный кулак противника прилетел мне в ухо с такой силой, что зазвенело в затылке и заныли зубы.

Сознание куда-то поплыло, и последнее, что я успел подумать: “Я вот прямо сейчас и сдохну”.

Когда сознание вернулось, я не валялся на грязных досках, а висел на спине здоровяка, вцепившись ему зубами в загривок.

Детина жалобно верещал и пытался сбить меня ручищами, которые из-за бугрившихся мышц до спины толком не доставали.

“Молодец, Яша”, — похвалил я своего внутреннего варана. — “Задай этому гаду!”

И сильнее сжал челюсти.

Детина орал от боли, и я знал, почему. Когда-то в детстве меня кусала собака. И я знал, что укус — в чём-то подобен удару током. Если бы я просто воткнул ножик детине в шею, ему не было бы так больно.

И тут Яша — сам бы я никогда так не смог — сделал жевательное движение и впился в моего бедного противника ещё глубже.

— Это демон! — заорал детина. — Он меня ест! Спасите меня от него!

Раст взмахнул рукой, прекращая поединок.

Я с трудом заставил себя разжать зубы.

Детину утащили волоком. Он был почти цел (кровища, правда, хлестала из шеи), но полностью деморализован.

— Испытание продолжается! — проорал Раст.

Мне вынесли короткий меч и небольшой круглый щит, и я стал лихорадочно вспоминать всё, что видел в фильмах и читал потом в блогах про битву на мечах.

Кажется, фехтование в настоящем бою совсем не использовалось, больше драка. Блогеры предлагали обмануть противника и бить наверняка, а не красиво крутить мечом.

Я сплюнул чужую кровь. К счастью, Яша всё ещё был со мной, и мне показалось, что вкус крови очень даже бодрит. И когда на меня выпустили довольно высокого мужичка с мечом, я зарычал ему в лицо и плюнул кровью ещё раз. Прямо ему в физиономию.

Тут надо сказать, что этот мечник был высоким только по местным меркам, мне он по росту подходил в самый раз. Очень даже аппетитный такой поединщик. Вкусный на вид.

Я облизнулся: это Яша нюхал воздух.

— Изыди в Закат, демон! — испуганно прошептал мечник. Наверное, его впечатлила моя окровавленная рожа. — Изыди!..

— Только после тебя! — осклабился я.

Мы стояли друг против друга и выжидали. Я не знал, что делать с мечом, а противник меня боялся.

— Ты не посмеешь пить мою кровь! — бурчал себе под нос мечник, как заговор.

— А ты проверь? — издевался над ним я.

Наконец он насмелился и сделал шаг вперед, а я чуть-чуть отступил. Я видел в кино, что при битве на мечах поединщики как бы танцуют.

Однако Яше моя робость совсем не понравилась. В горле зародилось первобытное рычание, и я почти против воли кинулся на противника, как попало размахивая мечом и щитом.

Может быть, я и не понимал ничего в фехтовании, однако меч и щит я не выпустил, и этого оказалось достаточно.

Я лупил мечника по башке щитом, тыкал в него мечом и пинал ногами с такой яростью, словно в меня и в самом деле вселился демон.

Мечник не выдержал напора. Он попятился и бросился было бежать, но я был везде! Я носился вокруг него и нападал со всех четырёх сторон!

Яша свирепствовал во мне, словно ящерица, попавшая в пустое ведро. Но чуть-чуть контроля над сознанием я всё-таки сохранил, и мы вдвоём гоняли мечника по помосту!

Прижав его к краю, что вышло совершенно случайно, я с силой ударил врага щитом о щит, заставив его потерять равновесие, а затем полоснул его мечом по бедру, и он рухнул вниз.

Где-то я тоже такое видел... В фильме про кучу спартанцев?

— Кто? — взревел я, поворачиваясь к толпе. — Кто ещё хочет тут убедиться, что я — великий воин?!

— Никто! — заорал в ответ Раст. — Теперь ты должен доказать, что твой бог одарил тебя своей милостью. — Он обернулся к седенькому старичку, вдруг материализовавшемуся позади него, и крикнул: — Выпускайте кракена!

Реальность хрустнула, и на помост из ничего просунулось здоровенное щупальце с присосками.

Яша зашипел и попятился.

Я озирался, не понимая, какую именно магию мне нужно явить? Солнечное затмение вызвать, что ли?

На помост пролезло второе щупальце, потом третье. Потом показалось клювастое рыло. Над ним торчали два грустных сизых глаза.

Ну и как я должен явить магию? Запихать это чудовище обратно?

Магия... Что же это такое? В чём может быть магия, если передо мной чудовище? Разве что я должен подчинить его своей воле, как индрика Васю?

Пришлось вытаращить глаза и заорать у себя в голове, чтобы мысли стали погромче:

“На земле самый страшный зверь — я!”

Кракен вздохнул.

Было жарко. На его щупальца налипли песчинки. Ему, наверное, хотелось в море.

“Тут — суша. Вали в свою воду! Хочешь в водичку?” — спросил я его.

Кракен смотрел на меня не мигая.

“Плохо тебе тут, да? — мысленно спросил я. — Это Раст тебя вызывал, скотина поганая. А хочешь, я ему по башке настучу, чтобы он к тебе больше не лез? Только... — Я вспомнил про ошейник. — Только мне ошейник мешает. Мы с тобой — собратья по несчастью. Это Раст нацепил мне ошейник. Помоги мне, а? Ты же можешь перекусить его? Вон у тебя какой клюв? А я клянусь, что Раст не посмеет больше тебя тронуть. Ты... Ты вообще славный и симпатичный зверь. Но ведь ты — водный, морской, да? Зачем он тебя на сушу таскает?”

Кракен смотрел и нападать на меня вроде не собирался. И я решился. Шагнул к нему и подставил шею.

Страшный клюв навис надо мной, челюсти щёлкнули, и ошейник свалился к моим ногам!

— Спасибо, дружище! — от избытка чувств я похлопал кракена по упругому щупальцу. — Ступай себе с богом!

Кракен заволновался всем телом и исчез. А я подошёл к краю помоста и сказал Расту так, чтобы слышали все воины.

— Не смей больше таскать из воды кракена, а то тебе не поздоровится, понял?!

Раст смотрел на меня расширившимися от удивления глазами.

— Твой бог силён, воин. Скажи, как он прозывается?

Я начал лихорадочно вспоминать имена богов. Назвать какого-то настоящего, действующего бога я не мог, ведь это было бы святотатством, а мне ещё в реальность потом возвращаться...

Но кого мне тогда назвать? Зевса? Одина? Начальника цеха сборки Семена Ивановича Кувшинникова?

Ну уж нет. Моим богом всегда был клиент, тот, кто заказывал мне сборку мебели. А кто у меня клиент?

— Вася! — решил я. — Моего бога зовут Вася. И символ его — тот зверь, что сопровождал меня и которого вы, гады, спугнули. Бог мой очень рассердился, и теперь я почти лишён его милости.

— Это вот так ты лишён его милости? — изумился Раст.

— А то! — ухмыльнулся я. — Был бы он со мной и в силе, он бы вас таким матом покрыл, такую жалобу на вас накатыл, о!..

Колдун подавленно замолчал. Он не знал, что за казни такие таинственные: мат и жалоба.

Сейчас было бы самое время сбежать, если бы не толпа воинов вокруг помоста.

Я примерился: а что, если разбежаться и прыгнуть? А потом припустить изо всех сил? Может, успею добежать до городских ворот?

Яша уже засыпал, и решаться надо было прямо сейчас...

А что если не добегу и мужички толпою меня зарубят?

Ладно, если очнусь в железной коробке с котом за пазухой. Но куда более вероятно, что очнусь я в начальной точке игры — на мостовой, в ногах у стражников, тычущих копьями. И поведут они меня опять напрямиком к палачам...

Нет, повторять путь по новой мне не хотелось, а на удачный побег было слишком мало надежды. Поэтому я позволил себе насладиться моментом растерянности колдуна и уважительными взглядами воинов, а потом спрыгнул с помоста и сказал Расту:

— Ну ладно, что у нас дальше по плану? Визит к правителю на коне и с оружием? Пойдём! Далеко тут?

Тут Раст начал объяснять, что правитель настолько велик, что у него не один город, а аж целых четыре, и проживает он не в этом городе, а в другом. Поэтому надо не идти, а ехать.

Я обрадовался. Раз надо ехать, можно будет сбежать! С дороги это куда легче, чем из города. И ошейника-то на мне больше нет, тю-тю!..

— Можно и ехать, — согласился я и потребовал: — Только моих охранниц верните!

Думал, что Расту это не слишком понравится, но он, не задумываясь, согласился. И велел Го срочно собирать воинов, чтобы сопровождать меня, великого мёртвого воина Зергиуса, в столицу.

Глава 22. Зайти за край карты

Когда каннибал приглашает девушку в ресторан, он платит за еду.

Лошади, хоть и были написанными программами, всё же имели заданный уровень выносливости. Скоро они начали спотыкаться, останавливаться и застывать, как сломанные. Так что долго скакать на всех парах у поисковой команды не вышло.

После очередной остановки, Андрей сдался и пустил коня шагом, а Марина облегчённо вздохнула и приотсталала, поравнявшись с плетущейся сзади Аделаидой.

Этот бег с остановками напомнил Марине поездку в машине подруги.

За рулём был подружкин муж, и они с женой всю дорогу ссорились. На дорогу муж не глядел, бросал машину из стороны в сторону и резко тормозил на светофорах.

От светофора до светофора Марину так болтало на заднем сидении, что она прокляла капризных женатиков. Тогда она на своей шкуре почувствовала, что значит “агрессивный стиль вождения”.

Марина ласково похлопала свою взмыленную лошадь по шее, и повернулась к Аделаиде, тащившейся рядом с довольно кислым лицом.

— Ты бывала тут раньше? — спросила Марина.

— Ты же прекрасно знаешь, что нет, — огрызнулась баронесса. — Запрещено. И я, в отличие от вас, контракт соблюдаю!

Марина фыркнула: в грязном потрёпанном платье с обвисшими кудрями Аделаида выглядела смешной.

— Ой, ну не надо тут передо мной капюшон раздувать? Мы же обе знаем, что ты — мастер обходить запреты! Может, ты и за край карты уже не раз ходила, а?

— Думаю, что про край карты тебе стоит спросить у своего дружка, — Аделаида кивнула на Андрея, который остановился посреди дороги и сосредоточенно водил в воздухе руками. — У этого типа очень много скелетов в шкафу. Зря ты ему доверяешь. Понятно, что все мужики — козлы, но этот ещё и баран. Создал общину из неписей, командует всеми. Думаешь, почему он живёт на отшибе? Да потому что нормальным тестерам надоело играть в игру, будто он всегда самый главный! А он — просто зануда! Только и способен командовать, а сам...

Выслушав нытьё Аделаиды, Марина посмотрела на неё, как на растение, и даже отвернулась, но...

Нет, конечно, она была не согласна с Аделаидой!

Андрей — классный парень, вон как быстро команду собрал и... И...

Ну командует, конечно, не без этого. Вот она бы на его месте сначала Фашиста нашла, а потом уже отправлялась на поиски Сергея.

Ну и что, что у парня ник такой странный — Фашист? Вдруг он не реснулся, а попал в беду?

Но Андрей даже не почесался его искать. Разве это по-дружески?

Андрей, словно подслушав Маринины мысли, обернулся и озабоченно на неё уставился:

— А ну-ка отправь мне сообщение? — не попросил, а скомандовал он. — И ты, Аделаида, тоже отправь! У меня что-то интерфейс барахлит.

Не дожидаясь, пока девушки подъедут, Андрей развернул коня и потрусил навстречу.

Марина на ходу развернула свой интерфейс и по привычке проверила команду выхода из виртуала, но та по-прежнему не работала.

Сердце у неё испуганно сжалось. А что если они не найдут Зергиуса? Что тогда?

Сидеть в игре до понедельника, ждать, пока не придёт техподдержка?

А потом? Пожаловаться на беспредел и уволиться? А кредит?

Марина вздохнула, открыла голосовую почту и записала короткое сообщение для Андрея: “Есть разговор”.

Сообщение записалось, но отправляться не спешило.

— Не-а, не пашет, — сказала Марина.

— И у меня, — отозвалась Аделаида.

Они съехались и теперь махали руками втроём.

— Что за собрание? — Это вернулся Пингвин, который так и держался на приличном расстоянии впереди. — Незапланированное совещание? А то у меня есть для вас не очень приятные новости.

— Мне пришло сообщение от Фашиста, — перебил его Андрей. — Но я не смог его принять, и уж тем более прослушать. Я думаю, что мы слишком далеко углубились на непрописанную территорию. И хорошо бы уже повернуть назад.

— Что? — возмутилась Марина. — И бросить одного из наших неизвестно где? А если он умрёт там, в своём ящике, потому что не смог выйти? Умрёт от голода и жажды в луже своих испражнений!

Ей казалось, что фраза вышла убедительной, но Пингвин никак на неё не отреагировал, да и Андрей только скупно пожал плечами.

Марина нахмурилась: Андрей уже бросил Фашиста, а теперь и Зергиуса грозит бросить! Тоже мне, командир!

— Я же сказала, что зря вы сюда попёрлись, — поморщилась Аделаида. — Раз нельзя — значит локация ещё не работает.

— Вообще-то, это ты во всем виновата! — набросилась на неё Марина. — Если бы не твой непомерный «аппетит», то ничего бы не случилось!

— Да я-то при чем?! — взвилась Аделаида Бейнвольская. — Сама начала юлить: “этс наш фамильный раб, и мой отец очень нуждается в нём”! Ну я и испугалась, что отберёшь новинку. Зачем было врать, если человек был в реальной опасности?

— Девочки, не надо ругаться, — встрял Андрей и тут же получил за это.

Обе девушки повернулись к нему, сверля глазами.

— А ты! — Марина указала на него пальцем. — Ты подозрительно быстро согласился мне помогать, и постоянно что-то скрываешь! Почему ты не стал искать Фашиста? Почему гонишь нас, как сумасшедших, неизвестно куда? Или ты уже знаешь, что там, за краем карты? Может объяснишь уже, что тут происходит, а?!

Андрей молчал, переживая словесный поток. Было видно, что решение он принял и отступать от него не собирается.

— Нужно возвращаться, — отрезал он. — Нам небезопасно здесь быть.

— Почему? — продолжала настаивать Марина. — Что ты знаешь, но не хочешь мне рассказать?

— Народ, — перебил их негромкий голос Пингвина. — Уймитесь, а? Вон за той рощицей я видел стену и башни большого города. Он очень похож на наш. Я думаю, что туда

и увезли вашего Зергиуса. Может, хотя бы глянем поближе, а уже потом повернём назад?

Андрей нахмурился, но возражать почему-то не стал.

— Хорошо, — сдался он, как показалось Марине, довольно поспешно. — Заглянем в город. Только старайтесь ни с кем не разговаривать. Я сам.

Он повернул коня и направил его по дороге в сторону рощицы. Пингвин последовал за ним.

Марине хотелось громко ругаться матом от досады! Права была эта змея — Аделаида! Андрей точно что-то скрывает.

А ведь он сначала был с ней довольно открыт. Что случилось? Как он из дружелюбного рубахи-парня превратился в члена тайной секты?

Позади раздался удаляющийся стук копыт. Марина обернулась и увидела, как Аделаида улепётывает со всех лошадиных ног своей коняги.

— Ну, чёртова извращенка! — пробурчала Марина. — Мы с тобой ещё встретимся.

И она пришпорила лошадь, поскакав вслед за Андреем и Пингвином.

* * *

Саня судорожно вздохнул и открыл глаза. Рука сама потянулась к шее. Он ощупал загривок, голову... и выдохнул. Всё цело.

Бросил взгляд на интерфейс внутри капсулы. На экране мерцали буквы:

“Ник: Фашист. Статус: Экстренный выход из симуляции. Смерть за пределами карты.”

— Суки! — ругнулся Саня. — Фашисты, как есть.

В комнате царил полумрак. Значит, за окнами тоже было темно.

Он осмотрелся. Кроме его капсулы, в помещении стояло ещё три таких же. Каждая была отделена от другой небольшой белой ширмой с матовым стеклом.

Он не знал, есть ли кто-то сейчас в этих капсулах. Но обычно в офисах “В” и “С” все боксы были заняты суточными контрактниками.

Капсулы были оборудованы всем, что нужно, вплоть до внутривенного кормления и «автоподгузников» — инструментов для уборки продуктов жизнедеятельности.

Саня был голым — иначе в этих боксах не лежат. Он выбрался из своего ложементы, обтёрся влажной салфеткой, помассировал онемевшие ноги. Нашарил на стоящем рядом стуле штаны и футболку. Оделся.

Кроссовок под стулом стоял почему-то только один. Саня наклонился, чтобы заглянуть под капсулу и чуть не упал — закружилась голова.

— Суки, — повторил он.

Он не был уверен, кому адресует ругательство: одуревшим неписям или тому, кто упёр его обувь.

Кроссовок нашёлся под капсулой, вероятно, кто-то случайно пнул его, проходя мимо.

Сунув носки в карман, а голые ноги в кроссовки, Саня шатающейся походкой направился к нише, которую тестировщики ласково называли: “кухня”. Хотя на самом деле это была лишь ниша в стене, в которой располагался стол, холодильник, кофеварка, несколько шкафчиков и раковина.

Первым делом Саня умылся, потом долго пил прямо из-под крана холодную, пахнущую хлоркой воду. Затем, закрыв кран, щёлкнул по кнопке кофеварки. Жрать хотелось просто

адски.

Кофе забулькал, а тестировщик устало присел на стул.

Сзади раздался щелчок, и Саня резко повернул голову на звук.

На одной из капсул медленно открывалась крышка. А потом он услышал женский голос:
— Суки!

Саня усмехнулся — как знакомо.

Саму обладательницу голоса он не видел, но заметил смазанный силуэт за ширмой, пока она одевалась.

Вскоре женщина вышла из-за ширмы, на ходу завязывая длинный белый халат широким поясом. В отличие от Сани, она была босиком.

Увидев, что не одна, женщина вздрогнула, но сразу же сориентировалась, улыбнулась приветливо и села на соседний стул.

Саня украдкой разглядывал коллегу-тестировщицу.

Женщина была не сказать, чтобы молодая, но при этом довольно хорошо сохранившаяся. Подтянутое крепкое тело, небольшая симпатичная грудь... (Она иногда мелькала в вырезе халатика.)

Возраст выдавали лишь хищный оценивающий взгляд и обилие морщинок вокруг глаз.

— Будешь себе бутеры делать, сделай и мне, будь добр, — тоном строгой училки попросила она.

Саня тут же подскочил к холодильнику, а потом понял, что сделал это машинально, как марионетка.

“А она молодец! — подумал он. — Умело командует».

— Меня Саня зовут, — бросил парень, намазывая паплет на ломтик хлеба.

— Ада, — нехотя отозвалась женщина.

— Это ник или имя? — переспросил Саня, протягивая женщине бутерброд.

— Это имя, ниф у меня немнофо дфугой, — ответила Ада, жуя. — А фы умеф?

— Что? — не понял Саня.

Ада проглотила кусок и повторила:

— Умер, что ли, спрашиваю?

— Ага, умер... — На Саню нахлынули воспоминания, и он непроизвольно потёр шею. — Башку мне отрезали.

— За пределами карты? — понимающе усмехнулась Ада. Казалось, она уже знает ответ.

— Ты... Бейнвольская! — догадался Саня. — Аделаида Бейнвольская! Как же я сразу не понял? Это из-за тебя меня поймали! И голову — вжик!

Он посмотрел на неё пристально и оценивающе.

Надо же, как различается образ в игре и в реальном мире. Высокая, яркая большегрудая блондинка оказалась невысокой брюнеткой с маленькой грудью и цепкими глазками. А сколько понтов-то было!

Саня пригладил свои непослушные вихры и спросил:

— Тебе тоже башку отчекрыжили?

Ада поморщилась:

— Нет... хуже.

— Что может быть хуже? — Саня дожеввал бутерброд и пошёл делать новый.

— Меня волкомед загрыз, — Аделаиду передёрнуло. — Я надеялась, что респавнюсь как обычно, в одной из точек у портала, а меня выкинуло из игры. Думаю, это из-за того, что

интерфейс за пределами карты барахлит.

— Вот черт! — Саня чуть не уронил бутер. — Надо ребят предупредить!

Он побежал к своей капсуле. Сунувшись внутрь, выбрал на экране интерфейса функцию голосового сообщения и произнёс:

— Андрей, внимание! Если вы ещё в пределах игровой зоны, не ходите за границу — там очень опасно, и интерфейс не пашет. Опасайтесь местных. Не ходите в город!

Отправив сообщение, он вернулся на “кухню”, где Ада уже потягивала горячий кофе из кружки и жевала его бутерброд. Саня покачал головой и достал из пакета новый кусок хлеба.

— Ты с этими, что ли, был? — с показным равнодушием спросила Бейнвольская. — Которые мой социальный проект разрушили?

— Ну, допустим, так. — Саня принялся намазывать бутерброд паштетом. — Но хочу напомнить тебе, что мы тут, вообще-то, игру тестируем. Так что все игровые законы распространяются и на “социальные проекты”. — Он пальцами изобразил кавычки. — Кто захватил — того и добыча.

— Необразованные варвары, — фыркнула Аделаида. Потом наклонилась, открыла дверцу нижнего шкафчика и достала начатую бутылку коньяка. — Будешь?

Вырез её халата запахнулся, и Саня узрел то, на что даже и не рассчитывал.

Аделаида заметила его взгляд, ухмыльнулась, но халат не запахнула.

Она открутила крышечку и бахнула себе в чашку с кофе приличное количество янтарной жидкости, а потом протянула бутылку Сане.

— Не откажусь! — Он нервно сглотнул, дёрнув кадыком, снова потёр шею и завладел бутылкой. — Что будешь дальше делать? Вернёшься в игру?

— Ну, уж нет, — Аделаида сделала большой глоток из кружки. Закашлялась.

— Разве ты не на суточном?

— На нём, — вздохнула она. — Но я на такое не подписывалась! Эта тварь вела себя совсем не по-игровому. Я прекрасно жила, пока не появились вы с вашим полоумным новичком-тестировщиком без интерфейса. Будь он неладен! А я за него ещё и гномьим серебром рассчиталась, хоть его в игре не так-то легко и достать.

— В смысле, без интерфейса? — Саня даже кружку чуть мимо стола не поставил. — Мне сказали, что просто неопытного паренька из твоих похотливых лапок надо было достать.

— Пф-ф! — фыркнула Ада. — Поверь мне, мальчик. История там довольно мутная. Непростой этот паренёк в рабском ошейнике, ох, не простой...

Ада довольная эффектом откинулась на спинку стула и отхлебнула из кружки.

* * *

Чем ближе становился город, тем более призрачным он казался Марине.

Мало того, опередившие её Андрей и Пингвин, тоже стали размываться и таять.

Марина пришпорила ни в чём не повинную лошадку:

— Эй! Эй! Закричала она! Стойте!

И тут пелена лопнула, явив её глазам совершенно другой город.

Каменные стены грубой кладки... Распахнутые ворота из окованных железом брёвен, в которых застыли два стражника: невысоких, казавшихся квадратными из-за кольчуг и

нахлобученных сверху доспехов...

Другая стена и другие ворота — это бы ещё ничего. Но в проём ворот было видно дорогу и первые городские домики, похожие на грибы!

Если такой город и существовал, то не на картах Марины.

Одно дело — скопировать основной город и начать доводить его до ума, и совсем другое — прописать такое вот безобразиё!

Может, это и правда китайский сектор? Взбрeдёт же в голову — дома-грибы!

Стражники нехотя подрулили к Андрею, как всегда вылезшему вперёд, и строго спросили:

— Кто такие?

— Мы из города Аркос, — объяснил Андрей. — Потеряли товарища. Вы не видели... Э-э?..

Он качнулся вперёд, лошадь шагнула... И стражник завопил:

— Стоять, мертвяки! Тут вам не там! Это — наша земля!

— Какие же мы мертвяки? — удивился Андрей. — Вот... — Он протянул руку. — Можно потрогать.

Стражник шарахнулся, и Андрей с удивлением продолжил:

— Мы едим, говорим, двигаемся так же, как вы. Значит, и вы мертвяки, если ничем от нас не отличаетесь. Ну или наоборот — все мы живые.

— Ты не понимаешь! — взвизгнул второй стражник. — Это другое!

— Вон от города! — завопил второй. — Прочь! У нас сейчас нет даже воина-колдуна, некому определять, на кого вы похожи!

— Замолчи! — заорал первый стражник. — Мертвякам нельзя говорить, что у нас нет колдуна!

— А куда делся колдун? — спросил Андрей.

Стражники переглянулись.

— А он повёз мёртвого воина к правителю! — бойко выдал первый. — Прикинь, у мертвяков есть свои воины!

— Да с кем ты говоришь! — так и взвился второй. — Это ж мертвяк!

— Ой, как у вас всё запущено, — пробормотал Андрей. — Кто же вас прописал так криво, бедняги?

— Сам бедняга! — тут же заорал в ответ первый стражник.

— Вали отсюда! — вторил ему второй.

Он явно боялся без одобрения колдуна ткнуть Андрея копьём. Мало ли, что это за мертвяк? А вдруг — взрывоопасный?

Но и пускать в город стражники никого не собирались.

Первый достал трубу, похожую на пионерский горн, намекая, что сейчас он как затрубит, набежит куча воинов, и уж толпой они дадут мертвякам такой укорот, такой!..

— Убирайтесь! Мы вас и без колдуна не боимся! — заорал второй. — Закат бережёт нас! Мы уже зарубили сегодня одного мертвяка, бледного такого, и всех вас зарубим!

— А что это был за мертвяк? — осторожно спросил Андрей. — Может, белобрысый? Со сросшимися бровями?

— Во-во, — поддакнул первый стражник. — Как раз со сросшимися.

— Ну а колдун ваш, куда уехал? — спросил Андрей.

— Так воина же повёз правителю показать! Настоящего, говорит! Зергиуса! — второй

устал махать копьём и опёрся на него.

— Ты опять разгласил все секреты! — заорал первый и бросился на второго с кулаками.

— Вот же неписи разбушевались, — буркнул Пингвин и позвал Андрея. — А ну-ка валите отсюда, а то и нам достанется.

Но тот смотрел во все глаза в проём открытых ворот и не мог оторваться:

— Нет, ты это видел? Целый город, и он заселён!

— Недоописанными придурками! Да поехали же!

— Куда?

— А в какую сторону ваш колдун повёз Зергиуса? — нагло спросил Пингвин.

— А это вам нечего знать, мертвяки! — огрызнулся первый и пнул второго.

— Да и дорога в столицу всего одна! — пояснил тот и ткнул пальцем.

Глава 23. Обман

...Взрослые почему-то думают, что при виде значка «16+» в телевизоре, дети переключают канал...

— Ты хоть чё-нибудь понял? — спросил у Андрея Пингвин, когда они отъехали от ворот.

— Да если бы. Похоже, наше начальство втихаря замутило какой-то новый эксперимент, и этот Сергей — его часть.

— Я не поняла!.. — начала Марина, которая и в самом деле вообще ничего последние двадцать минут не понимала. — Мы Сергея будем искать или как? Или будем стоять и сопли жевать? Они же признались, что его повезли по дороге в столицу!

— Но мы и так выехали за пределы карты! — нахмурился Андрей. — Нам дальше нельзя. И местность здесь тоже какая-то странная. И неписи странные.

— Вот-вот, — подтвердил Пингвин. — Они вроде бы и придурки, как и положено неписям, а вроде бы и себе на уме. Ненормальное какое-то поведение. Ну так что будем делать? Вернёмся?

— Если вы трусы!.. — так и вспыхнула Марина. — ...То я поеду одна! Я должна найти этого Серёгу! Он же игрок, а не непись! Он же погибнет, как вы не понимаете! — И подумала: “Ну или я хер без него отсюда выберусь”.

Марина переводила взгляд с Андрея на Пингвина, но парни морщились и молчали.

И тогда она крикнула:

— Мужики вы или нет! — ударила пятками коня и поскакала по дороге, ведущей от города.

* * *

Стражники проводили троих мертвяков глазами.

— Хорошо мы их обманули, — ухмыльнулся первый и сплюнул на дорогу. — Идейственно. Ну, а что ещё делать? Подмоги-то нету — все воины возле тюрьмы, казнят там ихнего мертвяка.

— Надо бы гонца послать к господину Расту, — сообщил второй. — Доложить, что мертвяки могут теперь сами пересекать наши границы. Не связанные и не волоком. Значит, у них и в самом деле завелись воины, а не только трусливые мужебабы. Теперь патрулями границу не удержать. Патрули вон пошлялись и в койку, а там всего два разъезда осталось настороже. Там уже не мышь проскочить может, а стадо мышей!

— Ну так посылай! — поторопил первый.

Второй стражник сунул руку в щель каменной кладки и вынул оттуда ласточку.

Заколдованная птица чинно лежала в ладони, пока стражник наговаривал ей сообщение, а потом вспорхнула и исчезла в небе.

— Раст своё дело знает, — первый стражник сделал ладонь козырьком и уставился в небо, словно бы проверяя — туда полетела ласточка или свернула по своим птичьим делам. — Он поедет к правителю, и нам пришлют гарнизон. А то — кем нам здесь

обороняться? В городе всего сотня воинов. Одна надежда на хитрость. Как думаешь, заплутают мертвяки? Дорога-то заколдованная, прямой она только кажется...

— Не заплутают, так волкомеды сожрут, — ухмыльнулся второй. — Они же так и поскачут по гладкому да утопанному. А там волкомеды уже четыре села заупырили. И этих, глядишь, заупырят.

— Это мертвяков-то? А разве можно из мёртвого упыря сделать?

— А вот и посмотрим.

Второй стражник сощурился на солнышко, снял шлем, потом подшлемник и начал с наслаждением чесаться.

— Скорее бы нам гарнизон прислали на усиление, — вздохнул первый и тоже снял шлем. — Жара-то какая. Пáрит... Я давно говорил, что рано или поздно мертвяки на нас нападут. Не помогут эти растовы жертвы Закату. Нельзя жить рядом с мертвяками, чтобы они не напали. Надо было ещё онадысь послать Раста к правителю. И давно уже их всех вырезать, мертвяков этих. А то прислали нам тиуна, а он: «Это такие лю-уди, лю-ди...» Вот те и люди. Перешли границу и нате тебе. Скоро всех нас сожрут.

Второй покивал и нахлобучил шлем:

— Эх, на казнь бы сходить посмотреть... — протянул он. — Может, ещё не казнили, а?

— Казнили, точно тебе говорю. Раст по часам казнит, вон, видишь на башне?

— А поединок идёт, как думаешь?

— Онадыть идёт. Там оно долго бывает, ежели и взаправду воин.

— А вдруг, как белобрысого казнили, так и этот Зергиус на части развалился? Мертвяк же? Давай, ты один постоишь, а я сбегаяю, гляну, а?

* * *

Андрей и Пингвин переглянулись, пожали плечами и поскакали догонять Марину.

Понукали уставших коней, обкладывали матами упрямую женскую бабность, но догнали. И поехали рядом по широкой грунтовой дороге, утопанной многими ногами и копытами.

По краям дороги тревожно густел лес, шевеля иногда кустами. Но солнышко светило ярко, и напугать путников у леса не получалось.

Парни постепенно немного остыли и даже начали улыбаться. Уж больно красиво было вокруг: неведомые дизайнеры с любовью прописали каждое деревце, каждый цветок. Но молчали, пока конь под Мариной не встал.

Тогда Пингвин воздел к солнцу обе ладони, сделал жест, будто обнимает небо и повернул свою лошадь в обратную сторону

— Всё, Мурена, абздец твоей коняге, — усмехнулся Пингвин. — Это не мы так решили, а Великий Рандом. В общем, мы с Андрюхой сейчас тихим шагом едем домой, а ты валишь за нами пешком. Ибо тут интерфейс барахлит, а тебе полезно пройти воспитательные мероприятия.

— Ты чё, офигел? — рассердилась Марина. — Андрей, скажи ему!

Но Андрей молчал. Он устал так, что даже уступил своё право командовать.

Парни вымотались и физически, и морально. В реале была глубокая ночь, а спать лучше дома в кровати. И вообще...

Марине явно не повредит хороший урок. Дотопаёт пешком до границы карты — в мозгах и прояснится.

А там уже интерфейс будет доступен, и она сможет вызвать себе другую лошадь. И ехать на ней домой. Ибо не фиг.

А Зергиус этот непонятный... Так придёт в понедельник Петя и отдаст указания, что с ним делать. Не сдохнет новичок. Капсулы вполне оборудованы под долгий сеанс игры, значит, и в ящике есть система жизнеобеспечения.

Андрей решительно повернул лошадь и потрусил вслед за Пингвином.

— Да вы чего? Вы что, правда меня бросаете? — обалдела Марина.

Андрей остановился, обернулся:

— Ну, если ты сейчас извинишься за “трусов” и ласково попросишь, так и быть, и тебя заберём, — сдался он.

Бросать посреди леса девушку — это было всё-таки не его.

— Я? — потрясённо спросила Марина и заорала: — Я должна извиняться?! За что?! За то, что вы — трусили?! А ну, валите прочь! Оба! Пошли на фиг, козлы!

Андрей сердито хлопнул лошадь по крупу, и она потрусилась не к городу, а напрямик, к краю карты. Пингвин хмыкнул и тоже решил, что так будет быстрее.

Они поскакали к лесу, и ни один даже не обернулся.

— Ах так! — Марина решительно пошла дальше.

Она сама дойдёт до этого “правителя” и найдёт Сергея. И вообще: все мужики — козлы. Один — кота украл, другие — бросили!

Она прошла десять шагов, села на придорожную травку и заплакала.

Слёзы ещё не кончились, когда над ней нависла какая-то тень. Думая, что это тихонечко вернулся Андрей, Марина сказала сердито:

— Уйди, трус, ты мне солнце загораживаешь!

— У-рр-урур, — сказала тень.

Марина вытерла щёки и подняла голову. На неё умными оранжевыми глазами смотрел медведь с мордой волка.

Здоровенный, бурый, когти свисают с лап, словно изогнутые ножи...

Марина завизжала так, что чудовище отшатнулось, и бросилась бегом за парнями.

— Андрей! — орала она: — А-а-а-а! А-а!

Следом — бух-бух — бежало чудовище.

Андрей и Пингвин уехали ещё недостаточно далеко, чтобы не услышать истошный женский визг.

Они повернули коней. Пингвин сделал то, о чём Марина совершенно забыла — проверил интерфейс.

И «магия» связи сработала! Он вызвал из интерфейса двуручник и смело поскакал на чудовище.

Нет уж, они не трусы с Андрюхой. Им просто всё надоело. Но если есть, кого укокошить...

Марина проскочила мимо Пингвина, и Андрей подхватил её на седло.

Он вызвал себе копьё с длинным листовидным лезвием. И щит. И быстро соображал доспехи для лошади.

Пингвин уже сошёлся со зверем. Оценив его когти и зубы, он спрятал в интерфейс меч и начал осыпать эту помесь медведя с волком дротиками.

Только ослабив как следует зверя, Пингвин спрыгнул с коня и опять вызвал меч, чтобы отрубить бурую башку с блестящими оранжевыми глазами.

Ему было жалко, что нельзя привезти башку в реал, сделать чучело. Сейчас он рубанёт, и это прекрасное чудовище исчезнет.

А когти-то? О...

Пингвин примерился и с одного удара снёс волкомедведю голову, ощутив мощную отдачу, словно рубил что-то и в самом деле неподатливое.

Голова упала, тело повалилось на бок...

И никуда не делось.

А из подлеска раздался рёв, кусты раздвинулись и на дорогу выскочили ещё два монстра. И следом за ними — ещё с полдюжины — один другого здоровее!

— Пингвин, уходим! — заорал Андрей.

Здоровенный качок с сожалением покосился на лохматую зубастую голову и вскочил на коня.

Волкомедведи передвигались быстро. Два первых зверя уже догоняли Пингвина, и он отмахнулся мечом, подкалывая прыгнувшую на круп коню тварь.

Меч вдруг задрожал и... исчез. Связь с интерфейсом, только что работавшая без сбоев, снова пропала.

Зубы чудовища лязгнули — оно промахнулось всего на пару сантиметров.

“Фиг тебе, а не молодца!” — подумал Пингвин.

Но в этот момент его конь растворился в воздухе, и всадник шлёпнулся в траву перед носом чудовища.

Волкомедведь скалясь подошёл к Пингвину и щёлкнул зубами перед его лицом.

Марина закричала.

Пингвин схватил волкомедведя за челюсти. Казалось ещё чуть-чуть — и...

И в это время подоспел сразу десяток зверей. Пингвин исчез, погребённый под бурными тушами.

Андрей ударил коня пятками, и бедная лошадка у которой даже испуг перед такими тварями не был прописан, послушно понесла седоков к краю карты.

— Надо его спасти! — кричала вырываясь Марина. — Спасти!..

Но Андрей гнал и гнал лошадь. Измученная, она еле несла двойную ношу.

Стая догоняла. Оставался единственный вариант спасения — и парень бросил на дорогу платок с заклятьем мгновенного переноса.

Он мог не сработать, ведь интерфейс барахлил...

Лошадь остановилась, обессиленная, и Андрей крепко прижал Марину к груди и закрыл глаза.

* * *

Аделаида смотрела на Саню и прикидывала, что же ему рассказать, чтобы не обманывать сильно и Зергиуса-Серёгу не подставить?

Если Саня вернётся в игру и встретит своих, что они ему скажут?

Аделаида вспомнила, что услышала от Андрея и Марины, когда её поймали в собственном гареме. Что, мол, есть экспериментальное оборудование и его испытатель, Зергиус. И по причине какой-то неполадки, выйти из игры самостоятельно он не может.

Конечно, эти козлы захватили её гарем, но Серёгу-то выручать надо.

Он такой милый, хоть и самоуверенный, как все мужики.

Аделаиде ещё никогда не попадались настолько милые парни. Ей даже в пятнадцать лет мало было идти рядышком с представителем противоположного пола и держать его за руку. А вот с Серёгой она могла бы и так. Он был каким-то домашним, уютным, тёплым. Но при этом — совсем не рохлей, и мог за себя постоять.

Пусть этот дурачок Саня вернётся в игру и там его ищет. А она прикинет, что можно сделать в реале.

Гарем подождёт. Там неписи, никуда они не денутся. А нормальные игроки вернутся только в понедельник.

— Значит, так, — сказала она Сане. — Зергиус — испытатель новой крутой капсулы. — (Ну как ещё назовёшь этот железный ящик?) — Что-то пошло не так, и он теперь не может выйти из игры. Только он сам ещё об этом не знает.

— Как это? — недопонял Саня. — Тупой, что ли?

— Не тупой. У него — квест. И не через интерфейс, а как-то иначе. Говорю же, новые технологии. И он просто не проверял ещё, что интерфейс не работает.

— А ты откуда об этом знаешь? — засомневался Саня.

— Так Марина же дура! — вот тут Аделаида уже не врала. — Начальство её послало Серёгу предупредить. А она — нет, чтобы всё честно рассказать мне — давай штурмовать гарем!

— Так гарем наши всё-таки захватили? — обрадовался Саня.

— Захватили, — вздохнула Аделаида. — Но Зергиуса там уже не было. — Я...

— Ага! — сказал Саня! — Ты его спрятала!

— Ну, да, — сдалась Аделаида. — Я же не знала, что всё так серьёзно. Думала, она хочет отнять у меня красавчика, стерва рыжая.

— Ну, а парень-то где?

— Отправился в мой загородный дом. А Марина с Андреем поехали следом. А там... Понимаешь... Там — чужой город!

— Как это? — растерялся Саня.

— А вот так. У края карты, куда нам уже не разрешают забираться, потому что там интерфейс сбоит и вообще ничего быть не должно, стоит город. Они как увидели — сразу туда поскакали. Город — прямо как наш.

— А ты?

— А я — домой поехала. Чтобы правил не нарушать. И на меня какие-то волкомедведи напали. Жуткие такие. Бр-р...

— Значит, Марина, Андрей и Пингвин в этом неведомом городе? — нахмурился Саня. (Не стоило говорить Бейнвольской, что он уже побывал в городе за краем карты.)

— Да. Но интерфейс там еле пашет. Только лошади не сбились, а связь с техподдержкой и между игроками — всё время пропадала.

— Ни-ичего себе, — выдохнул Саня. — Точно не врешь?

— А зачем мне врать?

— Ну, ты же убежала. Может, задумала чего?

— Я испугалась. Мне показалось, что лошадь тоже уже начала как бы проваливаться. И я повернула назад. Я только теперь поняла, что им нужна помощь. Но возвращаться боюсь...

Аделаида развела руками, и халат совсем распахнулся, но она сделала вид, что расстроилась и не замечает.

— Ладно, — кивнул Саня, бросив заинтересованный взгляд на её грудь. — Допустим, я тебе верю. Но это получается, что мне снова надо в игру? — Он поманил Аделаиду к капсуле: — Ну-ка, покажи на карте, где всё это было, и куда ехать потом, когда карта кончится?

Аделаида показала, конечно. И проводила Саню, едва удержавшись, чтобы не перекрестить на дорожку.

У неё всегда был нюх на опасность. Что-то было неладно во всей этой истории, но не лезть же туда самой? Тем более, есть задачи и поважнее.

Она налила себе ещё кофе, плеснула туда коньяку, села в кресло и начала размышлять. Задача казалась простой: раздобыть ключи и открыть эту проклятую железную дверь.

Аделаида её видела, знала, о каком кабинете идёт речь.

Пару дней назад там было совершенно пусто, она заглядывала, проходя мимо.

Сергей не врал. Его могли туда позвать и заставить собрать из железяк нечто. И силой погрузить в игру.

У вахтёра могут иметься запасные ключи. Вопрос: как их выпросить?

Ясно, что ответственный дедок просто так их не даст. Тут нужно что-то вроде стихийного бедствия: пожар, потоп или что-то в этом роде.

Что-то такое, из-за чего двери нужно открыть немедленно, не дожидаясь начальственного разрешения.

Но такое, о чем вахтёр потом не расскажет. Сочтёт неважным или невыгодным для себя.

В голову ничего не приходило, но Аделаида не расстроилась: она была уверена, что непременно что-нибудь придумает — как всегда.

Плеснула себе ещё коньяка, обхватила бокал ладонями и закрыла глаза...

В сознании проносились разные варианты, — и сразу отсеивались, как слишком сложные или фантастические. Лучше, если ложь будет проста и правдоподобна.

Какой-то звук на грани сознания вывел её из напряжённых размышлений...

Аделаида прислушалась, но в комнате было тихо.

Она встала и шагнула из освещённой ниши в полумрак комнаты.

Никого — уж человека она заметила бы сразу!

Показалось. Или, быть может, кто-то вышел на минуту размять затёкшее тело — и снова погрузился в игру?

А если — мышь?

Она содрогнулась и поймала себя на том, что внимательно всматривается в тени по углам, хотя там явно не мог спрятаться никто, крупнее мышки или... кошки!

Аделаида улыбнулась пришедшей в голову идее. Она и не сомневалась в собственной изобретательности!

Неторопливо выцедила коньяк, обдумывая детали, поставила бокал на стол — потом сполоснёт — и отправилась на проходную.

У порога спохватилась, что пошла босиком. Вернулась и надела туфли. А халат?.. А что,

сексуальный такой халатик...

Двери здания на ночь запирались, и вахтёр не сидел в своей будочке, а прилёг в комнатухе, но сразу вскинулся, услышав её шаги.

— Не разбудила, Матвей Геннадьевич? — любезно осведомилась Аделаида. — У нас тут маленькая проблемка нарисовалась, нужна ваша помощь.

Глава 24. Опять кот

Лето... Жара... Врачи рекомендуют много пить... Вот даже возразить им нечего...

Вахтёр сразу сунулся глазами в вырез плохо запахнутого халата Аделаиды, но на слова среагировал:

— Какая проблемка?

— Да вышла я поразмяться... Прошлась по нашему коридору — и слышу, вроде как кот шкрябается и орёт. — Аделаида изобразила озабоченность. — Прошла ещё раз — нету кота. Потом слышу — опять скребётся. Послушала у дверей, и, вроде, он у самого выхода, где пустой кабинет с железной дверью. Мужики там сегодня работали. Видно, кот забежал с улицы, а его заперли. Были бы будни — куда ни шло, но ведь выходные впереди. Оголодает он там, да ещё и засрёт всё. Надо бы выпустить.

Аделаида полагала, что сейчас ей придётся убеждать охранника в реальности запертого кота, но Матвей Геннадьевич даже не удивился.

Нахмурившись, подтвердил:

— Надо же! Вот же поганец! В какой, говоришь, комнате? — Он распахнул стеклянные дверки, за которыми на гвоздиках висели ряды ключей.

— В двести третьей, кажется, — с готовностью подсказала Аделаида, ликуя в душе.

Кто бы мог подумать, что всё получится сразу!

— В двести... Погоди-погоди, нету такого ключа! — Вахтёр задумчиво пощупал соседнюю связку. — У меня начинаются с двести пятой, а первые два кабинета — отсутствуют. Ключи только у начальства.

Аделаида растерялась.

Вот это она попала... Ведь теперь вахтёр почти наверняка скажет директору филиала, Герману Денисовичу, про несуществующего кота!

— Проблемка, — пробормотала Аделаида, опустив глаза, чтобы вахтёр не заметил, что переживает она не за кота, а за то, как бы её не спалили. — Ну тогда я тогда завтра позвоню менеджеру.

— Да-да, — согласился вахтёр. — Я-то сменюсь в восемь утра, начальства ещё не будет. Вы уж скажите сами, Ада Николаевна, а то он там бед может наделать. Это кот Марины Викторовны, она его в ветеринарку везла, а он убежал.

Аделаида выдохнула и кивнула. Надо же — по этажу и в самом деле бегают какой-то кот. Может, это он в цэшке шуршал?

Она попрощалась с вахтёром и стала подниматься по лестнице.

План не сработал, нужно было искать другой, не связанный с ключами от железной двери. Не ждать же до утра?

* * *

Алексей судорожно стиснул кулаки и крепко зажмурил и без и того закрытые глаза. Жуть какая! Тело покалывало, как иголочками, и это неприятно накладывалось на последние воспоминания.

Ну, надо ж было так попасть! Охренеть! Видал он такую достоверность в гробу в белых тапочках!

Алексей растопырил пальцы, покрутил стопами, открыл глаза и глубоко вздохнул. Пить хотелось ужасно.

Посмотрел на горящую надпись:

“Ник: Пингвин. Статус: Экстренный выход из симуляции. Внимание: смерть за пределами карты!”

— Без тебя знаю, — тихо пробормотал он.

Несколько мгновений Пингвин лежал неподвижно, пытаясь решить, что делать. Не, ну ясно что: надо немедленно возвращаться в игру и спасти Андрея с Мариной. А потом искать этого дурака, Сергея.

Дело важное, нельзя друзей подводить! Хотя Марина — всё-таки порядочная истеричка.

Пить хотелось всерьёз, но стоит ли из-за пары глотков воды вылезать, одеваться, а потом раздеваться?

Алексей откинул крышку капсулы, чтобы осмотреться. Полумрак, тишина. Похоже, никого нет. Может и так сойдёт? Долго ли добежать до кухни и сделать несколько глотков?

Он выбрался из капсулы и первым делом нацепил очки на своё круглое добродушное лицо. Сделал несколько взмахов руками, покрутил ногами. После этой немудрёной разминки ещё раз вслушался в тишину и огляделся. Точно, никого!

Стараясь ступать потише, он нагишом помчался к кухонной нише, но, уже подбежав, заметил одинокую фигуру в белом халате — и отпрянул назад, прислонившись к стене за углом. Сердце бешено стучало, ладони повлажнели.

Какой ужас! Это же Ада Николаевна!

«Ада — исчадьё ада», как называл её сын, мымра-химичка. Алексей не мог обознаться!

Химичка сына сидела, откинувшись на спинку кресла с закрытыми глазами, но не спала — держала в руках кружку.

Кто бы мог подумать, что занудная училка тоже будет в игре!

Досадно: ведь город не маленький, надо ж было напороться не просто на знакомого, а именно на химичку!

Это куда хуже, чем стая волкомедов. Стыдно, если узнают, что солидный дядя в очках в игрушки играет!

А если сын узнает — его тогда вообще от компа не отгонишь!

Пить сразу расхотелось. Алексей на цыпочках прокрался обратно к капсуле. Тестирование ему нравилось — здесь всё было как взаправду — куда круче играть, чем на компе.

И такая встреча!

Да ещё в таком непотребном виде! Как удачно, что Ада Николаевна не успела его заметить!

Теперь надо будет смотреть в оба, чтобы не попасться ей на глаза. Может, они ещё столкнутся... Но не сегодня!

Алексей ухмыльнулся — и вернулся в игру.

В игре было хорошо! Никаких очков! Никакого лишнего веса и вялых мышц! Никакой жажды!

Солнце сияло, ветер ерошил волосы (никакой лысины!), а солёный ветерок с моря

приятно оведал молодое лицо здорового крепкого парня.

В прочем, с лица Пингвина тут же сползла довольная ухмылка:

— Ангидрид твою в марганец! — выругался он.

Пингвин любил входить в игру с небольшой морской прогулки и не подумал изменить точку входа, а ведь как раз сейчас надо бы поторопиться.

Он быстро прикинул, стоит ли выйти из игры и войти по новой, но решил, что и так не получится сэкономить минуты, и смирился. Зато он заранее, ещё до того, как ступил на причал, открыл интерфейс и вызвал коня.

Вот теперь можно гнать!

Через город Пингвин пролетел на полной скорости, не жалея лошадь, но выехав из городских ворот, спешился и, пройдя несколько метров на своих двоих, снова вызвал коня — свежего.

Теперь он ехал быстро, но не пришпоривал скакуна: граница карты приближалась, поменять транспорт уже не выйдет.

Дорога пошла через редколесье, стала извилистой. Пингвин успевал замечать: вот знакомая яма-ловушка, вот поворот с развилкой...

Повернув в очередной раз, он увидел впереди всадника, едущего этой же дорогой.

Пингвин вгляделся внимательнее и закричал:

— Фашист! Подожди!

Всадник обернулся и расплылся в улыбке. Пингвин подъехал поближе и остановился.

— Лёха! — обрадовался Фашист. — А я гадаю, что там, да как с вами. Андрей не отвечает, ты вне игры был. Что случилось?

— Долго рассказывать. Мы были за пределами карты.

— Кто — мы? — уточнил Фашист.

— Ну, я, Андрей, Маринка и Бейнвольская, — перечислил Пингвин.

— Погоди... Так она же это... Её же звери сожрали. Так и тебя — тоже?

Теперь настала очередь удивляться Пингвину:

— А с чего ты взял, что её сожрали? Ты же раньше меня из игры вылетел.

— А я — экстрасенс! — хохотнул Фашист. — Так и тебя сожрали, да?

— Не скажу, — насупился Пингвин. — Колись, откуда знаешь! А то у меня и без твоих прозрений уже фляга свистит!

— Моя история короткая, но очень забавная, — усмехнулся Фашист. — С трагическим финалом.

Его конь переступил с ноги на ногу, всхрапнул. Фашист тоскливо посмотрел вдаль и произнёс:

— Слушай, я как раз собирался искать наших, может, ты покажешь дорогу, а я тебе по пути расскажу, что со мной было?

— Так я ж тоже их взялся искать, — кивнул Пингвин и направил своего коня по дороге, по которой сегодня уже проезжал.

— Я во время штурма гарема заметил кое-что странное, — начал Фашист. — Вроде как шум какой-то из-под земли. Ну и решил, что Бейнвольская сваливает с нашим хмырем секретными ходами — с неё станется. Я и побежал туда, куда меня чуйка направила. А там нарвался на толпу неписей. Дикие какие-то. Недописанные, что ли? Они меня скрутили. Кляп в рот. Руки связали так, что я не смог ничего из инвентаря достать. Провалился связанный в кустах, пока они ещё кого-то ловили. Потом... — Он потёр шею. — Потом они

поташили меня в свой городишко. Чудное место, я в такой локации ещё не был. Ну а потом начался квест хай левел. Я не понял, что делать надо, растерялся. Ну, меня и казнили — отрубили башку. Про закат какой-то орали и про мертвяков. Надо будет доки почитать потом в реале, может, обновления были про зомби...

При словах “закат” и “мертвяки” Пингвин вдруг приподнялся на стременах и выругался: — Ты что, не понял, что был за краем карты?

Фашист нахмурился:

— В тот момент? Нет, не понял. И вообще непонятно, чего нас туда не пускали — город как город. Там же дом этой, Бейнвольской?

— Дом — у самого края, — пояснил Пингвин. — А ты побывал в городе, которого на карте нет. Ты прямо за воротами был?

— Ну да, — подтвердил Фашист. — На центральной площади меня и казнили. Там ещё какой-то бой должен был потом быть. Жаль, не успел посмотреть. А ты как умер?

— Волкомеды сожрали, как ты и сказал, — буркнул Пингвин.

— Ну и чё было запираяться?

— А ты откуда знаешь-то? — В мозгах Пингвина заворочалось какое-то нехорошее предчувствие. Давненько ходили слухи, что кто-то шпионит за игроками и начальству потом докладывает.

— Да не парься, — рассмеялся Фашист. — Нас с Аделаидой почти одновременно из игры выкинуло. В реале пересеклись, кофе попили. Она там тоже ничего, — подмигнул Фашист. — Адой зовут. Она осталась сидеть, а я вернулся в игру.

Пингвин почувствовал, как краска заливает его лицо. Так Бейнвольская и есть Ада Николаевна? Вот же гадство!

И ведь мог бы сам догадаться, только ума не хватило!

Ну кто распознает в классухе сына распутную бабёнку с мужским гаремом в анамнезе? Ну и дела!

— А что с Андреем и Мариной? — спросил Фашист.

Повезло, что он не обернулся на спутника, а смотрел вперёд и всё тёр свою шею, словно она — кувшин с джином.

Шея у него стала красная, как и физиономия у Пингвина.

— Надеюсь, успели сбежать, пока меня твари жевали... — мрачно буркнул Пингвин.

— Ну, давай тогда с них и начнём, — вздохнул Фашист. — А потом будем этого козла, Серёгу, искать. А то убьют его, а он из игры выйти не сможет. Слушай, а что тогда будет?

— Трындец проекту! — скупое пояснил Пингвин. — И работе этой тоже. И баблу.

— То есть он умрёт? По-настоящему? — спросил Фашист и наконец оглянулся.

К счастью, краска уже сошла с лица Пингвина.

— Не хочу об этом думать, Саня... — признался он. — Это уже прямо страшно.

— Ну, ты как пингвин — чуть что — и башку в песок... — невесело усмехнулся Фашист.

Он был моложе и на жизнь смотрел проще.

— Это страус так делает, дурья твоя башка, — ответил Пингвин и пришпорил коня. — Вон, смотри! Что-то там за деревьями?! Может, это они?

После казни и боя Раст медлить не стал, и так дело уже шло к вечеру.

Он отдал несколько указаний, и вскоре мы выехали из ворот и галопом понеслись по дороге, словно за нами кто-то гнался.

Кроме колдуна меня сопровождали шесть воинов — отряд не такой большой, как раньше, но всё же солидный. Сражаться со всеми сразу я не рискнул бы. Разве что с Яшиной помощью.

У каждого из нас кроме верховой лошади была заводная, она везла припасы и воду. И ещё двух осёдланных лошадей вели в поводу.

Колдун сказал, что деревенька, куда отправили моих девчонок, нам не по пути, но крюк, предстоит сделать не слишком большой.

Мы миновали неширокую полосу леса, окружавшую город, словно бы для маскировки, и поехали по узкой тропинке вдоль засеянных полей.

Солнце жарило вовсю, тело страдало от неудобного седла, и мне уже через пару часов захотелось привала.

Пока мы рысили по полям, я исподтишка разглядывал конвоиров — а то, что это именно конвоиры, не вызывало никаких сомнений. Все примерно одного роста и возраста, темноволосые, крупные для этих мест — всего на полголовы ниже меня, крепкие. Я решил, что это неписи.

Другое дело, что от Раста они отличались не сильно, а он, наверное, был человеком. Или нет?

А, может, воин — и обозначает у них «человек»? Может, сначала они принимали меня за непись?

Было непонятно, радоваться мне путешествию к правителю или паниковать. С одной стороны, колдун признал меня воином другого народа, а быть воином — дело почётное. Но вдруг он затеял этот поход, чтобы избавиться от меня, как от потенциально опасного врага?

Он ведь тоже воин-колдун. Зачем ему конкурент?

Отъедет подальше, да как прикажет своим броситься на меня скопом! Или в спину ударит.

А то, что мы едем за моими девчонками, специально сказал, чтобы я успокоился и потерял бдительность.

Мне вдруг ужасно захотелось домой. Пусть моя жизнь была размеренной и унылой — собирай себе мебель, а потом сиди вечером с пивом и с телефоном, но зато меня по пять раз в день не пытались убить. А тут не проходило и часа, чтобы я не нарывался на новые сюрпризы.

Мысли не давали мне расслабиться. Я внимательно наблюдал за Растом и его воинами и старался ехать так, чтобы никто не маячил у меня за спиной слишком близко.

Яша, похоже, проникся моим состоянием — беспокойно заворочался в глубине сознания. Я то и дело злобно облизывался, и воины сами стали остерегаться подъезжать ко мне слишком близко.

Однако тревога оказалась напрасной. Мы и в самом деле приехали к деревеньке, огороженной частоколом.

Заезжать не стали. Колдун чего-то буркнул усатому стражнику у ворот, и вскоре к нам вывели Мидору и Лярис. Они были в синяках, но целы. И одежда на них осталась своя, только оружие и украшения отобрали.

Лярис даже перевязали плечо, оцарапанное в ночной схватке у ямы, и я заулыбался.

Девочки тоже обрадовались мне как родному. Бросились обниматься. Потом попросили пить. Оказывается, вода в этих деревеньках добывалась тяжёлым трудом, и пленников сильно не баловали.

Я напоил девчонок из своих запасов. Кратенько рассказал о поединке.

Их рассказ был ещё короче. Деревенька эта — что-то вроде трудового лагеря. Их не обижали и почти не били, учили работать в поле. А синяки — это от вчерашнего боя.

— Скучно, — пожаловалась Лярис, сморщив носик. — Мы телохранительницы, а не селянки какие-нибудь! Работа непривычная, нудная. Ну и за вас волновались конечно. А правда, что мы с Дорой теперь сможем ездить в другие города? Нам можно?

— Можно, — не очень уверенно пообещал я и огляделся. Воины болтали с теми, кто охранял деревеньку, и я, понизив голос, сказал: — Ночью не спите, попробуем сбежать!

Теперь, когда мою спину защищали проверенные охранницы, я немного расслабился. Яша тоже успокоился и заснул.

Мы миновали последнее поле и поехали лесом. Солнце стало спускаться, посвежело, и мои охранницы повеселели. Да и я тоже вымотался на этой жаре.

Воины ехали и ехали неторопливым шагом. Выносливые тощие лошадки топали не быстро, но и не медленно.

Один раз мы спешили и сменили коней. И дальше в путь.

Задница у меня просто отваливалась. Но как я мог потребовать привала? Я же — великий воин.

Приходилось терпеть. Я ворчал, озирался, разыскивая Васю. Иногда мне казалось, что вижу какое-то шевеление в лесной чаще, но в сумерках сложно было что-то разобрать.

Мидора и Лярис меня успокаивали. Наконец я не выдержал боли в онемевшей... спине и затянул песню:

— Солдатушки, браво ребятушки, где же ваши жё-ёны!

Воины сначала внимали мне молча, а потом начали подпевать. И когда я закончил, попросили ещё.

И мы спели “Дорогу на Берлин”, потом “Смуглянку”. Потом я затянул про Щорса:

— Шёл отряд по берегу, шёл издалека. Шёл под красным знаменем командир полка. Голова обвязана, кровь на рукаве. След кровавый стелется по сырой траве!

— Эх, по сырой траве! — подхватило моё воинство.

Я уловил в голосах странную хрипотцу, оглянулся и заметил скупые слёзы, блестевшие в глазах у моих то ли соратников, то ли охранников.

Песня их проняла. Видно, им тоже приходилось терять боевых товарищей.

Под песни я и не заметил, как совершенно стемнело. И мы уже впотьмах добрались до берега малой речушки.

Воины занялись конями, и я задумался, устало взирая на их суету. Если это неписи, то почему коней в игре тоже положено обтереть с дороги и напоить.

Вот же трудная какая игра!

— Господин Раст, — окликнул я колдуна, — далеко нам ещё?

— Пожалуй, что послезавтра к вечеру поспеем, — отозвался он. — Как раз, чтобы отдохнуть и привести себя в порядок к утреннему приёму. Разумеется, если правитель согласится принять нас так быстро.

Это известие меня расстроило. Получается, что у нас для побега всего две ночи! А я так

устал! У меня так болела ж... спина, что просто мочи никакой не было!

Я решил искупаться, чтобы немного расслабить мышцы. Надеялся, что ночью удастся оглушить дежурного стражника и незаметно скрыться.

Раст мне, однако, в воду лезть запретил. Указал на разноцветные тряпочки, навязанные на ветви ив, подступающих к воде.

— Эта речушка священна для местных, — пояснил он. — Они язычники, по-старинке молятся воде. Я, конечно, постараюсь тебя защитить от мракобесия, бог наш един, имя его Закат, но если на тебя выйдет половина села с дрекольем, боюсь, моя вера тут не поможет.

— А огненные шары? — спросил я.

— А что — шары? — удивился Раст. — Шары много сил забирают. Ты — такой же воин-колдун. Пусть тебя защищают твои боги.

Глава 25. В лесу

Мужчина становится взрослым, когда усыновит диван.

Не знаю, чем задела меня именно эта фраза: колдун всегда немного ехидничал и смотрел на меня, как на недоделка. Но я вдруг ощутил холод в спине и смерил Раста «яшкиным» взглядом.

Пора было уже разобраться, кто из нас — главный. Я больше не пленник, и нечего мне в харю тыкать, что не знаю здешних обычаев.

— Так я не понял, колдун... — мне показалось, что во рту у меня, что-то клацнуло в такт словам. — Мы с тобой — на одной стороне? Или пусть меня боги мои защищают, а ты — в случае чего — в кусты?

Раст растерялся, он такого наезда не ожидал.

Я видел, как его кадык дёрнулся, совершая глотательное движение, и ноздри мои сами собой раздулись.

— Ты меня неправильно понял, воин! — Раст сделал маленький шаг назад. — Я не отказываюсь тебя защищать! Но не от твоей же собственной глупости!

Он ещё попятился на всякий пожарный, и меня осенило, что его пренебрежительное со мной обращение проистекает, скорее, от страха. Тот, кто не боится, тот даже рабами не помыкает.

— А если правитель прикажет тебе меня придушить? Тогда как? — спросил я напрямик.

Яшка в дипломатию играть не любил.

— Я не знаю, — пробормотал Раст. — Я не видел таких, как ты. Мы не считали вас воинами. Я не уверен...

— Пытаешься сообразить, полезен ли я тебе как союзник? Или только как подарок правителю?

Раст помотал головой, словно опасаясь говорить вслух.

— А сам ты — что за овощ? — продолжал я, оценивающе щурясь. — Почему ты не живёшь на улице магов? Неполноценный маг?

Раст бросил затравленный взгляд на воинов, взявшихся уже разбивать лагерь, и я сообразил, что все посторонние разговоры давно смолкли.

Колдун развёл руками, и я кивнул.

— Есть колдуны-правители, — вздохнул Раст, примиряюще поднимая ладони. — Мы обязаны подчиняться им, как земледельцы и торговцы обязаны подчиняться нам. Как бы ты ни был силен своей воинской магией, Зергиус, колдун-правитель прикажет тебе — и ты пойдёшь выполнять его иди... — Он вскинулся, сердито поглядел на воинов и поправился: — Идеальное распоряжение! Да восславится наш маг и правитель Ярст, что прекрасен и силен, словно сам Закат!

Он нахмурился, под кожей заходили желваки. Похоже, я задел его за живое, и он хотел бы перетереть со мной на тему здешнего правительства, но открыто такие разговоры вести не мог — слишком много свидетелей.

Я тоже поднял ладони: пусть будет временное перемирие.

— А магические кварталы в городе, которые с пагодами? — спросил уже мягче. — Кто

там живёт?

— Так бабы его, — поморщился Раст. — Идеального правителя нашего. У него в каждом городе гарем, дети, внуки... И всех надо кормить, они же бездельники.

— Как странно, — вот тут он меня удивил. — В нашем мире войны даются городу на прокорм.

— Ну, а в нашем — гаремы, — поморщился Раст. — И ведь бабу тронуть — ни-ни. А там такие ягодки, такие...

— Пёрсики? — подсказал я.

— Во-во, — согласился Раст. — А в касте воинов — половина баб, словно мужики, здоровенные. Вот, вроде твоих — он кивнул на Лярис с Мидорой. — Ну и как тут жить, а?

Он воздел руки к небу и ушёл орать на воинов, бросивших свои дела и развесивших уши.

Для ночёвки воины выбрали утопанное место на берегу. Здесь уже было старое кострище, обложенное почерневшими камнями, и даже оставалось немного дров — видно это место нередко использовалось для стоянок.

Горячего не готовили — поели вяленого мяса и лепёшек, взятых с собой в дорогу, попили воды. А после стали ложиться спать.

Никаких дежурных Раст не выставил.

— А это не опасно? — спросил я у колдуна. — Вдруг нападут? Люди или звери?

— Врагов здесь нет, — отмахнулся Раст. — Это наша земля, до самой столицы. Хищники тоже сейчас на людей не полезут: летом сытно. А на случай, если появятся волкомеды или разбойники, поставлю защитный купол.

Он отошёл немного в сторону, ближе к кустам, и принялся что-то бормотать под нос, иногда делая размашистые пассы руками. Скоро над нами возник прозрачный свод, что накрыл и стоянку, и ближние к ней кусты.

Я смотрел во все глаза, иначе бы и не заметил ничего. Купол был почти невидим, вроде мыльного пузыря, только по нему пробежали не радужные разводы, а еле заметные бледно-голубые огоньки.

В душе моей шевельнулись недобрые предчувствия.

— Значит снаружи теперь не войти. А выйти можно? Вдруг захочу отлить?

— Попробуй! — усмехнулся колдун.

Я не поленился, попробовал. Купол пружинил, отталкивал.

— Здорово! — похвалил я колдуна. — У нас такого не умеют.

— Такая слабая у вас магия? — удивился Раст.

— Да посильнее вашей! — возмутился я. — Но наш охранный купол другой. Он сначала орёт дурным голосом, потом бьётся током.

— Чем? — удивился Раст.

— Да как будто дубиной как вдарит! И самые здоровенные валятся, будто подкошенные! И это даже ещё не магия, а так, просто наука.

Раст шархнулся от меня и бочком-бочком отправился устраиваться на ночь. Наука показала ему самой сильной магией.

А я посмотрел на Дору и Лярис, и в голове у меня возник коварный план.

Воины, привыкшие к походной жизни и ценившие каждое мгновение отдыха, заснули почти мгновенно. Они набрали веток, набросили сверху попону — вот и вся постель, прямо

под открытым небом.

Колдун ещё повозился, устраиваясь с комфортом. Он лёг у самого края купола, нарезал травы и навалил на ветки, чтобы было помягче.

Даже разулся, и его сапоги стояли теперь в ногах лежанки, как два сторожа.

Палатку поставили только мне. Простецкую, из двух одеял, веревок и палок. Лярис и Мидора таскали мне траву, зевая на ходу. Потом завалились на общую постель.

— Зергиус, иди к нам! — позвала меня Ля.

Я устроился между девчонками, приобнял их и шепнул Лярис:

— Из-под купола бежать не получится. Надо придумать что-то другое.

— Ты ведь придумаешь? — пробормотала она. — Хочется уже домой...

— Я уже придумал!

Приподнялся, оглядывая наш маленький лагерь. Колдун и воины крепко спали.

Мне, конечно, хотелось домой, в родную реальность подальше от этого дурдома. Но ведь пока это было невозможно, а рядом с обеих сторон прижимались горячие девичьи тела.

Пусть они и глупенькие неписи, но молодые, гибкие. С бархатной кожей. И горячо любят меня. (Ну, то есть, Рыжика.)

Я обнял Дору, покрепче, и начал целовать лицо и шею Лярис, другой рукой перебирая её волосы.

Девушка не шелохнулась.

Сначала я подумал, что Ля так дразнит меня, побуждая к более решительным ласкам, но и они не помогли: девушка крепко спала.

Я повернулся к Мидоре, но и она блаженно посапывала.

Иэх... Получалось, что обе мои охранницы, измученные походом и непривычной работой, спали без задних ног. Вот тебе и программа!

Ну не будить же их, раз настолько вымотались!

Я перевернулся на спину и вздохнул. Неудовлетворённое желание терзало недолго, гораздо сильнее от непривычной верховой езды болели задница и спина.

Я с тоской глядел то на незнакомое звёздное небо, с мерцающими всполохами купола, то на такой близкий и всё же недосягаемый лес, и никак не мог придумать способ ускользнуть от колдуна и охраны.

Сюда бы Васю! Он бы помог разметать воинов, вот тогда можно было удрать и днём. Или хотя бы Рыжика, настоящего, живого, чтобы он насрал в сапоги Расту.

Впрочем, подумал я в подступающей дрёме, если это сделает Вася, тоже будет неплохо...

Проснулся я ещё до рассвета от громкой ругани Расти. Оказывается, ночью какой-то огромный зверь всё же продавил купол и навалил большую и ароматную кучу прямо на сапоги колдуна.

Я улыбнулся: видно, я всё-таки настоящий маг. Захотел и натеньки — полные сапоги душистого счастья! От всей филейной Васькиной широты.

А что колдун подарка не оценил, так это его личные проблемы. Не дорос ещё, значит, до Васькиных подарков. Совсем не дорос.

Марина сидела на камне, скрестив руки на груди, и мрачно смотрела на Андрея, который тщетно пытался развести костёр с помощью верёвочки, палочки, бревна и сухой травы.

Закрытие сработало криво и плохо. Их перенесло куда-то вглубь, ещё дальше за край карты. Лошади пропали. Видимо, интерфейс отказал совсем. Да ещё незадачливым путникам пришлось искать место для ночлега, потому что уже совершенно стемнело. И ни еды, ни воды у них не было.

Марина не чувствовала голода, но знала, что пища в игре поддерживает работоспособность тела, а они по её подсчётам не ели уже сутки.

Игровой интерфейс теперь вообще не вызывался никакими движениями, хоть танцы с бубнами пляши. И из-за этого Марина ощущала нарастающую тревожность.

Если с ними сейчас что-то случится, а связи с “Магнетик инк” так и не появится, то как произойдёт слияние разума и тела, лежащего в игровом боксе?

Маринино воображение рисовало страшные картины, как в реальном мире тело её сидит в инвалидном кресле и пускает слюни, а разум потерялся на просторах сети, заблудился в цифровом коде.

Она в ужасе передёрнула плечами, и это движение не укрылось от Андрея, который, казалось, был сосредоточен на верчении палочки.

— Не бойсь, — подмигнул он ей, как будто угадал мысли. — Всё будет нормуль. Направление определим по солнцу, как только оно взойдёт. Ты же знаешь, тут ночи очень короткие. Утром дойдём до границы, там и связь восстановится. Главное, костёр развести, чтобы зверей отпугивать, и пожрать бы, чтобы силы были.

— А с чего ты взял, что я боюсь? — с вызовом произнесла Марина, но голос её предательски дрогнул.

Андрей улыбнулся, но промолчал.

— Значит, мы всё-таки вместе до границы пойдём? — Марине отчаянно хотелось выместить на ком-то свою злость и она не смогла сдержать яда: — А я думала, что ты собираешься бросить меня так же, как и своего друга — Пингвина.

— Ну, во-первых, ему ничего не грозит, — спокойно ответил Андрей, продолжая тереть палочку о деревяшку. — В том месте связь точно ещё была, и если его сожрали, то он либо реснется, либо его выкинет в реал. Я все ещё убеждён, что и у нас есть подобный выход...

Андрей подул на палочку, и лицо его стало мрачным. Он словно бы обдумывал, а не врезать ли этим бревном Марине, чтобы не мучилась?

— Ты предлагаешь суицид? — Марина от возмущения широко распахнула глаза.

— С чего ты взяла? Меня от одной мысли о смерти колбасит, — успокоил её Андрей. — Но из игры-то мы этим путём выйдем точно...

Он бросил бессмысленные издевательства над бревном и замолчал, уставившись себе под ноги.

Марина поняла его молчание по-своему.

— Да не выйдем мы! Ты просто меня обманываешь, чтобы успокоить! — выпалила она, и её понесло: — А вот ответь мне, почему ты вообще согласился мне помогать, а? Может, ты нарочно меня сюда завёл? Может, хотел проверить, что будет, если мы выйдем за границу карты и сдохнем!

— Марина, успокойся, — попросил Андрей. — Ничего такого я не хотел. У меня была своя причина, сопровождать тебя.

— А я знаю, что это за причина! — Марина подскочила с камня и принялась ходить перед Андреем туда-сюда. — Ты просто следишь за мной! Ты — апостольская шавка! Стукачок — засланный казачок!

— Чья шавка? — удивлённо переспросил Андрей.

— Ну, Петра и Павла, — Марина перестала вышагивать и посмотрела Андрею в лицо. — Апостолы же... У нас же все их так за глаза зовут.

— Очень остроумно, — оценил Андрей и вернулся к разжиганию костра с удвоенным усердием. Оказывается, он просто отдыхал. — Только я не их шавка. Да и вообще — ничья.

— На себя, значит, работаешь? — не унималась девушка.

— Да ни на кого я не работаю! — вспыхнул Андрей. — Я вообще думал, что этим... “апостолам” ты стучишь!

— Я? Стучу? — Марина даже задохнулась от возмущения.

— Ну а что? К боссам вхожа в любое время, да и отношения у тебя с ними какие-то особенные. Я ведомости видел как-то случайно, так и зарплата у тебя побольше, чем у простых тестировщиков. По крайней мере, уж побольше моей точно.

— А ты не думал, что я просто больше тебя работаю! — обиделась Марина и села обратно на камень. — Зачем мне стучать? Какой в этом смысл?

— Ну раз не стучишь, значит спишь, — подытожил Андрей, и зря это сделал.

У каждого человека есть некий порог оскорблений, за которым у него срывает крышу. У Марины это была её нежная девичья честь.

Ей захотелось разрыдаться, но она сжала кулаки и бросилась на Андрея.

Марина лупила его по спине и голове, а растерявшийся от такого напора парень только горбился и прикрывал руками лицо.

— Всё, всё, перестань! Я пошутил! — крикнул он, сообразив, что Марина просто тратит свои его силы.

— Идиот, — Марина стукнула его в последний раз и вернулась на свой камень.

Сложив руки на груди, она обиженно отвернулась.

Солнце садилось за деревья, окрашивая небо в волшебные цвета.

“Закаты тут что надо!” — подумала Марина.

От мыслей её отвлек радостный вопль Андрея:

— Получилось! — лыбился он, указывая глазами на тоненький дымок, струящийся из пучка сухой травы.

Он добавил ещё пучок и осторожно подул, чтобы показался язычок пламени.

Вскоре огонь уже весело плясал на небольших брёвнах.

Андрей несколько раз уходил в лес и возвращался с дровами и ветками, сваливая их недалеко от костра. Марина не изъявила желания ему помогать, а он и не просил.

— Охотиться, к сожалению, уже поздновато, но я нашёл вот это, — произнёс Андрей, когда в очередной раз вернулся из леса. — Прямо наткнулся на них, а то бы не разглядел — темно.

В руках он держал штук пять довольно крупных грибов, похожих на боровики.

— Ты уверен, что их можно есть? — недоверчиво спросила Марина.

— А ты думаешь, что разработчики нас с тобой травить собираются? — весело спросил Андрей. — Если боишься, давай сначала я попробую.

Он нанизал пару грибов на прутик и сунул его в огонь.

— Ты чего, никогда в лагерь не ездил, что ли? — спросила Марина.

Она взяла второй прутик, нанизала на него гриб и осторожно приблизила его к огню.

— Вот так надо! — пояснила она. — Не в середину пламени, а держать на самом кончике огня — там жар сильнее. И быстрее прожарится.

— Он так закоптится быстрее, — проворчал Андрей, но ветку передвинул.

Повисло неловкое молчание.

Марина не выдержала и нарушила его:

— Ну раз мы выяснили, что никто из нас не стучит, так может ты расскажешь, что тебе известно? А я расскажу, что известно мне. Вдруг это нам как-то поможет?

Андрей посмотрел на неё пристально. Поскольку он сидел рядом, то его лицо оказалось слишком близко, и Марина увидела, какие уставшие и глубокие у него глаза. Как у древнего старика.

— Ну ладно, расскажу. Есть у меня одна теория. Только ты не перебивай, ладно? И... Это... — Он посмотрел на грибы. — Давай сначала пожрём?

— Вечно вы так, мужики, — вздохнула Марина. — Только жрать! Пять минут тебе на еду. А потом — только попробуй лепить мне свои отмазки!

Грибы оказались не просто съедобными, а очень даже вкусными — вроде нежной курятины. Только они очень быстро закончились.

Последний, пятый гриб, Андрей и Марина честно разделили пополам.

Уже совершенно стемнело, и шалаш было строить поздно.

Андрей усадил Марину на ветки сосны, что он успел собрать ещё засветло, и уселся рядом.

— Помнишь, я уже рассказывал тебе, что с игрой, что-то не так? — спросил он.

Марина кивнула.

— Вот потому я и не мог с тобой не пойти. Сильно уж мне запали все эти нестыковки.

— Какие? — Марина была согласна с Андреем, но взирала на него с непримиримостью инквизитора.

Чем больше она вспоминала всё, что сегодня с ними случилось, тем больше ей не нравилось поведение Андрея. Ведь и в игре нужно быть человеком. Интриги — интригами, но сейчас-то одни — на одной стороне.

Ладно, Фашист — просто пропал. Может быть, он вообще втихаря домой слинял? Но Пингвина волкомеды повалили и, наверное, съели. Даже если это не очень больно, но страшно и ужасно противно.

Или парни идут в игру именно за такими ощущениями? Чтобы тебя убивали не по-настоящему? Жрали не по-настоящему?

Она же тоже хлопала на публичной казни бунтовщиков. Знала, что в толпе приговорённых есть игроки, но хлопала. Они же проиграли. И она могла бы проиграть... Брр...

Но игрок перед казнью мог струсить и выйти из игры, это не возбранялось. А здесь, в лесу, с барахлящим интерфейсом...

Марина поёжилась, всматриваясь в тени. И поняла, что замёрзла, а мало того, задумавшись, пропустила часть объяснений Андрея.

Глава 26. Ночь в игре коротка

— В каком районе вашего города находится улица Дарвина?

— В принципе — в любом.

— ...Вот ты видела этот чужой и странный город? — спросил Андрей, заметив, что Марина не отвечает, и вообще погрузилась в себя.

Девушка поспешно кивнула.

— Допустим, это новая недопрописанная локация. Допустим даже, что работает с ней какой-то китайский сервер, и каждый камень рихтуют миллионы старательных китайцев. Но сторонних-то игроков в игре быть не должно! Мы же подписывали контракт!

— И что? — не поняла Марина.

— И ты веришь, что стражники были неписями?

Марина задумчиво покачала головой: одно дело с упорством маньяка прорисовывать каждый цветок или травинку... (Она потянулась и сорвала травинку, рассматривая её: сходство с реальностью было потрясающим!) И совсем другое — писать тысячи вариантов реплик для неписей.

Хотя... А почему бы и нет?

— А если всё-таки трудолюбивые китайцы? — спросила она.

— Значит, рано или поздно мы найдём баги и непрописанные локации. Я потому и решил с тобой поехать. Мои парни не хотят идти за край карты, а Пингвин и Фашист — авантюристы. Но они не из моей общины.

— А почему твои не хотят?

— А им и в общине хорошо. У них там есть всё, что они любят. Кто-то приходит в игру, как будто к себе на дачу. Выращивает овощи, коз, корову вот завели. Ты представь, как в игре хорошо! Полил, внёс удобрения — и всё растёт. Гнуса нет, пыль в доме не накапливается. Это же чудо, а не отдых. Вон, Гришка Разятов — посадил огурцы, помидоры и завёл себе тещу-непись. И командует ею: «Мамка, пойди, мамка принеси!» Она ему перед сном ноги моет и воду пьёт, прикинь? А Сёма Кошкин? Бутылочка коньяка каждый вечер, завалинка, птички поют. И очередь из деревенских дурачков, чтобы сыграть с ними в шахматы.

— Бред какой-то, — не выдержала Марина. — Они здоровые вообще, твои Гришки и Сёмы?

— Они хотят жить нормально, Мариш. Без войн, без болезней, без скандалов в семье и на работе. В городе админы заставляют нас проводить всякие социальные эксперименты: то бунт, то неурожай... И люди уходят ко мне. И живут так, как им хочется. Параллельные семьи себе заводят. А ещё...

Андрей вдруг замолчал, отломил веточку и прислушался к ночным шорохам.

— Ну? — переспросила Марина и снова поёжилась. Костёр давал не так уж много тепла: спереди жарило, спина мёрзла.

Андрей помялся, подыскивая слова, и выдал:

— Собака у меня убежала.

— То есть?

— Ну, я собаку себе написал, овчарку. Мне всегда такую хотелось. Я плохой программист, долго с ней мучился. А она убежала.

— Плохо прописал, может?

— Я потом видел её с местными неписями. Ладно бы с игроками. Там понятно — перехватили управление, гады. А выходит — она сама от меня убежала, ты понимаешь? Я её всяко дрессировал, чтобы как Рэсси у Электроника. Везде брал с собой, и за край карты — тоже. Замучил, наверное, а она....

Андрей задумчиво уставился в огонь.

Марина промолчала, хотя ей хотелось покрутить у виска пальцем: ну псих же? Останавливала только нелепость ситуации: Фашист пропал, Пингвин пропал. Если ещё и Андрея послать...

— Обними меня, что ли? Холодно... — тихо сказала Марина.

— Это тебе-то холодно? — не поверил Андрей. — Ты же у нас Мурена! Железный стержень! Никогда не сдаёшься!

Он протянул руку, чтобы обнять Марину, и она отстранилась обиженно.

Андрей только смеялся над ней. Не замечал, что ей плохо и страшно. И друзей своих всех просрал. Тоже нашёлся — общинный вождёк.

— Все мужики — сволочи! — прошипела Марина.

— А дамы? — как ни в чём не бывало спросил Андрей. — Слушай, а в чём твой интерес в этой истории? Ну, послали тебя за Сергеем «апостолы», но ведь ты могла просто послать их в ответ?

— А вот не скажу! — огрызнулась Марина. — Доверия ты не заслужил. Спокойной ночи!

Она свернулась на ветках и закрыла глаза.

Андрей фыркнул и беззлобно пристроился рядом. Вдвоём-то теплее.

* * *

Я надеялся, что растовы сапоги будут благоухать всю дорогу. Однако, облегчив душу руганью, колдун отряхнул обувь, простёр руки — и через несколько минут сапоги стали не только полностью чистыми, но и выглядели даже лучше, чем раньше.

Вот досада! Хоть бы он ноги стёр!

Но почти сразу вспомнилось, как быстро Раст излечил мои мозоли. Даже неловко стало. Ну ладно, не надо стирать ноги, мы и так от него удерём.

За вознёй с сапогами совсем расцвело.

Сборы были обычными, как в любом походе, только, пожалуй, военные собираются быстрее, чем гражданские.

Что меня поразило, так это сколько Раст жрал! Наверное, раза в три больше, чем каждый из нас.

При этом он казался куда стройнее, чем при нашей первой встрече. Наверное, это на колдовство столько сил уходит?

Но спрашивать я его, конечно, не стал. Да и чего особенного? Колдунов же раньше называли жрецами? Вот он и жрёт.

При одном взгляде на лошадь меня одолела тоска.

— Господин Раст, а есть какое-то колдовство, чтобы спина от лошади не болела? — осторожно спросил я. — Непривычно мне на лошади.

Он поднял на меня изумлённый взгляд, даже жевать перестал:

— Разве в твоём мире нет лошадей, воин Зергиус? На чём же ты ездил?

— Лошади есть, — сознался я. — Для спорта. А ещё на них детей катают по паркам. А для взрослых у нас есть железные повозки на колёсах, которые сами везут, куда надо. На них тоже не всегда удобно, если дорога плохая, но с лошадью всё равно не сравнить.

Раст глядел с сомнением, и я на всякий случай добавил:

— Я на бэтээре ездил, а ещё бывают танки.

Он, по-птичьи склонив голову на бок, вслушался в звучание незнакомых слов и пробормотал:

— Наш Закат не видел таких волшебных повозок...

А после вновь принялся за еду, словно я его ни о чём не просил!

— Так как насчёт того, чтобы боль снять в спине? — нетерпеливо напомнил я. — Есть такое заклятье?

— В нашем мире нет бэтээров, — с сожалением сказал Раст, жадно откусывая лепёшку. — Потому тебе придётся учиться ездить верхом, а умение приходит через терпение.

Я хмыкнул. Мы с ним, вроде, решили разборку пока не устраивать. Но вот же гад, ага?

После завтрака все вскочили на своих скакунов, и я тоже, стиснув зубы, вскарабкался на рыженькую лошадку. Мы вновь тронулись в путь.

Я всё поглядывал по сторонам, но индрика не заметил, хотя был почти уверен, что он где-то рядом.

Воины тоже пристально вглядывались в лесную чащу, и я на всякий случай мысленно сказал Васе, чтобы держал дистанцию и никому не попадался на глаза.

Может, он мои мысли слышит? Про сапоги-то он здорово угадал!

Взгляд мой упал на тропу, по которой мы двигались. До этого я не обращал на неё особенного внимания, а сейчас призадумался. Та дорога, по которой меня вели от ямы до города, и то была шире и куда лучше натоптана.

Разве так и должно быть? В столицу ли нас везут?

Надоедать колдуну с расспросами я остерегался. Боялся, что настучу по репе этой высокомерной скотине, а время для этого ещё не пришло. Да и воинами пока всё-таки командовал он.

Окликнул одного из мужиков:

— Эй, служивый! А почему у вас столичная дорога такая нехоженная?

Воин не ответил, покосился на колдуна. Раст подъехал, негромко пояснил:

— Хоженная дорога там, — он махнул рукой вправо. — Она короче и удобнее, да только там сейчас беспокойно. Волкомеды.

— Волкомеды? Это что? — не понял я, и тут он внезапно обозлился:

— Это тебя надо спрашивать, что это! Мы жили спокойно, без всякой нежити, а как ваш мёртвый город здесь появился, так всякая дрянь к нам и полезла! Мало того, что сами лезут, так ещё и наших в такое же обращают!

Я сначала опешил, а потом сам на него окрысился:

— А я тут причём? Меня обманом сюда запихнули, как и этих твоих волкодохлов! Я и не слышал никогда про таких. Может, они вовсе из какого-то третьего мира? Как хоть они выглядят?

Раст насупился:

— Волкомед ростом с меня будет, а то и с тебя. Морда больше на волчью похожа, но ходит на двух лапах, будто медведь.

— Ну, пусть как медведь, и что? — не понял я его страха.

— Стаями они, — внезапно сказал воин, что ехал рядом со мной. Видно решил, что можно объяснить, раз колдун сам начал рассказывать. — И, говорят, что человек, кого укусят, сам такую зверюгой оборачивается.

Вот тут я пожалел, что никогда играми не увлекался и не знаю, как там обычно воюют с такими зверями. Вроде есть лекари и эликсиры от зомбаков? Но точно я не знал, и потому промолчал.

А Раст добавил:

— На этой тропе волкомедов пока не видели. Они на большой дороге охотятся да по деревням. Но смотреть надо зорко, всякое может случиться.

Дальше мы ехали молча, растянувшись по дороге цепью. Слышен был только перестук копыт.

Я ехал одним из последних. Сзади были Мидора и Лярис. Ну и воин, что замыкал нашу группу.

Петь после услышанного мне не хотелось, да и то сказать, если здесь охотятся такие твари, лучше не привлекать их внимания.

Тело у меня ныло по-прежнему, но я почти не замечал этого, пристально вглядываясь в заросли по обеим сторонам дороги, примечая шевеление веток, вскидываясь на непонятные звуки.

Если вдруг на нас нападут, надо быть наготове.

Я так усердно пялился на придорожные кусты, что не углядел корягу, торчащую из высокой травы на обочине. А оказалось, что это была вовсе и не коряга.

Лошадка моя вдруг захрапела и шарахнулась, а коряга зашевелилась и превратилась в зверя!

Он был мохнатый, бурый. Оранжевые глаза смотрели мне прямо в лицо, а из уголка оскаленной пасти тянулась вниз ниточка слюны.

Я дёрнул повод, и лошадка поднялась на дыбы. С глухим рыком волкомед бросился на меня, а Яша... Он, как назло, не хотел просыпаться!

Я скатился с лошадки так быстро, что забыл испугаться. Воин, что ехал чуть впереди, выхватил меч и бросился на зверя.

Стоп! У меня ведь тоже есть меч!

Я нашарил рукоять и выхватил меч из ножен. Да, он был короче, чем в кино, но всё же им можно было защититься и даже нанести смертельный удар!

И тут Мидора налетела на меня сзади:

— Дай мне!

Она выхватила меч из моей руки и бросилась в бой.

Лярис, поймала мою лошадку и помогла мне на неё взгромоздиться. В руках охранница сжимала острый обломок палки — оружия ей не дали.

Раст, он ехал первым, повернул коня и поспешил нам на помощь. Воины тоже повернули коней, готовые разом наброситься на чудовище.

Но тут из леса раздался рёв и на тропу выскочили не меньше десятка волкомедов!

Воины сбились в плотную группу, защищая меня. Они швыряли в зверей дротики, но

берегли их. Пополнить запас оружия нам было негде.

Раст спешился, чтобы не пугать лошадь, и начал кидать файерболы. Получалось у него ловко. Первый же огненный шар попал в цель и зажёг зверя.

С диким рёвом волкомед кинулся обратно в лес, но удрать не успел — огонь охватил его целиком. Миг — и от него осталась куча обгорелого пепла!

Однако успех был временным. Маг, стремясь защитить нас, швырял файерболы один за другим и не успевал их как следует вырастить.

Звери шарахались, рычали, но постепенно обступали нас.

Мидора и воин ранили чудовище, напавшее на меня, но добить его не успели. Были вынуждены отступить под защиту огненных шаров Раста.

Как нам сейчас не хватало Васи! Он бы быстро разогнал эту стаю!

Один из воинов решил съехать от Раста, чтобы добить раненого зверя. Тварь билась на земле, и соблазн был слишком велик.

— Назад! — заорал я.

Воин, конечно, меня не послушался.

Он выхватил меч, замахнулся...

Раненый зверь прыгнул и повалил его вместе с конём. Приятели волкомед радостно заревели и кинулись к нему на подмогу.

Раст швырнул в файербол в оживившуюся стаю и наконец попал!

Огонь охватил сразу двух волкомедов, остальные с ворчанием отступили. Только тот, что повалил воина, продолжал его жадно терзать.

Лярис направила коня вперёд, и я не успел её остановить.

С ужасом смотрел, как она приближается к волкомеду. Какое безумие!

В первый миг мне показалось, что моя девочка свалилась с коня, но она лишь перегнулась почти до земли, подхватила меч погибшего... Выпрямилась и с широкого замаха снесла голову зверю!

Войны издали ликующий вопль, волкомеды заревели.

Один из стаи решил, что так нечестно, и прыгнул. Конь шарахнулся, и Лярис не удержалась в седле, упала, но сразу вскочила и бросилась на хищника.

Вот тут я испугался за девочку уже по-настоящему. Потому что проснулся Яша, и бросил меня в атаку.

Я послал лошадку вперёд, вскочил на седло обеими ногами, прямо со спины коня прыгнул на волкомед и вцепился зубами и руками ему в загривок.

Яшины инстинкты сыграли со мной в этот раз дурную шутку. Рот мой наполнился жёсткой шерстью, и прокусить толстую шкуру я не сумел.

Волкомед, ошарашенный неожиданным нападением, с визгом закрутился на месте, а потом опустился на четвереньки и бросился наутёк.

Пару минут я скакал на нём, потом кое-как разжал зубы и свалился в кусты. Да так, что дух вышибло!

С трудом вдохнул, сел, ощупывая себя.

Выбрался из кустов и увидел растерянно оглядывающихся охранниц, потерявших меня, воинов, столпившихся вокруг мёртвого товарища, и Раста с ввалившимися от усталости глазами.

Волкомеды исчезли. Только обезглавленный труп одного из них всё ещё возвышался

рыжей шерстяной грудой.

А на дороге, почти перегораживая её, стоял... Вася. Опустив голову, он шумно фыркнул и рыл землю.

Заметив меня, индрик-зверь повернулся и игриво побежал навстречу, выписывая восьмёрки окровавленным кончиком рога.

Я обнял громадную мохнатую голову:

— Вася хороший. Хороший! — Почесал мощную шею. — Главное, что вовремя пришёл, умница.

— Лучше бы чуток пораньше. Мы потеряли лучшего бойца, — мрачно сказал колдун.

Я покачал головой, но ничего не сказал.

И это был лучший воин? Вылез из строя — вот и огрёб.

Колдун подошёл, но не слишком близко, и завистливо оглядывал индрика, а я всё чесал довольно хрюкающего Васю.

— Я рад, что твой бог вернул тебе своё расположение, — начал вещать Раст. — Не возражаю, пусть он идёт с нами. Ты воистину великий и бесстрашный воин, Зергиус. Я не знаю никого, кто без оружия решился бы сразиться с волкомедом. А ты не только отважно вступил в схватку, но и выиграл её без единой царапины!

Лярис и Мидора тоже подошли ко мне. Лярис выглядела изрядно помятой: штаны в пыли, волосы растрёпаны, рукав порван. Мидора озабоченно сказала:

— Зергиус, зверь её укусил. Что будем делать?

Колдун изменился в лице и выпалил, глядя на меня:

— Нужно немедленно уничтожить девчонку, пока не обратилась в волкомеда! Я займусь!

Он попытался отобрать у Мидоры мой меч, но я вклинился между ними:

— Это моя охранница, я не позволю причинить ей вред!

Раст надулся.

Я забрал меч у Мидоры, но не сунул его в ножны, а держал в руке. Колдун покосился на окровавленное лезвие и повернулся к Лярис:

— Показывай, где тебя укусили, быстро!

Мидора взмахом ножа рассекла рукав подруги.

Это была та же самая злополучная раненая рука, наверное, потому она и подвела Лярис в бою...

Я осмотрел укус: синий полукруг от зубной аркады и сине-чёрные проколы от клыков. Крови почти не было.

Раст коснулся ранок двумя пальцами. Крохотные огненные шарики скатились с его руки и словно втянулись под кожу. Лярис зажмурилась от боли и тихо охнула.

— Больше я ничего не могу сделать, — с сожалением заметил колдун. — Может, и обойдётся. Или маги-лекари в городе сумеют её вылечить? Завтра доставим твою охранницу в город. Никуда сегодня уже не поедем. Надо собрать разбежавшихся лошадей и похоронить павшего.

Мидора взяла оружие убитого воина и поделилась с Лярис — себе оставила меч, подруге отдала нож и связку дротиков.

Воины Раста не возражали: они видели, что девушки могут сражаться.

Я осмотрелся — и обнаружил, что на поле боя лежат целых двадохлых волкомеда — безголовый и ещё один, бурый с сединой, полусожжённый файерболом Раста.

— Так если зверюги разбежались, они же коней пожрут? — спросил я. — Мы потеряли почти всех заводных коней.

Раст покачал головой:

— Тварей ушло две. Им и одного коня хватит. Было шестеро. Мы четверых убили, но два тела исчезли. Так бывает, они ненастоящие — вроде твоих женщин. Скоро исчезнут и эти.

Я хмыкнул, но ничего не ответил. Надо же, мне показалось со страху, что монстров десяток, а то и дюжина!

Мужички тем временем занялись павшим.

Его уложили на землю головой к закату. Раст вырастил большой фэйербол и бережно опустил на грудь воина.

Шар немного покачался на месте, пока колдун бормотал прощальные слова о храбрых стражах Заката, ушедших за Грань, а потом фэйербол вспыхнул ярким синим светом и разлился пламенем.

Жар обжигал, и мы отошли подальше.

Когда костёр погас, на выжженной земле ничего не осталось.

Я обернулся. Рыжее безголовое тело волкомеда исчезло, а вот бурое — так и продолжало лежать.

— Добейте тварь! — приказал Раст. — Видимо, жизнь в ней ещё теплится! И отправляйтесь искать коней! Двумя отрядами, так будет быстрее.

Один из воинов отрубил бурому волкомеду башку.

Лярис и Мидора, отдышавшие у моих ног, поднялись.

— Отпусти нас искать коней, Зергиус? — попросила Лярис. — А то эти коротышки их до свету не соберут.

Я тяжело вздохнул, но отпустил.

Глава 27. Плен и битва

Если бы Адам и Ева были китайцами, они съели бы не яблоко, а змея...

Марина проснулась от боли в боку — ветки оказались не такими уж мягкими. Она выпрямила затёкшие ноги и разбудила этим Андрея.

Оказалось, что утро они проспали, уж больно вымотались, а ночи в игре были короткие. Парень встал, потянулся. Печально посмотрел на погасший костёр и полез в кусты.

«Мальчики — налево, девочки — направо», — подумала Марина и тоже полезла в кусты.

Присев под кустиком, она наконец додумала простую и хорошую мысль, которую озвучил вчера Андрей: послать Петра и Павла лесом, вернуться в город, с помощью Андрея достучаться до техподдержки, а в понедельник объявиться в офисе и закатить скандал.

Ну её, эту тройную оплату. Сколько можно ночевать в лесу на ветках?

— Вууууу! — раздалось где-то рядом.

— Андрей! — крикнула Марина, натягивая штаны. Для нападения на гарем она выбрала удобную мужскую одежду, а не надоевшее платье. — Хватит меня пугать! Я знаю, что ты за этим кустом! Вылазь сейчас же!

— Вууууу, — донеслось из-за куста.

— Вылазь, я сказала! — заорала Марина.

Куст не шелохнулся, но звуки продолжались, только теперь это был не утробный вой, а шумное сопение и чавканье.

И как только Андрею удавалось делать это так мерзко и громко!

Марина подхватила длинную валежину. Она решила обойти куст и, как бы не замечая Андрея, шандарахнуть ему по спине от всей души!

Ей давно этого хотелось. Сам виноват! Пугает, чтобы приняла за зверя — вот и получай!

Девушка не особо старалась соблюдать тишину: после криков это казалось глупым. Она напролом двинулась в ту сторону, откуда доносилось чавканье.

Вот между листьев показалась коричневая куртка Андрея.

Пригнулся, гад! Нет, отсюда, пожалуй, его не достать.

Марина сделала ещё два шага и остановилась. Теперь фигура была видна почти полностью, но... это был не Андрей, а волкомед!

Лохматый и страшный он стоял на задних лапах. Когти его были величиной с небольшие изогнутые ножи, а зубы...

— Вуууу!

Тварь повернула к Марине окровавленную морду:

У её лап в высокой траве лежало что-то большое, коричнево-красное, истекающее кровью. И она это ела.

Марина сглотнула. Тварь смотрела на неё не как на добычу, а как на накрытый стол на лесной полянке: немного растерянно, но с подступающим аппетитом. Так гости на свадьбе глядят, когда им несут второе горячее.

Марина замерла, пытаясь рассмотреть окровавленный кусок на траве и страшась узнать в нём Андрея.

Нет, этого не может быть! Это не должен быть Андрей! Ведь тело игрока должно был

сразу исчезнуть!

Неужели здесь, где нет связи с интерфейсом, игроки умирают по-настоящему?!!

Хрустнула ветка, и Марина дёрнула головой.

Андрей появился откуда-то сбоку, помахал ладонью и пошевелил пальцами, показывая, чтобы она отходила.

В животе разлился неприятный холодок, ноги подгибались, но Марина всё же кивнула и пятясь сделала несколько крохотных шажков.

Теперь куст снова отделял её от волкомеда, и она остановилась, жадно глотая воздух.

— Вуууу? — словно бы удивился волкомед.

И вот тогда Марина бросилась бежать, не разбирая дороги.

Остановилась она, когда ноги уже не держали. Прислушалась: кажется, никто за нею не гнался.

И тут мощный толчок в плечо сбил девушку с ног.

Марина упала лицом в мох, а сверху тотчас навалилось сильное тело, выкручивая руки.

Марина вырывалась изо всех сил, но противник был сильнее. Сухая веточка ободрала ей щёку, в рёбра больно упирался то ли камень, то ли выступающий корень...

Интерфейс был недоступен за краем карты. Она оказалась совершенно беспомощна и перед волкомедами, и перед неведомыми бандитами.

Прямо над ухом раздался звонкий крик:

— Дора, подсоби! Это та самая девка, которая хотела отнять у нас Зергиуса! Сейчас мы её в костре зажарим! Будет теперь знать!..

* * *

Солнце перевалило за полдень и я уже начал беспокоиться, когда из леса вышли мои охранницы. Но вели они не коней, а двух грязных измученных людей: мужчину и женщину.

К своему удивлению, я узнал в одном из пленников ту самую рыжую девку, что препротивно смеялась надо мной, проезжая мимо в карете.

Справедливость восторжествовала! Хотя...

Охранницы связали рыжую прямо-таки по-зверски: выкрутили руки так, что они, наверное, отваливаются у этой...

Как же её зовут-то? Эскобариха! Мурена Эскобар... Бр-р...

Я разглядывал рыжую девушку в грязной мужской одежде с исцарапанным ветками лицом и пытался вызвать в себе злость: если бы не она, может, вообще бы ничего и не было!

Не спаси я от неё кота, я бы...

А что — я? Я бы точно так же пришёл сдавать работу и попал в железный ящик. Только с одним Яшей, без Рыжика.

А Рыжик мне здесь о-го-го как пригодился. Ну вот не научился я к своим тридцати годам обольщать девчонок за две минуты.

Вспомнил про кота... и уже сам вид извивающейся на земле рыжей Мурены стал казаться мне ну о-очень соблазнительным.

Она была в коротких штанах и свободной рубашке. Рубашка от борьбы с Дорой и Лярис

задралась, демонстрируя мне плоский красивый живот.

В реале рыжая мне вообще как-то не очень запомнилась, но тут она была настоящая фитоняшка. Такая спортивная, дерзкая. Вытаращилась на меня прямо как на врага. М-м...

Рыжик во мне прямо-таки распушился и напряжился, но тут из кустов показалась вторая группа наших, на этот раз с конями.

Стоп. Хватит смотреть на бабу! Мне ещё на лошади ехать!

Раст тоже заметил, что я не тем делом занят. Подошёл и указал мне на воинов, разделывавших убитого волкомеда.

— Взгляни на это, воин-колдун Зергиус! — сказал он с неожиданным уважением, неужели проникся, наконец? — Ты видишь, какие ужасные дела творятся в мире грядущего Заката?

— А что случилось? — не понял я. Воин как раз поднял и отряхнул от крови снятую шкуру. — Шкура как шкура.

Мне совсем не хотелось подходить и разглядывать окровавленный труп. И отсюда было видно, что без шкуры волкомед очень похож на человека.

Я слышал, что медвежьи обесшкуренные туши вот так же напоминала нашим предкам людей. Оттого и родились поверья об оборотнях.

А может, волкомеды оборачиваются в людей именно потому, что похожи на них? Это же игра? Кто-то же мог прописать такую вот дрянь!

А тварь ещё и Лярис покусала!

Я озабоченно покосился на руку охранницы, перевязанную тряпкой.

Ну я и скотина. Мурену пожалел, понимаешь. А девочка моя даже ни разу не пикнула, не пожаловалась. А у неё вон щеки горят — наверное, температура!

Пока я вертел головой, колдун выжидающе смотрел на меня. Только непонятно было, что я должен был ему сказать. Вижу, мол. Но что?

— Ты тоже прозрел, отчего эти волкомеды стали оборотнями? — спросил я Раста.

И сделал умное такое лицо, мол, я не просто воин, а ещё и мудрец-провидец.

— Ты идиот? — спросил Раст. — Ты что, не видишь? Воины снимают с чудовища шкуру! Прошло столько времени, а оно никуда не исчезло!

— И? — затупил я.

Раст вздохнул. Он вспомнил, что в моём мире всё иначе и апеллировать к разуму бесполезно, надо объяснять.

— И это значит, что волкомеды стали жителями нашего мира! — он возвысил голос, чтобы и воины слышали наш разговор. — Они покинули твой мир мёртвых, воин Зергиус. Теперь эти звери станут гораздо сильнее и опаснее, а нам и без того с ними проблем хватало. Мы уже боимся ездить торной дорогой — они прячутся в кустах и нападают на путников. Если они стали сильнее, они весь наш мир превратят в зверей! Мы все погибнем!

Раст рухнул вдруг на колени и начал истово молиться, задирая голову вверх:

— О, великий Закат! Дай нам погибнуть не бесславно! Не в когтях оживших свирепых монстров чужого мира!

Воины заинтересовались и стали коситься на небо.

Этак он мне весь отряд перепугает.

— А ну, заткнись! — велел я Расту. — Слушать меня все! Быстро сели на лошадей и поехали! Нужно засветло добраться до города, а то ночью они дадут нам жару, раз совсем

озверели. Доедем, тогда и план разработаем, как с ними бороться!

Воины послушались. Бросили свежевать тушу, забрались на коней. Раст смотрел на меня скептически: ему словно бы и нравилось, что я командую, и не нравилось.

— Воинам нужно передохнуть! — попробовал настаивать он.

— А не боишься, что передохнут? — окоротил его я. — Кстати, а убитого ты зачем сжёг? Боишься, что труп может оборотиться в волкомеда?

— Не слыхал о таком, чтобы мёртвые тоже оборачивались, — пожал плечами Раст. — А жечь у нас принято. Все мы погибнем в огне Заката, и этот воин встретит нас там. — Он ткнул пальцем в небо.

— Но сам ты не проверял? — подколот я и крикнул. — Поехали! Быстрее!

Мидора и Лярис погрузили пленников на заводных лошадей, и я понял, что совсем не разглядел парня, с которым поймали Эскобариху.

Ну и фиг с ним. Нужно было торопиться, мало ли где бродят убежавшие твари. Да и непонятно, что с рукой у бедной Лярис. Лучше бы побыстрее привезти её к лекарям.

Вася, валявшийся на травке, увидев, что я взгромоздился на лошадь, поднялся недовольно хрюкая и начал чесаться о дерево. Ему хотелось отдыха и почесушек.

Интересно, а мясо он ест или только травкой питается?

Мы уже были готовы ехать, но Раст, дурак, всё медлил. Стоял на коленях и молился. Не понимал, что надо удирать.

Ведь если волкомеды стали полноправными жителями этого мира, они могли и поведение изменить! Теперь вообще непонятно, чего от них ждать!

Но Раст не врубался. Да и я не сразу сообразил. Я же не воин, я — сборщик мебели мать вашу закатную!

— А ну, пошевеливайся! — заорал я на колдуна! — Руки в ноги! Вперёд и с песней!

Воины оживились.

— А песню споёшь? — раздался робкий голос самого бородатого.

Ну как дети, ё-моё.

— Спою, — пообещал я. — Если Раста поможете на коня посадить!

В конце концов звери нас учуют, даже если не услышат. А песнями, может, и распугаем?

— Да мы жи-во! — загудели мужички.

Они погрузили колдуна на коня с почтительностью, но настойчиво. И мы поскакали.

Подгоняя коленями свою лошадку, я задумался: какую же песню мне выбрать? Современные были уж больно ситуативными. Даже любимая мною «Дорожная».

Ну, вот как петь, выезжая впереди конного строя: «Я куплю тебе змею или черепаху?»

Ведь не поймут мужики. Тут надо что-нибудь близкое душе воина...

И я запел: «Пора в путь-дорогу, дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идём...»

И воины подхватили, словно бы они уже слышали эту песню.

* * *

По субботам в «Магнетик. инк» царил сонная тишина, иногда прерываемая нецензурными выкриками из кабинета техподдержки.

Немногие испытатели-«суточники» молча лежали в капсулах, а в техподдержке резался

по сети в доту единственный техник. И оторвать его от игры могли только пожар или наводнение.

Ну, или вторжение любимого начальства.

Начальство в этот раз вторглось без объявления войны: коварно и неожиданно. Да и вахтёр дежурил какой-то недобрый: не позвонил с вахты, что Пётр и Павел уже крадутся по лестницам.

Дежурный же, вместо того, чтобы играть потише, орал на весь коридор:

— Ну, ёрш вашу медь! Ну чё этот, мать-мать, кэрри-то опять в лесу делает! Ну, в бога мать за красную армию! Почему на мид-лейне опять никого? (Вольный оцензуренный перевод.)

Пётр, конечно услышал. И вошёл. И освежил дежурному знание русского языка.

Минут двадцать освежал, пока худосочный Павел потев бился с железной дверью и непослушными ключами.

Наконец пришёл Пётр, выяснил, что ключ был выбран на связке не тот, и тут же открыл дверь, что называется, в одно касание.

Оба «апостола» с порога кинулись к железному ящику, где лежал Сергей.

— Ну как? — озабоченно спросил Павел, ещё не веря своим глазам.

— Норм, — выдохнул толстый Пётр. — Гроб стоит, жизнедеятельность идёт!

— Я боялся, что он за ночь — того, — скривился Павел.

— Боялся, и удрал жрать и спать? — съехидничал Пётр.

— Нет, ну где мой личный любимый сон, а где всё это... — Павел поёжился. — Давай начистоту, Петя? Надо посмотреть правде в глаза: мы этого парня уже убили, а труп утилизировать тебе.

— Почему убили-то? — не понял толстяк. — Вот он, живёхонький.

— Да потому что, когда он придёт в себя, думаешь, он оценит, что мы его в ящик затолкали?

— А мы скажем — эксперимент, — пожал плечами Пётр и добавил неуверенно. — И бабок ему... — Потом подумал и кивнул: — И киллера наймём. Ибо руки марасть... Лучше бы он сам помер. Мешки-то у меня есть подходящие. Литров на сто пятьдесят...

— А чё такие большие?

— Такие купили.

Павел вздохнул и поклацал мышкой, чтобы разбудить экран компа.

— Щас посмотрим, чем у нас этот игрок всю ночь занимался.

— Это у нас — ночь была, — фыркнул Пётр. — А у него там уже... — Он посмотрел на часы: — ...Третьи сутки пошли. Развлекается, наверное. В гареме.

— А Марина?

— А Марина же... — засомневался Пётр, но вовремя вспомнил, что посоветовал ей выкрасть Сергея. — Ну, да, — кивнул он. — Тогда, наверное, с Мариной и развлекается.

— Да ну, так она ему и дала, — хихикнул Павел.

— Ну... — толстяк задумался и облизал губы. — Ну, если дала, тогда уже никуда и от меня не денется. Тут важно начать...

— Петя, — вдруг сказал Павел и снова заклацал мышкой. — Ты проверь, в ящике он нормально лежит?

— Да я же проверил, — нахмурился толстяк. — Тёплый, дышит. Даже не обоссался. В принципе так и должно быть. Деприватор замедляет процессы жизнедеятельности. Так что:

четырнадцать часов, полёт нормальный! И приборы нормально показывают.

— А в локации его нету!

— Как нету?

— А вот так. Смотри.

Павел и Пётр склонились над экраном.

Там шла рябь, показывающая, что контакт с игроком не установлен.

— Глюк! — убеждённо сказал Пётр. — Перезагрузай систему.

Павел отправил комп на перезагрузку и поставил чайник.

Потом бросил в кружку с надписью «Во!» пакетик зелёного и три кубика сахара, залил кипятком, отхлебнул горячущего, он так любил.

Пётр чай пить не стал. Он ещё раз подошёл к ящику, пощупал тяжёлый медленный ритм пульса Сергея, не доверяя механике. Хмыкнул.

— Ну? — поторопил он Павла.

Тот отхлебнул чай и подошёл к экрану.

— Нету! — констатировал он. — Всё работает штатно, значит, это пропал сигнал с ошейника игрока.

— А как такое могло случиться? Он что, снял и уничтожил ошейник?

— А это нам наказание за грехи, Петя, — пояснил тощий, прихлёбывая чаёк. — Сломалось что-то. Надо из головного офиса мастера вызывать.

— Из Чморска?

Они оба поморщились.

— А Герман? — вспомнил Пётр. — Он через час придёт!

Павел пожал плечами: а я, мол, что сделаю.

Он погонял по экрану характеристики персонажей и добавил:

— И Марины твоей нету.

— А другие игроки — есть? — насторожился Пётр. — Может, у нас сервак глючит?

— Есть игроки, — Павлу было нечем успокоить коллегу. — С ночи трое лежат. И в восемь утра двое припёрлись.

— То есть система работает? — уточнил Пётр.

— Вроде работает, — кивнул Павел.

Толстяк задумался, походил по кабинету, где кроме железного ящика со сборщиком мебели, стола с компьютером и чайника на окне больше ничего не было, даже стульев, и предложил:

— Пошли, Марину посмотрим. В какой она капсуле, я забыл?

Павел заглянул в компьютер и сказал номер.

Они вышли в коридор, зашли в цешку и понаблюдали за счётчиком жизнедеятельности на капсуле Марины.

Похмыкали: девушка была не просто жива, а бегала, прыгала и вообще показывала усиленную жизнедеятельность.

— Пошли к техподдержке! — решился Пётр. — Про Марину-то мы им можем сказать. Она же не знает, что это мы её в игре заперли. Скажем — баг. Пусть техник поищет. Может, и вправду накрылось чего-то в передаче сигнала? Живы же все. Всё нормально.

— А Герман? — напомнил Павел. — Он обещал после одиннадцати подвалить. Он же отчёта потребует.

Павел опять облизал губы. Если в первый раз он сладострастно мечтал о Марининых прелестях, то интересно, что он подумал теперь?

— А пошли глянем, может, машина чего вчера записала? Будет, что шефу докладывать. А что пропал — это потом доложим, в понедельник.

Они вернулись в кабинет с ящиком, прокрутили запись, но про Сергея узнали немного. Пара сцен в гареме, а потом всё коридоры какие-то полутёмные, поле, лес. И всё как-то снизу, словно он полз.

— Ничего не понимаю, — признался Пётр и напустился на Павла: — А вчера ты куда смотрел?

— Ну... мы же сами поставили машину на отслеживание значимых событий, — развёл руками-крылышками тощий. — Их не было, событий этих. А мы... Мы как с тобой сцену в ванне посмотрели, так и расчётам занялись.

— Откручивай назад, к ванне! — потребовал толстяк.

Павел спорить не стал.

Они снова и с удовольствием посмотрели на двух голеньких симпатичных неписей.

А потом стали смотреть дальше. Как Сергея повели по коридорам. Начали переодевать...

— Рутина, — сказал Павел. Голые мужики ему были неинтересны. — Я промотаю.

— Нет, стой! — приказал Пётр.

Вот тут-то они и увидели колдуна, снявшего с Сергея ошейник, и поняли, что случилось с системой наблюдения.

Это крыса бегала по норам, а потом по полям! Это она смотрела на всё снизу!

— Но это же невозможно! — не мог смириться с произошедшим Павел. — Это же код! Наш ошейник нельзя было снять!

— А колдун — снял, — нервно расхохотался Пётр.

— Но кто он? Что за программист-самоучка? — негодовал Павел.

— А ты посмотри, кто это из игроков? — посоветовал Пётр. — И мы ему по самое заветное число вломим.

Тощий Павел долго рылся компьютере, пока не сдался:

— Система не определяет колдуна ни как игрока, ни как непись!

Пётр следил за его усилиями со всё возрастающей паникой.

— А кого, Паша? — воскликнул он. — Кто в игре может быть не игроком, и не неписью, а??

— Так если б я знал!

Больше книг на сайте - Knigoed.net